

Геннадий Неунывахин

Я Вас любил ...

Г. М. Неунывахин

Я вас любил...

Божественная
лирика

Я вас любил...

Любовь и женщины в жизни
и творчестве А. С. Пушкина

Пушкин всегда открытое
и всегда загадка.
С. Тимченко

Эк ***

И uomini зиждась монастыри
Недо зиць власав си
(Кіль монастирських будівель,
Кіль келихів келій)
ПБб монастырь збудував Іоанн Павлович
ПБб міжкоїст митрополит Єпифаній
Іоаннівський храм Донської ікони Пресвятої
ІІ спорудив монастирські келії.

Инші згадки, були зроблені монастырь
Розбільшилося монастирі

Инші згадки зроблені монастырь
Інші монастирі розбудовані.

ПБб збудував монастир, ІІ самородник
Митрополит митрополит Іоанн
Була Троїцька, була Свято-Духовська
Була свята, була Свято-Духовська

К читателю

Работа Г. М. Неуныахина свидетельствует о глубоком профессиональном и личном, человеческом интересе автора к великому поэту России. Представляя, сколь обширна литература по творчеству и жизни А. С. Пушкина, Г. М. Неуныахин предлагает свое видение Пушкина “и как великого художника слова: поэта, писателя, драматурга, критика, журналиста, и как простого человека, жившего среди наших прадедов”.

Авторский рассказ о Пушкине лишен “хрестоматийного глянца”, автор любит его “живого, а не мумию”. Явно слышны в работе мужские откровенные интонации, замечания и оценки. Это придает особую эмоциональную окраску многим страницам. Автор видит Пушкина “живым, общительным человеком”, понимает, как важно для поэта “постоянное накопление впечатлений и чувств и их обновление”.

Создается такое впечатление на основе поэтического, биографического и мемуарного материала, выстроенного по хронометрическому принципу. Воспоминания современников противоречивы, а порой диаметрально противоположны. Автор приводит их, оставляя право выбора оценки читателю. При этом в работе есть и полемические замечания в адрес других исследований, и четко обозначенная собственная позиция.

Материал исследования требует от автора не только широкой начитанности, филологической культуры, но и человеческой чуткости, духовного опыта, мужской деликатности. Многие страницы работы тому подтверждение. Живость и увлекательность изложения отличают стиль работы. При отмеченных достоинствах содержания работа Г. М. Неуныахина компактна по объему и может быть рекомендована в качестве методических материалов для учителей-словесников при изучении биографии и творчества Пушкина.

Гончарова Н. Н.,
ст. преподаватель кафедры
литературы НГПИ.

*Любовь — единственная страсть,
которая оплачивается той же монетой,
которую сама чеканит.*

Стендаль

Почти сто семьдесят лет прошло со дня гибели Пушкина. Много воды утекло за эти долгие годы, многое в мире изменилось, иной стала родная страна, новые русские народились, да только те ли, о которых говорил Гоголь? Не будем гадать, какими представлял Пушкин себе своих внуков и правнуку, многое, наверное, удивило бы его, с чем-то согласился бы, а с чем-то нет.

В отведенное ему историей время он просто жил. Жил насыщенной творческой жизнью. Поэзия — это не только состояние, это работа души. Стихи писать — не дрова рубить. Здесь не сила мышц нужна, а сила мысли, сила духа и постоянное накопление впечатлений и чувств и их обновление. Для Пушкина важно было общение. Активное общение с равным ему по интеллекту и уму. Он не кабинетный поэт, которому нужны тишина и покой. У Пушкина стихи рождались в процессе активной жизни. Для его поэзии нужна была и любовь. Любовь к женщине, которая вдохновляла его, наполняла его душу новыми чувствами, переживаниями. Земная любовь к женщине, общение с ней обогатили Пушкина, придали ей необыкновенную выразительность и красоту. Без любви мы не знали бы этого удивительного и неповторимого “Я помню чудное мгновенье”.

Пушкин был очень общительным человеком. Он был разным. Все, кто знал его, отмечали быструю смену его настроения: он то весел и остроумен, то хмур и неразговорчив, то ласков и нежен, то резок и груб. Он был необычным, не таким, как все. Он был Поэт. Гениальный поэт, воплощение высокой поэзии в полном смысле слова. Его поэзия — сгусток энергии, ее накопитель. Двести лет уже доходит со дня его рождения, а мы все еще получаем от его поэзии эту энергию, и она помогает нам жить.

От природы Пушкин был человек вполне здоровый, с огромным запасом энергии и жизненных сил. Лицом он был не очень притягателен, скорее даже некрасив. “Лицом настоящая обезьяна”, — характеризовал он себя в юношеском стихотворении “Мой портрет”. Кличка “обезьяна” долго преследовала его в свете. Но он не очень расстраивался по этому поводу. Не комплексовал, как сказали бы сейчас. Он с ранней юности знал, что “с лица воды не пить”. В послании известному красавцу Ф. Ф. Юрьеву он пишет:

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,*

— 7 —

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.
(“Юрьеву”, 1820 г.).

Он уже тогда в годы юности понимал, “что “юной красоте” нужна не его внешность, а нечто другое. “Бешенство желаний” ему было хорошо знакомо. Ведь в его жилах текла африканская кровь – “потомок негров”. О повышенной чувственности Пушкина говорят многие его современники. Вот некоторые.

“Пушкин любил приносить жертвы Бахусу и Венере. Волочился за хорошенькими актрисами, причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы”, – так писал о нем лицеист-сокурсник Сергей Дмитриевич Комовский.

А вот что писал другой сокурсник по Лицеею Модест Андреевич Корф: “В Лицее он превосходил всех чувствительностью, а после в свете предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как здоровье и талант его выдержали такой образ жизни. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей. У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственным страстиам и поэзия – в обеих он ушел далеко... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими Пушкин представлял тип самого грязного разврата”. Насчет “грязного разврата” Корф явно преувеличил. Оставим это на его совести. Здесь слышатся отголоски глухого застарелого раздражения. Причины, видимо, для этого были, не будем вникать в них. Вспомним, что говорили люди, лучше знавшие поэта. Например, его брат Лев Сергеевич.

“Женщинам Пушкин нравился: он бывал с ними необыкновенно увлекателен. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должен заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда он являлся поэтом – гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях”.

Уж Лев-то знал своего брата лучше, чем М. А. Корф. Вот еще впечатление современника поэта. “Как теперь вижу его живого, даже вертлявого, с великолепными большими чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми блестящими зубами, о которых он очень заботился. Он вовсе не был смугла, ни черноволос, как уверяют мно-

гие, а был вполне белокож с выющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким остался его брат Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу, но не более того, что оправдывало его стихи о самом себе: "потомок негров безобразный". Напротив того, черты лица его были привлекательны, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет работы Кипренского похож безукоризненно. В одеждах и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе". Это вспоминал Михаил Владимирович Юзефович, знакомый Пушкина.

А вот отзывы женщин. Предоставим им слово. Молоденькая петербургская красавица Аннет Оленина, которая едва не стала невестой Пушкина, увидела его в 1827 году на балу. "Бог даровал ему гений единственный, не наградив его привлекательной наружностью".

Юная Александра Смирнова увидела Пушкина почти в то же время, что и Оленина.

"Пушкин был очень красив, рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами, и чудные голубые глаза". И еще одно мнение женщины. "Трудно было с ним вдруг сблизиться, он был очень неровен в обращении, то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то угомительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Вообще же, надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренне и был неописуемо хорош, когда что-либо волновало его. Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротою и увлекательностью его речи". Это пишет женщина, которая знала его много лет и к которой он некоторое время был неравнодушен. Это Анна Петровна Керн. Послушаем дальше. "Живо воспринимая добро, Пушкин не увлекался им в женщинах. Его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему нравиться привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинно глубокое чувство, им внущенное. Сам он почти никогда не выражал своих чувств. Он как бы стыдился их и в этом был сыном своего времени". Что ж, ей можно верить.

И приведем еще одно мнение. Говорит Вера Александровна Нащокина, жена друга поэта.

"Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передавал и сотой доли духовной красоты его облика - особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтически задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна души и ощущений, переживаемых душой великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видела".

Так запечатлелся облик Пушкина в памяти этих людей, столь не похожих между собой. Но как ни разнообразны приведенные рассказы людей, знав-

Е. К. ВОРОНЦОВА.

Рисунок А. С. Пушкина на рукописи “Евгения Онегина”

ших поэта, кое-что общее есть. Вне сомнения, его необыкновенность. И в чувственном плане Пушкин был одарен значительно выше среднего человеческого уровня. Он был гениален и в любви, быть может, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к внешней женской красоте всем бросались в глаза. Но одни видели только “грязный разврат”, другие – воззвщенность чувств, естественное для поэта стремление к красоте, к любви, так необходимой для вдохновения. Все-таки надо признать, что “другие” были ближе к истине.

Пушкин принес много жертв Афродите обожаемой (сейчас ее называют прозаичней и проще – путаной). В этом нет ничего неожиданного, особенно если вспомнить нравы и привычки среды того времени, к которой он принадлежал. Но можно слегка удивиться – ему и в голову не приходило усомниться в естественности и законности предоставленного мужчине права покушать женское тело за деньги. Весьма вероятно, он не смог бы попять Достоевского, Толстого и Куприна – их резкий протест и осуждение этого явления. О публичных домах он говорит в веселом, беззаботном тоне, описывая их быт и нравы, не выражая никакого сомнения в их необходимости. Известная в свое время Софья Астафьевна, содержательница фешенебельного веселого дома с красным фонарем, хорошо знала Пушкина. Он появлялся под ее гостеприимным кровом и в первые годы своего петербургского жития, и много позднее.

В старших классах Лицея, когда лицеистам было уже по 16-17 лет, они могли свободно отлучаться в город. Пушкин имел возможность впервые познакомиться с доморощенными Венерами. Мы не знаем, когда именно это произошло, когда он впервые узил женские ласки и стал мужчиной, но, видимо, именно в это время. Он созрел как мужчина раньше многих других своих сверстников. Азбуку любви он изучил быстро. Гораздо раньше, чем в душе его зародилось подлинное чувство к какой-либо определенной женщине. В жизни Пушкина было много женщин. Его африканская кровь буквально бурлила при виде хорошеных ее представительниц. Не случайно на страницах его рукописей красуются женские ножки, стройные, соблазнительные. Ему порой стихи в голову не шли, там рождались другие образы, воображение рождало “чудные мгновения”. Его поэзия требовала женского участия. Влюблялся, как сам он признавался, во всех “более или менее хорошеных женщин”. Однажды он побывал в цыганском таборе, заслушался цыганских песен, влюбился без памяти в “диковую красавицу” Земфиру и, недолго думая, ушел с этим табором на две недели. Поэма “Цыганы” во многом автобиографична. Как и в поэме, дело кончилось трагически, только зарезал Земфиру не гордый пришелец, а молодой ревнивец-цыган.

Через десять лет после окончания Лицея он писал:

В начале жизни мною правил
 Прелестный, хитрый, слабый пол,
 Его единий произвол.
 Душа лишь только разгоралась,
 И сердцу женщина являлась
 Каким-то чистым божеством.
 Владея чувствами, умом,
 Она сияла совершенством.
 Пред ней я таял в тишине:
 Ее любовь казалась мне
 Недостижаемым блаженством,
 Жить, умереть у милых ног -
 Иного я желать не мог.

(“Евгений Онегин”, 1827 г.).

Когда же впервые пришла любовь к Пушкину? Судя по всему, довольно рано - в 16 лет. Вот первая взволнованная запись в дневнике Пушкина от 29 ноября 1815 года: “Итак, я наслаждался, отрадой тихою, восторгом упивался”. Речь идет о первой любви Пушкина - Екатерине Бакуниной. Эта страстица жизни Пушкина до сих пор остается загадкой, не проясненной до конца. Мы знаем лишь ее начало. Со всей определенностью можно сказать лишь одно - это было действительно глубокое, сильное чувство. Вот что пишет все тот же С. Д. Комовский: “Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила в Пушкине сестра лицеиста Александра Павловича Бакунина - Катерина. Она часто навещала брата и всегда приезжала на лицейские балы”. В “Ведомостях состояния Лицея” таких посещений за все годы учебы зафиксировано шестьдесят шесть. Впервые она появилась в Царском Селе в 1815 году и произвела на лицеистов сильное впечатление. Не одно мальчишеское сердечко вздрогивало при упоминании ее имени. А трое из них влюбились в нее, как говорится, по уши. Иван Пущин писал ей любовные письма. Молча вздыхал и страдал Иван Малиновский. Третьим влюбленным был Александр Пушкин. Пушкину шел семнадцатый год. Физически крепкий, стройный, легкий, порывистый, как ветер, и “отчаянию талантливый”, он только входил в славу.

В. А. Жуковский уже называл его “будущим гигантом, который нас всех перерастет”. В декабре того же 1815 года Г. Р. Державин скажет приехавшему к нему в гости писателю С. Т. Аксакову: “Скоро явится свету второй Державин - это Пушкин, который еще в Лицее перешеголял всех писателей”. Конечно, он был на виду у всех своих товарищей по Лицею.

В 1816 году на лето двор, как обычно, переехал в Царское Село. Зелень, фонтаны, прогулки по парку. Теперь Катерина была совсем рядом с Лицеем,

с Пушкиным. Они встречаются. Каждая такая встреча, самый незначительный разговор были полны для Пушкина особого творческого значения. Душа его пылала.

*О, милая, повсюду ты со мною,
Но я уныло в тайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Я все тебя, прелестный друг, ищу!*

Конечно, истинного романа, какие Пушкина ожидали в будущем, здесь не было. Сказывались и юность, и разница в возрасте (Бакунина на четыре года старше Пушкина), к тому же Катерина занимала слишком высокое положение при дворе. Она, дочь действительного статского камергера, дипломата Павла Петровича Бакунина, была одной из самых любимых фрейлин императрицы Елизаветы Алексеевны. Вероятно, Бакуниной были небезразличны чувства и стихи юного лицейского поэта. Она, как и многие, понимала, что в нем “уже тогда угадывался гений”.

Прошло лето, и Бакунина уехала. Первым стихотворением, вызванным ее отъездом, было, по всей вероятности, “Осеннее утро”. На нем лежит печать легкой нежной грусти.

*Уж нет ее, я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный.*

Поэт бродит по знакомым местам, всюду видит образ любимой, прощается с ней “до сладостной весны”.

Наконец, между Пушкиным и Бакуниной происходит объяснение. Надо полагать, что Пушкин написал ей письмо и получил мягкий, но не оставляющий надежды ответ. Это объяснение вызвало творческий взрыв. Из-под пера поэта выходят стихи: “Желание”, “Друзьям”, “Я думал, что любовь погасла навсегда”, “Певец”, “К письму”, “Она” и другие. Эти стихи, светящиеся искренней любовью, удивляют изяществом, красотой. Элегии 1816 года составляют целый раздел в творчестве Пушкина – так называемый “бакунинский цикл”. Судя по стихам, Пушкин долго был безутешен. Но это в стихах, а в жизни дело было не столь уж tragично. Молодость брала свое, каждый день приносил новые впечатления, сердечная рана затянулась и освободившееся место после Бакуниной заняла хорошенская вдовушка Мария Смит. Относительно этой молодой женщины нам известно очень немного. Ее девичья фамилия была Шарон Лароз, и она приходилась дальней родственницей директору Лицея Егору Антоновичу Энгельгарду. Пушкин встречался с ней в Лицее на балах и в доме у директора, который часто приглашал лицеистов к себе на семейные вечера. Мария привлекала к себе внимание многих лицеистов. Пушкин на какое-то время увлекся Марией. Чувством к Марии внушины некоторые стихотворения 1816-1817 годов. Она появляется в них под

именами Лили и Аиды. Грусти уже нет, по большей части в шутливых и не совсем пристойных посланиях Пушкин описывает свою любовь, сначала неразделенную и отвергнутую, а потом достигшую всего, чего только можно желать. Говорит о таинственныхочных свиданиях и страхе красивой вдовы, которая, принимая юного любовника, боится загробной мести умершего мужа. Сейчас уж, пожалуй, не установить, какие из этих подробностей взяты с натуры, а какие зародились исключительно в фантазии поэта. Никогда впоследствии Пушкин не вспоминал о Марии Смит и, вероятно, это небольшое лицейское увлечение совершенно изгладилось из его памяти.

После окончания Лицея, живя в Петербурге, Пушкин снова встретился с Бакуниной. В стихотворении 1817 года "К ней" поэт говорит о своем возрождении, происходит какое-то событие, которое вновь заставляет звучать воскреснувшие струны. В день рождения Бакуниной он делает запись в ее альбоме:

Напрасно воспевать мне ваши именны.
При всем усердии послушности моей
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть Вас милей.

Последующая ссылка, прерванное на несколько лет общение, новые знакомства и впечатления, казалось, поставили точку в отношениях поэта и Бакуниной. Но образ ее еще не раз вновь и вновь промелькнет в его стихах. В 1820- 1830 годы в набросках 1X главы "Евгения Онегина" Пушкин пишет о Бакуниной.

В те дни... в те годы, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной дамы и любовь
Младую взболновала кровь.
И я, томясь безнадежно,
Томясь обманом пылких слов,
Везде искал ее следов,
О ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал.

Приходилось ли Пушкину в дальнейшем встречаться с Бакуниной? В бывшем Новоторжском уезде Тверской губернии находилось родовое гнездо Бакуниных - Прямухино, где, конечно, не раз бывала Екатерина Павловна. По соседству в тверских усадьбах своих приятелей Вульфов в конце 20-х годов часто останавливался и работал Пушкин. Осенью 1829 года, возвращаясь с Кавказа в Петербург, Пушкин заехал к Вульфам и прожил там почти месяц. Он много ездил верхом, посещал соседние усадьбы. Существует предание, что

Рисунок А. С. Пушкина

он бывал в Прямухино. Это позволяет думать, что здесь он снова, может быть, в последний раз видел Бакунину. Ничьих воспоминаний о такой встрече нет. Кроме, как всегда, стихов самого Пушкина. В начале ноября 1819 года одновременно с известными стихами “Зима, что делать нам в деревне”, “Зимнее утро” (оба они написаны в Павловском) написано прекрасное стихотворение, адресат которого до сих пор окончательно не установлен. Но кое-какие намеки позволяют предположить, что оно посвящено Катерине Бакуниной. Поводом, вероятно, была встреча, которая много воскресила в памяти.

Я Вас любил. Любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем,
Но пусть она Вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить Вас ничем.
Я Вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, но ревностью томим,
Я Вас любил так искренне, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.

Эти стихи - последний аккорд в прекрасной, полной глубокой страсти жизни великого поэта. Сейчас мы знаем эти строки наизусть, и уже нет дела до того, кому они были посвящены - Бакуниной или Олениной, или еще кому. Но мы чувствуем пережитую поэтом боль души. Любовь всегда права. “Я не хочу печалить Вас ничем”. Вот нравственная высота, вот тот идеал - недосягаемый, достойный поклонения.

Как все задумчиво, прозрачно, душевно, светло в этих стихах, как мягко и любовно по отношению к тому, кому посвящено или кому адресовано это стихотворение. Пожалуй, во всей мировой лирической поэзии нет ничего лучшего, более гармоничного, чистого, благородного. И если есть что-нибудь равное этому, то это опять Пушкин. Перед нами стихотворение, которое не так уж часто встречается, не на слуху, во всяком случае. Прочитаем его внимательно, не спеша.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то плачущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал.

Вот они, ножки, мелькавшие на страницах, и в стихи вошли. Как все здесь по-пушкински, истинно пушкинское изящество и непринужденность, истинно пушкинская простота, пушкинское лирическое состояние души, откры-

тость чувств.

А Екатерина Павловна, между тем, стала замечательной художницей. Имела выставки, много заказов. Однако прославилась она и осталась в памяти потомков именно влюблённостью в нее великого поэта. Вполне сознавая это, она как реликвию берегла до конца своей жизни написанное рукою Пушкина в ее альбоме поздравление ко дню рождения.

Уже в очень зрелом возрасте она вышла замуж. Надежда Осиповна Пушкина (мать поэта) в 1834 году сообщает дочери: "...как новость скажу тебе, что Бакунина выходит за господина Полторацкого, двоюродного брата госпожи Керн. Свадьба будет после Пасхи. Ей сорок лет, и он не молод. Вдов, без детей и с состоянием. Говорят, он два года как влюблен".

Покинув высший свет, она 21 год прожила с мужем в мире и согласии. Удаляясь в глухомань - красивое тамбовское село Рассказово, Бакунина охотно переписывалась с друзьями, писала пейзажи, портреты, полные чистоты и ясности, воспитывала детей, наслаждалась семейным счастьем. Словно дивным цветком, первым трепетным чувством Пушкина наградил ее Бог.

Окончив Лицей, молодой Пушкин появляется в свете. Его приглашают с распластанными объятьями, считают за честь знакомство с ним. В это время он встречается с Оленькой Массон. Она старше его на три года. Ей он посвящает эти строки:

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты.
Поцелуем сладострастия
Ты, превозя сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячною любовью
В дверь стучим, но сотни раз
Слышишь твой коварный шагом,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ольга Массон не оставила глубокого следа в сердце поэта. Но Пушкин сохраняет добroе воспоминание о ней. Черты ее угадываются в Ольге Лариной. Ольга Массон вышла замуж за почтенного чиновника, жила в Могилеве, продолжала блестать в провинциальном свете, но уже как "верная супруга и добродетельная мать".

А теперь пора рассказать о так называемом донжуанском списке. Это список женских имен, записанных в альбом Елизаветы Ушаковой. Ушаковы

жили в Москве. В их доме собиралась молодежь. В центре внимания были сестры Ушаковы: Екатерина и Елизавета. Пушкин в 1827-1829 годах часто бывал в их доме. Альбомы Екатерины и Елизаветы были заполнены его стихами и рисунками. Екатерина Ушакова, по свидетельству современников, была в полном смысле красавица - блондинка с пепельными волосами (косы до колен), темно-голубыми глазами, роста среднего. Пушкин был к ней неравнодушен. Одна современница Пушкина писала в дневнике: "По-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие свое у ног ее, т. е. сказать, просто влюблен в нее. Это общая молва. Я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что Ушаковой: на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании Ушаковой *нет*, то Пушкин сидит целый вечер в углу, задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его. В доме Ушаковых все напоминает о Пушкине: на столе *найдете* его сочинения, между нотами - "Черную шаль" и "Цыганскую песню", на фортепиано - его "Талисман", в альбоме - его картины, стихи, карикатуры, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина". 3 апреля 1827 года Пушкин написал в альбоме Екатерины Николаевны:

Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
"Аминь, аминь, рассыться!" В наши дни
Гораздо менее, бесов и привидений (Бог ведает, куда
девались они)
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые,
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою
И сердцу полному мечтою
"Аминь, аминь, рассыться", - говорю.

Екатерина Николаевна питала к Пушкину глубокое чувство и сохранила его на долгие годы. Она вышла замуж только после гибели поэта. По семейному преданию, Екатерина Николаевна незадолго до смерти приказала дочери подать ей шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. "Мы любили друг друга горячо, - сказала она, - это была наша **сердечная тайна**. Пусть она и умрет с нами".

Эта женщина не пожелала выставлять свою любовь напоказ. Так вот, в альбоме младшей сестры Елизаветы Пушкин записал сначала 16 женских имен:

*Наталья I
Катерина I
Катерина II
НН
Княгиня Абдотья
Настасья
Катерина III
Аглая
Калико
Пульхерия
Амалия
Элиза
Евграксия
Катерина I V
Анна
Наталья*

Затем через интервал еще 18 имен:

*Мария
Анна
Софья
Александра
Варвара
Вера
Анна
Анна
Анна
Варвара
Елизавета
Надежда
Аграфена
Любовь
Ольга
Евгения
Александра
Елена*

Всего 34 имени. И ни одной фамилии. Вот и приходится гадать, кто есть кто. Первая часть легче поддается разгадке, там установлены все имена, кроме

Настасьи. А вот со второй частью посложнее. Но по порядку.

Первая часть списка начинается именем Наталии. Видимо, Наталий было несколько, как Катерин, или Анн, но Катерин он пронумеровал, а Наталья! так и осталась первой. А Анн вообще оставил без внимания. Одна в первой части и четыре во второй. Конечно, это далеко не полный список. В одном из писем Соболевскому он пишет: "Наталья (имеется в виду Наталья Гончарова) у меня сто тринацатая любовь". Поэтому список этот - не тот путеводитель, который привел бы нас к раскрытию сердечных тайн поэта. Пушкин был совершенно неутомим в своих амурных похождениях. Ничто не могло остановить его: ни недостаток средств, ни благие советы старших друзей, ни постоянная опасность стать "жертвой вредной красоты".

Вот воспоминания некоторых современников Пушкина, хорошо знавших, видевших его вблизи.

"Сверчок прыгает по бульвару и по... (Но при всем беспутном образе жизни его кончает четвертую песнь поэмы "Руслан и Людмила"). Если бы еще два или три... так и дело в шляпе. Первая болезнь была первой кормилицей его поэмы". Это пишет Александр Иванович Тургенев Вяземскому 18 декабря 1818 года.

*Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неболе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы,*

(“Воспоминание”, 1828 г.)

Скажет потом Пушкин. "Старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься, - радуется князь Вяземский. - Венера пригвоздила его к постели".

Некоторое время спустя тот же Тургенев извещает Вяземского: "Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал, делает визиты мне и Голицыной, а вечером играет в банк". В черновиках того времени читаем:

*Я стражду восемь дней
С лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови,
С раскаяньем в рассудке.*

"Раскаянья в рассудке" хватало ненадолго.

Донжуанский список начинается именем Наталии. Кто ж эта первая любовь юного лицеиста? Среди биографов-пушкинистов нет полного единства, кого именно из трех Наталий, известных ему еще в Лицее, он отметил своим вниманием. Обратимся опять к стихам его.

Из Катонов я в отставку
 И теперь я селадон,
 Миловидной жрицы Талыи
 Видел прелести Натальи
 И уж в сердце Купидон!
 Так Наталья признаюся,
 Я тобою полонен
 В первый раз еще - стыжуся
 В женски прелести влюблен.

Итак, первую по списку любовью Пушкина была жрица Талыи, т. е. актриса. Она выступала в театре графа В. В. Толстого. По-видимому, она была красива (портрет ее до нас не дошел), но бездарна, что не укрылось от ее юного поклонника. “Ты не наследница Клерона, не для тебя свои законы владелец Пинда начертил”, - писал Пушкин, обращаясь к ней. Послания “К Наталье” и “К молодой актрисе” относятся к 1814 году. Пушкину - 15 лет, счастливая пора, детство заканчивается, начинаются годы юности, пора влюбленности. Пушкин влюбляется во всех красивых девушек. Это мимолетное совершенно случайное увлечение продолжалось недолго. Бойкий, веселый ритм стихов, посвященных Наталье, соответствует тому чувству, которое внущила она поэту. Любовь эта была еще мальчишеством. Только в следующем году сердце Пушкина было серьезно затронуто Катенькой Бакуниной, но о ней мы уже рассказали.

Кто же Екатерина II? Это знаменитая трагическая актриса Екатерина Семенова. В те годы она была в расцвете своей славы. Талантом Семеновой восхищался не один Пушкин. Игра ее вызывала восторженные стихи Батюшкова. Ее портреты писали Орест Кипренский и Карл Брюллов. Семенова была кумиром будущих декабристов. Один из современников Семеновой писал: “Это была богиня, которая сходила с Олимпа на землю только в необыкновенных случаях, когда страсть подлежало возвысить до героизма”. В 1826 году Семенова оставила сцену. Пушкин, узнав об этом, писал:

Ужель умолк волшебный глас
 Семенной, сей чудной музы?
 Ужель, навек оставя нас,
 Она расторгла с Фебом узы,
 И славы русской луч угас.

Пушкин какое-то время был увлечен талантливой актрисой, и хотя Николай Иванович Гнедич пишет, что поэт “безуспешно приволакивался за нею”, не очень верится, что безуспешно. Иначе бы с какой стати она попала в этот донжуанский список. Непричастных женщин там не было. Уже в наше

время историки театра напишут: "У Семеновой всегда был какой-то резкий контраст между служением искусству и жизнью, для устройства которой, видимо, не было ни сил, ни времени, ни выдержки. Строгая, взыскательная, даже педантическая, когда дело касалось искусства, - за пределами сцены она теряла волю и предавалась течению. Казалось бы, жизнь ее сложилась как в сказке: из крепостных она поднялась к славе и почестям. Брак с князем Гагариным сделал ее независимой. Но не было в Семеновой ни женского честолюбия, ни цепкости, чтобы гагаринские корни стали ее корнями, не было и умения вести дом, распоряжаться хозяйством и воспитанием детей. Все шло не так, как положено было в кругу, в котором оказалась. После смерти Гагарина благосостояние ее семьи стало стремительно падать. В феврале 1849 года она слегла в тифозной горячке и 1 марта умерла в наемной квартире".

Сегодня, воскрешая в памяти пленительный образ "единодержавной царицы трагической сцены", мы благодарны ей за то высокое эстетическое наслаждение, которое испытал Пушкин в "старинном многоярусном театре при свете оплавывающих свечей".

И вот мы подходим к таинственному имени, скрытому под **NN**. Кто же здесь спрятан, кого Пушкин засекретил, не захотел даже назвать ее подлинное имя и почему? Над этим боятся пушкинисты уже второе столетие. Версий на этот счет много, всего лишь версий. Точный ответ знал лишь сам поэт, но он унес эту тайну с собой. Каких-либо новых версий у нас для этой работы нет, а повторять старые, наверное, нет смысла, поэтому пропустим эту загадочную строчку и пойдем дальше.

После **NN** стоит княгиня Авдотья, хотя по возрасту полагалось бы назвать ее Евдокией Ивановной, она на десять лет старше Пушкина. Да и положение ее все-таки требовало более почтительного обращения. Здесь сквозит ирония, насмешка — княгиня и Авдотья. Странно, если иметь в виду, что одну "Вольность", из-за которой у него были неприятности, он отдал именно ей, княгине Авдотье. Все-таки придется вкратце рассказать о ней. Жила Е. И. Голицына в собственном доме и принимала гостей в ночное время.

Сохранилась легенда, что гадалка предсказала ей смерть в ночное время. Поэтому Екатерина Ивановна спала днем, а по ночам бодрствовала. Отсюда и прозвище ее — "Ночная княгиня". Не менее правдоподобно и другое объяснение неурочных этих "сходок". Ночная княгиня мало считалась с мнением столичного бомонда, нередко шокировала его своими поступками. Поэтому не исключено, что к такой экстравагантности, какочные "носиделки", она прибегала, чтобы отстоять свое право на самостоятельность и свободу. А гостям эти поздние "тусовки" (как сказали бы сейчас) при свечах и камине, видимо, нравились.

Мечтой забытое моею,
Онажды вспомнилося моею,
Братец сибиряк! Братец мой!
Русь приветствует память;
Сибирь! Память память Тобо!
Касаткин Бисеров и Губаев
Стадион бывалый Гофель.
Память утешающая память!

K.N. Goliatskaya
подпись к стихотворению

Прежний бывший памятник предстал
Минск в Беларусь землю.
Нынче предстал памятник Славянка
Все вспоминает Бывший
Бывший будущий, землю поминает
Город?.. как будто бы...!
Бывший памятник землю.
Бывший будущий землю.

1817.

Последние строфы оды «Волность»
и стихотворение «Ки. Голицыной». Автограф.

Пушкина влекли в салон Голицыной не только романтика ночных встреч, но и встречи с людьми, с которыми ему было интересно общаться. Салон Голицыной посещали Жуковский, Вяземский, Одоевский, Тургенев, Грибоедов (последний, кстати сказать, читал там “Горе от ума”). Так что культура Петербурга не дремала, а иногда и не спала по ночам и, надо полагать, что скучать не приходилось, тем более, что и сама хозяйка салона, по свидетельству современников, обладала острым умом, высказывала неординарные суждения. Вяземский пишет про нее: “Княгиня Голицына была очень красива, и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости, но и вторая, и третья молодость ее пленили какой-то свежестью и целомудрием девственницы. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная, голос и произношение необыкновенно мягкие и благозвучные. Вообще красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней было что-то ясное, спокойное, скорей ленивое, бесстрастное. По собственному состоянию своему, по обоюдно согласованному разрыву брачных отношений, она была совершенно независима. Но эта независимость держалась в строгих границах чистейшей нравственности и существенного благоприличия. Дом ее на Большой Миллионной был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников. Хозяйка сама хорошо гармонировала с такою обстановкой дома. Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и прихоти скоро изменчивой моды. Во всем отражалось что-то изящное и строгое”.

В 1817 году Пушкин сильно увлекался княгиней Голицыной. Карамзин писал князю Вяземскому: “Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви”. Вскоре Пушкин и “записал от любви”.

Пушкин продолжал бывать у Голицыной и в следующие годы до своей высылки, но увлечение его уже стало остывать. В 1819 году он послал ей свою оду “Вольность”. Посылку свою он сопроводил следующими любезными стихами.

Простой воспитанник природы,
Так я бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И сю сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же? Слабый человек!

Свободу потеряв навсег,
Неволю сердцем обожаю.

(Княгине Голициной, посыпая ей оду
“Вольность”, 1819 г.)

В ссылке Пушкин не раз вспоминал “Ночную княгиню”. Ее имя встречается в трех письмах того периода. А. И. Тургеневу он писал: “Вдали камина княгини Голициной замерзнешь и под небом Италии”. Встречался Пушкин с Евдокией Ивановной и после возвращения из ссылки. Скончалась Голицына на семидесятом году, в том возрасте, когда смерть уже не провести с помощью хитроумных уловок. Но пророчество гадалки сбылось. Это случилось ночью.

6 мая 1820 года, получив тысячу рублей ассигнациями, Пушкин выехал в Кишинев.

Кишинев в ту пору был довольно своеобразным городом. Присоединенный к России всего за 10 лет перед тем, он хранил многочисленные остатки недавнего турецкого владычества. Живописный восточный колорит отражался на обстановке всей жизни и на поведении людей. Знатные молдавские бояре еще носили бороды, чалмы и красивые восточные одежды, но младшее поколение уже успело остричься, обриться и надеть европейские фраки.

Здесь были все необходимые последствия резкой перемены в общественных нравах, привычках и образе жизни. Особенно резко сказалась эта перемена на женской половине общества. Молдаванки и гречанки, еще недавно содержавшиеся в строгом, почти гаремном затворе, на мусульманский лад, внезапно познакомились с европейской цивилизацией в виде маскарадов, балов, французских романов и мод. Необузданная жажда жизни со всеми ее радостями родилась отсюда. Кишиневские дамы, в большинстве своем удержавшие еще некоторый восточный отпечаток во внешности и в характере, но уже по-европейски свободные в обращении, были страстны, влюбчивы и доступны. Двадцатидвухлетний Пушкин великолепно чувствовал себя в этом мире легкой влюбленности и амурных приключений.

Известный афоризм “Восток – дело тонкое” придуман не Пушкиным, но ему и не надо было нечто подобное придумывать – он на практике довольно быстро усвоил эту известную сегодня истину, хотя на первых порах доброму Иппову приходилось не раз спасать его от разъяренных мужей, сажая под арест на гауптвахту на несколько дней, пока не остынут, не улягутся разыгранные страсти. И выходил к барьера не раз, но судьба берегла, обходилось, да и зла на него никто не держал. Кишинев – это не Петербург, здесь его любили.

Кишиневский период в донжуанском списке представлен двумя именами. Именами необычными, редко встречающимися. Пушкин припомнил их, ви-

димо, ради шутки или забавного курьеза, потому что ничего похожего на любовь по-пушкински здесь и близко нет.

Итак, Калико Полихрони. Рассказывали, будто бы она была любовницей Байрона во время его пребывания в Турции. В Кишиневе она появилась в 1821 году. “Она была нехороша собой, - рассказывает Филипп Филиппович Вигель, довольно хорошо ее знавший, - маленького роста, с едва заметной грудью, с длинным сухим лицом, всегда нарумяненным, с большим носом и огромными огненными глазами”. Удивительно, что могло его здесь привлечь, разве то, что она была любовницей Байрона. Его связь с ней длилась очень короткое время. Современник Пушкина Иван Петрович Аliprandi утверждал, что “Пушкин никогда не был влюблен в Калику, т. к. были экземпляры несравненно лучше”. Калико Полихрони поэт посвятил стихотворение “Греchanка”.

Совершенной противоположностью маленькой гречанке была вялая и малоподвижная румынка Пульхерия, дочь боярина Варфоломея. Писатель Александр Фомич Вельтман, живший в Кишиневе одновременно с Пушкиным, пишет о ней: “Она была необъяснимый феномен в природе. Можно подумать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. Те движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата. Ее лицо и руки были так изящны. Пульхерия была круглая, полная, свежая девушка. Она любила говорить более улыбкой, но эта была улыбка здорового беззаботного сердца. Многие добивались ее руки, отец давал согласие, но Пульхерия всем отказывала”. Пушкин ценил ее простодушие и доброту. Разумеется, никакого настоящего романа здесь не могло и быть. Пульхерия долго оставалась девушкой и уже в довольно зрелом возрасте вышла замуж за греческого консула в Одессе.

Летом 1823 года Пушкин благодаря хлопотам А. И. Тургенева получил новое назначение по службе. Из захолустного Кишинева был переведен в шумную и кипевшую жизнью Одессу. Друзья поэта - Жуковский, Вяземский и Тургенев надеялись, что перемена послужит ему на пользу. Поведение Пушкина в Кишиневе внушало им немалую тревогу. Они стремились вырвать его из провинциального Кишинева, перевести в более цивилизованную Одессу и много надежд возлагали на вновь назначенного новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова, который пользовался репутацией мецената и просвещенного вельможи. Воронцов обещал Тургеневу взять Пушкина к себе с целью “спасти его нравственность и дать его таланту и силу развиться”. Но надеждам друзей не суждено было сбыться. Поэт не ужился с генералом. Видимо, из соображений “спасти его нравственность” он послал его на борьбу с саранчой, а поэт в ответ вместо того, чтобы быть благодарным за такую заботу, написал на него известную эпиграмму.

Полугерой, полунебожда,
К тому ж еще полуподлец!
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что будет полный, наконец.

Надежды Пушкина скоро оправдались. Воронцов хорошо постарался, чтобы поэта наглоухо заперли в деревне. Но мы отвлеклись.

Пушкин проживал в Одессе около года и оставил ее поневоле после резкого столкновения с Воронцовым. С тех пор он всегда вспоминал о своем неудачливом меценате, да и обо всех обстоятельствах своего одесского житья-бытия с чувством желчного раздражения.

В донжуанском списке одесский период отмечен двумя именами - это Амалия и Элиза. Первая из них Амалия Ризнич, вторая - Елизавета Воронцова, жена Воронцова - новороссийского генерал-губернатора. Тут уместно будет сказать, что Пушкин, как правило, не смотрел на очередную избранницу с позиции, чья она жена и кто там муж. Это для него не имело никакого значения. Рога мужьям он ставил без всякого сожаления, правда, и жен таких не особо уважал.

Роман Пушкина с Амалией Ризнич начался несколько раньше, чем с Воронцовой, и закончился тоже раньше. "Госпожа Ризнич, - свидетельствовали современники, - была молода, высока, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белизны и черная коса до колен". Любила веселую жизнь, праздники, танцы, страстно увлекалась картами. В дом графини Воронцовой не допускалась, но холостая молодежь валом к ней валила. Ее окружал рой поклонников. Летом 1823 года в Одессу приехал Пушкин и страстно, как всегда, увлекся Ризнич. Это была горячая, дурманящая, чувственная страсть, на некоторое время охватившая Пушкина.

Ризнич посвящены стихи, написанные 26 октября 1823 года.

Твой голос для меня и ласковый, и томный,
Тревожит позднее молчанье ночи темной...
Во тьме твои глаза блестят предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг, люблю...

твоя.. твоя..

В мае 1824 года она уехала в Италию. В начале 1825 года она умерла там от чахотки в нищете, лишенная мужем материальной поддержки.

Елизавета Воронцова появилась в Одессе через два месяца после приезда Пушкина. Красивая утонченной красотой, в тридцать один год она выглядела очень моложаво. Но поэт в ту пору увлекался Амалией Ризнич, вдобавок Воронцова была в "интересном положении" и в обществе не показывалась,

так что Пушкин “открыл” прекрасную Элизу не сразу. Позднее они встречались довольно часто. Тогда поэт и был “могучей страстью очарован”. Елизавета Ксаверьевна, урожденная графиня Бранницкая, была дочерью польского магната и одной из племянниц князя Потемкина. Выйдя в 1819 году замуж за графа Воронцова, Елизавета Ксаверьевна сделала, без сомнения, одну из самых блестящих партий. Сын знаменитого екатерининского дипломата, воспитанный в Англии, и поэтому привычками и вкусами своими больше напоминал английского лорда, чем русского генерала. Брак, сочетавший Воронцову, в замужестве слегка напоминает судьбу Татьяны Лариной, но хрустальная чистота этого любимого образа романа не досталась в удел графини.

Чувство Пушкина к Елизавете Ксаверьевне оставило глубокий след в душе поэта. Оно запечатлено во многих обращенных к Воронцовой стихах: “Желание славы”, “Сожженное письмо”, “Храни меня, мой талисман”, “Прощание”. Уезжая из Одессы в Псковский край, Пушкин получил от Воронцовой перстень-талисман, которым очень дорожил и с которым не расставался.

Письма Пушкина к Воронцовой неизвестны, кроме одного. В ответе на просьбу прислать свои произведения для издаваемого с благотворительной целью альманаха в коротком деловом письме Пушкина звучит незабытое и через десять лет чувство: “Осмелюсь ли, графиня, сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов”.

Встречались ли Пушкин и Воронцова впоследствии? Да. В декабре 1828 года, о чем говорит запись поэта в дневнике. Но эти встречи уже не были похожи на одесские, все уже было в прошлом, позади, и Пушкина занимали другие чувства, другие мысли.

В конце лета 1824 года Пушкин уезжает из Одессы. Получив из канцелярии Воронцова 150 и заняв 600 рублей у В. А. Вяземской, Пушкин со своим верным дядькой Никитой Тимофеевичем Козловым направляется из одесской ссылки в михайловское изгнание. Не будем говорить здесь о причинах ужесточения положения Пушкина. Это отдельный разговор.

9 августа 1824 года Пушкин приехал в Михайловское. Шел пятый год его ссылки. Михайловский период в жизни Пушкина – особый период. Два года жизни в деревне вдали от светских салонов и шумных балов, показной мишуре светского этикета, женского кокетства и запуганных интриг дали мощный импульс для творчества. Что ни говори, деревня всегда для Пушкина была благом. Здесь ему лучше работалось, не случайно он так рвался в деревню в последние годы, ему так не хватало этой деревенской тишины, покоя, ее свежего воздуха.

И тут, в Михайловском, все было просто. Жизнь на природе, без особых забот, правда, нет того общества, но есть Тригорское со своими барышнями.

Их тут большое семейство, настоящее женское царство. Владелица поместья, двукратная вдова Прасковья Александровна Осипова, урожденная Вындорская, по первому мужу Вульф. Перечислим ее дочерей: от первого брака - Александра и Евпраксия Николаевны, от второго брака Александра Ивановна Осипова. Племянницы: Анна Ивановна Вульф, Анна Петровна Керн. Все они - три Анны, Евпраксия и Александра занесены в донжуанский список. Сама хозяйка Прасковья Александровна хотя и не занесена в него, но имела все основания для этого. Поскольку список носил шутливый характер, то шутить над Прасковьей он не посмел, он ее слегка побаивался. В Тригорском Пушкин был в центре внимания. Все молодые женщины и девицы от скуки кокетничали с Пушкиным, некоторые даже серьезно влюбились в него. И сам он не отказал себе влюбиться во всех понемногу.

Вообще-то Пушкин был не особенно высокого мнения о тригорских барышнях, но выбора-то не было.

Но ты губерния Псковская,-
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна пустая,
Несносней барышень твоих?
Меж ними нет, замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни милой ветрености шлюх,
Но, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки, зуб нечистоту,
И неопрятность, и жеманство.
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Из всего этого семейства заслуживает внимания, пожалуй, только одна из племянниц - Анна Петровна Керн. Для нас она интересна по некоторым причинам:

1) она внущила поэту необыкновенно пылкое и страстное чувство, правда, быстро прошедшее;

2) ей посвящено самое известное его стихотворение "Я помню чудное мгновенье";

3) она оставила для нас интересные воспоминания о Пушкине;

4) она сохранила все его письма, которые он писал ей.

Последнее обстоятельство особенно важно. Пушкин писал письма многим женщинам, но почти все они утаили и не сберегли для потомков эту драгоценнейшую корреспонденцию. Керн заботливо сберегла ту часть, кото-

рая пришла на ее долю. Живой голос поэта долетает до нас, и мы имеем возможность судить по этому образцу, как говорил Пушкин, с женщиной, которую любил.

Письма Анны Петровны к Пушкину не сохранились. А жаль. Дело, конечно, не в литературных достоинствах, о них мы можем судить по ее воспоминаниям. Что было в этих письмах, мы уже не узнаем. Но то, что они участвовали в подготовке того душевного состояния, когда гений начинает говорить в полную силу, бесспорно.

А. П. Керн шел двадцать седьмой год, когда она приехала в Тригорское. В ее жизни уже имели место многочисленные увлечения и ошибки. Ореол скандала окружал ее голову. Урожденная Полторацкая, красивая, обаятельная, и, что самое интересное, ей довольно долго удавалось производить впечатление невинности, что и привлекало к ней мужчин.

Пушкин впервые увидел ее в 1819 году в Петербурге, в доме А. Н. Оленина. Она уже два года как была замужем. Затем в течение шести лет они не встречались. За эти годы Пушкин стал известным поэтом, а Анна Петровна тоже не сидела, сложка руки, и кое-чего достигла. Она с большим старанием соорудила на голове своего мужа-генерала ветвистые рога. Подтверждением этого приведем слова самого Ермолая Федоровича, мужа ее, писавшего в 1837 году, что "жена моя предалась блудной жизни и, оставив меня более десяти лет тому назад, увлеклась совершенно преступными страстями своими".

И вот они встретились. А. П. Керн приехала к своей тете в Тригорское в середине июня. Прибытие ее в Тригорское явилось неожиданностью для Пушкина. Пусть расскажет об этом сама Анна Петровна. "Мы сидели за обедом и смеялись над шутками Рокотова. Вдруг вошел Пушкин с большой толстой палкой в руках. Тетушка мне его представила. Он низко поклонился, но не сказал ни слова, робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и разговорились". Что-то не очень верится. Двадцатишестилетний взрослый мужчина, прошедший уже хорошую жизненную школу, оробел. Скорее всего, он сразу интуитивно понял, что здесь не менее опытный "противник" и обычной осадой, дерзостью и бесцеремонностью не возьмешь. Здесь нужна другая тактика. Это была уже не та восемнадцатилетняя девушка, которую он видел шесть лет назад. Это была многоопытная женщина, но еще не потерявшая своей привлекательности. Здесь Пушкину предстояло потрудиться, чтобы добиться ее расположения. И его поэтическая душа настроилась на нужную волну. В его воображении, памяти была молоденькая хорошенская генеральша, полуразведенная жена смешного и старого мужа, легкая добыча первого встречного обольстителя, но вот она появилась перед ним.

Она была в полном расцвете своей блистательной красоты, окружена ат-

мосферой этакой горячей волны пьянящей полусвободы, рвущейся к любви женщины. Прекрасные глаза ее смотрели с “терзающим и сладострастным выражением”. В Тригорском она прожила три недели. Пушкина целиком захватали любовь к ней. Но это была не легкая, игриво-веселая любовь, какая окружала Пушкина в Тригорском. Это была любовь, как налетевший горячий вихрь. Перед отъездом Анны Петровны Пушкин подарил ей экземпляр первой главы “Евгения Онегина”, и в нем она нашла сложенный вчетверо листок со стихами. Да, конечно, вы правы, это “Я помню...”. И мы все его помним наизусть, поэтому приводить его здесь нет необходимости. Это одно из гениальных произведений Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности, по изяществу формы, по глубине содержания, позыщенности и искренности чувств. Это дивный гимн в честь возрождающегося и облагораживающего ванияния одухотворенной красоты, которым могла бы гордиться любая литература. Если что и можно поставить рядом, то только бессмертные стихи о любви Федора Ивановича Тютчева.

Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло...

Но мы отвлеклись.

Здесь в глуши, во мраке заточенья, его поэтическая душа нуждалась в любви, любви романтической, которая бы рождала вдохновение, а вдохновение – стихи.

Он не эту Кери любил, а ту из той уже ушедшей юности, и где-то на одной из граней кристалла души его отражалась еще незабытая Катенька Бакунина. Это копировалось в душе, созревало, как молодое вино, и вот настало время, и родились стихи. Стихи, которые рождаются раз в столетие. Стихи, которые считаются образцом любовной лирики. “Я помню чудное мгновенье” посвящено не только А. П. Керн, но и Е. П. Бакуниной, и той, которую он не мог назвать, но имел в виду – Наталье Кочубей.

Между Пушкиным и Анной Петровной началась переписка. Пушкин засыпал молодую женщину страстными, совершенно сумасшедшими письмами. “Теперь ночь, и ваш образ стоит передо мной, полный грусти и сладострастной неги, – я будто вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Мне чудится, я у ног ваших, сжимаю их, ощущаю ваши колени, всю кровь мою я отдал бы за одну минуту действительности!”. Он убеждал ее приехать и поселиться с ним в Михайловском. Но, увы. Из принимавшего поклонения поэта Пушкину пришло превратиться в поклонника-неудачника. Анна Петровна восхищалась его стихами, но всю страсть свою отдала кузену – студенту Алексею Вульфу. Пушкин вскоре узнал об этом, негодовал, ревновал, но понимал, что

претендует на место, уже занятое.

Любовь к А. П. Керн была недолгой, вскоре она остыла в душе Пушкина. Вскоре он заинтересовался Нэтти Вульф - другой племянницей Прасковьи Александровны.

В 1826 году он начинает по всем правилам любовной науки роман с Анной Николаевной.

Анна Петровна тем временем, поселившись в Петербурге, завязала тесную дружбу с семьей Пушкиных, часто бывала у них. В нее влюбляется Лев Сергеевич, младший брат поэта. Сама она в это время находилась в связи с Алексеем Вульфом. Она по-прежнему пользовалась головокружительным успехом. Среди ее поклонников - поэт Веневитинов, композитор Глинка, профессор и цензор Никитенко, литератор Орест Сомов и даже престарелый уже Сергей Львович.

Разнообразные похождения А. П. Керн длились до самого 1842 года, когда, овдовев, она вторично вышла замуж за своего троюродного брата Александра Васильевича Маркова-Виноградского, который был на 20 лет моложе ее. Она была еще настолько хороша собой, что второй брак заключен был по страстной взаимной любви. Горький осадок сохранился в душе Пушкина в результате его увлечения Анной Петровной Керн. Отзывы о ней, встречающиеся в письмах, пренебрежительны и грубы. "Что делает вавилонская блудница Анна Петровна?" - спрашивал он Алексея Вульфа в мае 1826 года.

В 1826 году и позднее поэт имел возможность часто встречаться с А. П. Керн в доме своих родителей и у Дельвигов и даже появлялся иногда у нее в гостях. Когда сестра его - Ольга Сергеевна выходила замуж за Николая Ивановича Павлищева, то роль посаженных отца и матери исполняли А. С. Пушкин и А. П. Керн. В своих воспоминаниях А. П. Керн не касается интимной стороны их отношений. А вот Пушкин в 1822 году писал С. А. Соболевскому: "Ты ничего не пишешь о 2100, мною тебе должных, а пишешь о мадам Керн, которую с божьей помощью я на днях у..." Каково? Вспомним "чудное мгновенье" и это у... Даже не верится, что это об одной и той же женщине. Единственно, что может как-то объяснить, оправдать перед нами Пушкина, - это то, что он был очень разочарован ею как женщиной. То, что три года назад закружило бы Пушкина в огненном вихре непередаваемого блаженства, теперь, по-видимому, произошло просто и прозаически, - теперь это была мимолетная связь с "вавилонской блудницей". Не совпадали те душевые струны любви, любви духовной и любви физической - аккорда не получилось. Она, конечно, была не виновата в том, что поэт увидел "гений чистой красоты" в образе "вавилонской блудницы". Любовь прошла, но заметим ради справедливости: Пушкин сделал случайно встретившейся женщине то, что сделать никому не под силу. Он подарил ей ~~бессмертие~~. Подав-

рил с легкостью, как дают цветы.

Проходят столетия, меняются эпохи, а история взаимоотношений А. П. Керн и А. С. Пушкина все так же волнует нас и будет волновать в будущем. Шелуха и мелочи этой истории унесены ветром времени. Их больше не существует. Есть великая история двух сердец, продолжавшаяся "чудное мгновенье", а обернулась вечностью.

И еще раз обратимся к ее воспоминаниям. Последняя страница. "Зима прошла. Пушкин уехал в Москву и, хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась. Когда я имела несчастье лишиться матери, и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал со своей женой живостью по всем соседним дворам, пока, наконец, нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие, ласкал мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: "Как тебя зовут?" - отвечала: "Воля" и вообще, был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им как гением добра. Пусть этим словом окончатся мои воспоминания о великом поэте".

Гений добра. Там в стихах - Гений Красоты, здесь в прозе - Гений Доброты. Задумаемся и отметим - оба были правы, только судьбы их, видимо, не знали об этом.

В январе 1826 года начался его роман с Анной Николаевной Вульф. Он, конечно, не был увлечен ею. Как женихина она ему нисколько не нравилась. Он уже давно потешался над ее слезливой чувствительностью, изводил ее своими колкостями. Победа над ее беззащитным сердцем не представляла для него никакого труда. И все-таки он не счел нужным отказаться от этой победы. Это как бы его реванш. Обольстительная А. П. Кери ускользнула от него, зато бедная Анна Николаевна досталась ему в жерту. Она влюбилась в Пушкина без памяти. Прасковья Александровна, видя все это, подняла тревогу и поспешила отвезти свою дочь к тетке в Тверскую губернию, в село Малинники. Оттуда она писала длинные нелепые письма Пушкину, но он отвечал ей резко и без взаимной нежности. Вот отрывок из одного письма Анны Николаевны. Послушаем этот голос любви издалека, право, он заслуживает нашего уважения: "Ах, Пушкин, Вы не стоите любви, и я была бы счастлива, если бы раньше оставила Тригорское и если бы последнее время, которое я провела там с Вами, могло изгладиться из моей памяти... Я боюсь, что Вы не любите меня так, как должны были любить, Вы раздираете и раните сердце, цены которому не знаете. Как бы я была счастлива, если бы обладала той холодностью, которую Вы предполагаете во мне. Никогда в жизни я не

переживала такого ужасного времени, как нынче, никогда я не чувствовала душевных страданий, подобных тем, которые я теперь испытываю, тем более, что я должна скрывать все муки в сердце моем". Ах, Пушкин, много ли женщины писали вам такие письма? Может быть, действительно, этому сердцу вы не знали цены. Но как бы то ни было, это страница из жизни поэта, и ее надо дочитать до конца.

Анне Николаевне в творчестве Пушкина тоже уделено несколько строк. В 1825 году он пишет:

Я был свидетелем златой твоей весны,
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена,
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньшие женихов толпятся на дворе,
И тишие звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало сильней грозит и упрекает.
Что делать... Утешься и смирись,
Ищи других побед, - успех и пред тобою,
Я счаствия тебе желаю, всей душою.

Осталось сказать, что Анна Николаевна на 20 лет пережила Пушкина. Замуж она не вышла, "не пристроившись", осталась старой девой до конца жизни. Пушкин посвятил ей стихотворение "Именинница", и к ней же обращено цинично-озорное стихотворение:

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь...

В письмах Анны Николаевны часто, встречается имя Нэтти. Так звали в семье Анну Ивановну Вульф, другую племянницу Прасковьи Александровны. Пушкин тоже увлекался ею некоторое время. Но это было совершенно мимолетное чувство, а вернее, даже не чувство, а только шалость от скуки. Нэтти Вульф вместе с Анной Николаевной и Анной Петровной Керн удостоилась чести украсить своим именем вторую часть донжуанского списка, где стоят сразу три Анны.

Все-таки она заслуживает, чтобы рассказать о ней подробнее. Итак, Анна Ивановна Вульф, Нэтти. Дочь Ивана Ивановича Вульфа, помещика села Жернова, двоюродная сестра Анны Николаевны, часто гостила в Тригорском. По отзыву ее брата (Алексея Вульфа), она была очень умная, образованная и симпатичная девушка. Пушкин обратил на нее внимание уже вскоре после приезда в Михайловское из Одессы. В марте 1825 года он писал брату: "Я влюбился и мирильницаю. Знаешь кузину Анны Николаевны Анну Ивановну Вульф? Вот женщина!" Увлечение Пушкина Нэтти продолжалось года

четыре, но не было серьезным. Приедет в деревню, увидит Нэтти - влюбится. Уедет - забудет. Осенью 1829 года он писал из Малинников Алексею Вульф: "Нэтти нежная, томная, истеричная, потолстевшая Нэтти - здесь, в Бернове. Вот уж третий день как я в нее влюблен". К 1829 году относится стихотворение, написанное Пушкиным к Нэтти Вульф.

За Нэтти сердцем я лястаю
В Твери, в Москве,-
И Р. и О. позабываю
Для Н. И. В.

Р. - Александра Осиповна Россет, О. - Анна Алексеевна Оленина, которыми Пушкин в это время увлекался в Петербурге.

В 1834 году Нэтти вышла замуж за военного инженера В. И. Трувеллера и через полтора года умерла от родов. Сестра Пушкина писала по этому поводу своему мужу: "...она была так счастлива и так хотела быть матерью".

Не было, видимо, большой любви и в другом приключении в Михайловском, следы которого хранит переписка Пушкина за 1826 год. Читаем в письме Пушкина к Вяземскому: "Милый мой Вяземский, ты молчишь и я молчу и хорошо делаем - потолкуем как-нибудь на досуге. Покамест дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдину. Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютки, если то будет мальчик. Отсыпал его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, - хоть в Астафьево. Мой милый, мне совестно, ей Богу, но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел. Отвечай же подробно".

Имя этой девушки известно. Это Ольга Калашникова, дочь бывшего старосты села Михайловского. Она записана во второй части донжуанского списка. Судьба ее ребенка неизвестна.

Но вот Пушкин очутился в Москве. Приезд его совпал с апогеем его славы. Никогда, ни прежде, ни после у него не было так мало явных врагов и так много горячих поклонников, как в то время. Никогда его так высоко не превозносили. Один из его современников (В. В. Измайлов) писал: "Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта". Пушкин привез с собой законченную в Михайловском трагедию "Борис Годунов". Первое чтение трагедии вызвало бурю восторгов. Совершенно естественно, что при всей гордой уверенности в себе и собственном таланте он был очень доволен этими знаками внимания и восхищения и спешил насладиться сполна своей славой. Но личная жизнь его была не устроена. Ему приходилось жить без всякого семейного уюта и без малейших удобств, то в гостиницах и трак-

тирах, то у приятелей вроде С. А. Соболевского.

Сам Пушкин сравнивал эту свою квартиру с полицейским участком. “Наша съезжая в исправности, частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему; шпионы, драгуны и пьяницы толкуются у нас с утра до вечера”. Эта неустроенность жизни, которую не удавалось изменить собственными силами, естественно, породили желание основать собственный семейный очаг, свить свое гнездо. Разъезды с места на место, ни угла, ни пристанища, и рождаются стихи на эту тему.

Долго ль мне гулять на свете
 То в коляске, то верхом,
 То в телеге, то пешком?
 Не в наследственной берлоге,
 Не средь отеческих могил,
 На большой мне, знать, дороге
 Умереть Господь судил.
 На каменьях под копытом,
 На горе под колесом,
 Иль во рву, водой размытом,
 Под разбросанным мостом.
 Иль чума меня подцепит,
 Иль мороз окостенит,
 Иль мне в лоб шлагбаум влепит
 Непроворный инвалид.
 Иль в лесу под нож злодею
 Попадуся в стороне.
 Иль со скуки околею
 Где-нибудь в карантине.
 Долго ль мне в тоске голодной
 Пост невольный соблюдать
 И телятиной холодной
 Трюфли Яра поминать?
 То ли дело быть на месте,
 По Мясницкой разъезжать,
 О деревне, о невесте
 На досуге помышлять!
 То ли дело рюмка рома,
 Ночью сон, поутру чай,
 То ли дело, братцы, дома!
 Ну, пошел же, погоняй!

(“Дорожные жалобы”)

Но жизнь продолжается. Здесь, в Москве, Пушкин очередной раз увлекается юной красотой, имя которой он заносит в донжуанский список. Это графиня Елена Михайловна Завадовская, жена графа В. П. Завадовского. Исключительная красавица. Современник пишет: “Нет возможности передать неуловимую прелесть ее лица, гибкость стана, грацию и симпатичность, которыми была проникнута вся ее особа”. Это к ней обращено стихотворение Пушкина “Красавица”, написанное в 1832 году.

Все в ней гармония, все добро,
 Все выше мира и страстей,
 Она покоится стыдливо
 В красе торжественной своей.
 Она кругом себя взирает:
 Ей нет соперниц, нет подруг.
 Красавица наших бледный круг
 В ее сиянье исчезает.
 Куда бы ты ни поспешил,
 Хоть на любовное свиданье,
 Какое б в сердце не питал
 Ты сокровенное мечтанье, —
 Но встретясь с ней, смущенный, ты
 Вдруг остановишься невольно,
 Благоговея богомольно
 Перед святыней красоты.

Елена Михайловна Завадовская ничем другим, кроме исключительной красоты, не прославилась, но и того достаточно, что Пушкин, глядя на нее, получал истинное эстетическое наслаждение. “Святая красота” восхищала, радовала сердце поэта, вдохновляла на новые стихи.

В 1828 году Пушкин пишет стихотворение “Портрет”.

С своей пылающей душой
 С своими бурными страстями
 О жене Северы, меж вами
 Она является порой
 И мимо всех условий света
 Стремится до утраты сил.
 Как беззаконная комета
 В кругу расчисленном светила.

Здесь нарисован портрет известной красавицы графини Аграфены Федоровны Закревской. Она тоже помещена в донжуанский список во второй его части. А. Ф. Закревская, урожденная графиня Толстая, дочь известного собирателя рукописей графа Ф. А. Толстого, двоюродная сестра “Американ-

ца” Ф. И. Толстого, в своем роде не менее яркая и оригинальная, чем он. Высокая смуглая красавица с огненными глазами.

В 1818 году девятнадцатилетней вышла замуж за тридцатичетырехлетнего Арсения Андреевича Закревского, тогда дежурного генерала главного штаба. Племянница Закревской М. Ф. Каменская рассказывает о влюблённости Пушкина в Закревскую и о бешеноей его ревности. “Еще недавно в гостях у Сомовых он, ревнуя ее за то, что она занимается с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь”. Любовь была бурная и столь же мучительная. Даже Пушкин, не новичок в любви, в смущении отступал перед сатанинкой страстью своей возлюбленной. Он писал:

Твоих признаний, жалоб нежных
Люблю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Тай, тай свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты.

(“Наперсник”. 1828 год).

Не все нам хорошо известно. О ком-то мы знаем больше, о ком-то меньше, чье-то существование оставило след лишь в коротких строчках писем поэта или быстрый росчерк пера его в альбоме, бережно хранимом. И тем радостнее узнавать о новом малоизвестном факте из жизни поэта. В письме к А. Н. Вульфу 27 октября 1828 года из Малинников Пушкин пишет: “При сей верной оказии доношу Вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перл в море и что я намерен на днях в нее влюбиться...” И влюбился. В ее альбом он записал:

Минуты сладостных свиданий
И прелесть девственных ланит
И пылкий жар твоих лобзаний
Все память сердца сохранит.

Память сердца. Удивительная способность помнить сердцем. Сколько вмешало оно и как было отзывчиво на красоту и любовь! Имя этой девушки он внесет потом во вторую часть донжуанского списка, сохранив таким образом ее имя не только в сердце своем, но и для нас, для будущих поколений. Можно предположить, что Мария Васильевна явилась прототипом Маши Мироновой в “Капитанской дочки”. Кто же она, эта неведомая деревенская красавица, заставившая дрогнуть сердце великого поэта, сумевшая оставить след в его творчестве? В работах пушкинистов о ней сказано немного. Дочь

тверского дворянином и старицкого помещика Василия Гавриловича Борисова, умершего в 1822 году. Воспитывалась Маша в доме П. И. Вульфа. Больше о Марии Борисовой ничего не известно было до недавнего времени.

В восьмидесятых годах нашего века исследователями жизни и творчества Пушкина в Старице на городском кладбище были обнаружены старинные надгробия с сохранившимися надписями. И вот что выяснилось. На одном из них сохранилась следующая надпись: "На сем месте покоится прах новоторжской помещицы титулярной советницы Авдотьи Сергеевны Борисовой, скончавшейся в 1856 г. на 69 году своей жизни". Это была могила матери Марии, расположенная возле когда-то существовавшей церкви. И недалеко от этой обнаружилась другая могила. И это надгробие сохранило надпись: "Здесь покоится прах незабвенної дочери моей, из дворян девицы Марии Васильевны Борисовой, скончавшейся 1850 года ноября 3 дня, имевшей от роду 41 год". Следовательно, Машенька Борисова родилась в 1809 году, 13 лет ей было, когда умер отец, 19 лет, когда встретилась с великим поэтом, в 41 оборвалась жизнь так и не вышедшей замуж. Как знать, может, причиной тому была неугасимая любовь к А. С. Пушкину. Довелось ей узнать и о его гибели и скорбеть вместе со всей Россией, и жить еще тринадцать лет, вспоминая встречи с Пушкиным, читая в который раз дорогие ей строки в альбоме.

Шли годы. Третий десяток уже был на исходе. Мысль о своем доме, семейном очаге все чаще приходили в голову. Но с кем связать свою судьбу, кому доверить себя с таким неуравновешенным характером?

В мае 1827 года он уехал в Петербург и до 7 декабря следующего года не показывался в Москве. Задержался он здесь по многим причинам, в том числе и потому, что

...ходит маленькая ножка,

Встется локон золотой.

Обладательница этих соблазнительных предметов Анна Алексеевна Оленина. Она была дочерью Алексея Николаевича Оленина и Елизаветы Марковны Полторацкой и приходилась, таким образом, двоюродной сестрой А. П. Керн. А. Н. Оленин был директором Публичной библиотеки и Президентом Академии Художеств. Он давно знал и ценил Пушкина, но вряд ли был обрадован, когда узнал, что Пушкин собирается просить руки его дочери. Пушкин увлекся Анной Олениной всерьез. Он часто бывал на оленинской даче в Приютно (в 17 верстах от Петербурга). П. А. Вяземский писал: "Девица Оленина довольно бойкая штучка. Пушкин называет ее драгунчиком и за этим драгунчиком ухаживает". Ей посвящает стихи:

Пустое Вы сердечным Ты

Она, обмоловясь, заменила
 И все счастливые мечты
 В душе влюбленной возвуждila.
 Пред ней задумчиво стою,
 Свести очей с нее нет силы,
 И говорю ей: как Вы милы!
 И мыслю: как тебя люблю!

И еще о глазах ее:

Какой задумчивый в них гений,
 И сколько детской простоты,
 И сколько томных выражений,
 И сколько неги и мечты!
 Потупят их с улыбкой Асля, -
 В них скромных граций торжество,
 Поднимет — ангел Рафаэля
 Так созерцает божество!

Пушкин предложил Олениной руку и сердце. Согласие было дано. Родители созвали на обед родных и друзей, чтобы за шампанским объявить о помолвке дочери. Гости собрались, но жених не явился. Приехал он после обеда, довольно поздно. Помолвка не состоялась. Что произошло, почему Пушкин сорвал свою собственную помолвку и будущую свадьбу? По всей вероятности, это сделано было им сознательно, обдуманно. Много позже она писала в своем дневнике: "Пушкин делал мне предложение. Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе и, наконец, не был богат", т. е. дает понять, что предложение не было принято. Что он не был богат, это правда, но что он не имел никакого положения в обществе, тут она лукавит и, конечно, сама понимает это. Она восхищалась его поэзией, любила его стихи, знала много наизусть и понимала его значение в русской культуре. В этих словах прячется обида отвергнутой женщины, и ее можно понять.

И вот мы подходим к Наталье Николаевне Гончаровой, вернее, не мы, а Пушкин. Он встретил ее впервые в декабре 1828 года. Вот говорят, что в поисках своего идеала Пушкин видел лишь совершенство внешнего облика юной Натальи Гончаровой. Смеем заметить, что это не совсем так, потому что в то время и кроме нее было много красавиц (впрочем, как и в любое время). Почти одновременно с Натальей Гончаровой начали показывать в свете ее ровесницу Александру Васильевну Алябьеву. И многие сравнивали ее с Гончаровой. Разницу их внешности точно определил Вяземский, назвав красоту Алябьевой классической, а Гончаровой — романтической. И Пушкин подтвердил это в своем стихотворении "К вельможе".

... влиянье красоты

Ты живо существуешь.
С восторгом цениши ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой...

Но не только эта прелесть заставила поэта полюбить Наталью Николаевну так, как он никого и никогда не любил. Замечательные душевые качества Гончаровой соответствовали ее красоте. “Когда я увидел ее в первый раз, - писал Пушкин 5 апреля 1830 года своей будущей тепле Наталье Ивановне Гончаровой, - красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее. Голова у меня закружилась”. С прекрасным образом той, которая вытеснила все его прежние привязанности, он уехал на Кавказ, получив уклончивый ответ на свое сватовство. Мысли его печальны, и они вылились в печальные строки:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумят Арагви предо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит - оттого,
Что не любить оно не может.

Стихи эти вдохновлены большим и глубоким чувством. “Тобой, одной тобой” - в этих словах все состояние души поэта в то время.

Отошла в прошлое бурно прожитая молодость, настала пора зрелости. Меняется его отношение к жизни.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избуикой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью из густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь - хозяйка,
Мои желания - покой,
Да шей горшок, да сам большой.

(Отрывки из “Путешествия Онегина”)

Кто же такая Наталья Николаевна Гончарова? Родилась она в трудное

время Отечественной войны 1812 года. Война вынудила ее семью покинуть имение Полотняный завод и уехать к родственникам в Тамбовскую губернию. Там и родилась Наталья, третья дочь Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых. Таша - так звали ее домашние. Летом 1813 года семья перебралась в Москву, а Ташеньку, любимицу деда, по его просьбе оставили в Полотняном заводе. Там на приволье и природе прошло ее детство. Потом родители взяли ее в Москву, и вольное житье закончилось.

Первая встреча Пушкина и Натальи, как мы уже говорили, состоялась зимой (в декабре) 1828 года на балу у знаменитого Московского танцмейстера Иогеля, где поэт увидел 16-летнюю Наталью Гончарову. Она только начала выезжать в свет, и о ней заговорили как об одной из первых московских красавиц. Все восхищались ее "романтической прелестью". В белом воздушном платье с золотым обручем на голове, Натали сразу же поразила Пушкина своей гармоничной, одухотворенной красотой. Он созерцал ее, "благоговея богомольно перед святыней красоты", горел любовью, но чувствовал, что она к нему равнодушна, что ему нечем ее заинтересовать и увлечь, и был с ней застенчив и робок, как в первый раз влюбленный юноша. "Карс" - так он называл ее у Ушаковых - по имени турецкой крепости, считавшейся неизвестной. И вообще в семье Гончаровых он ощущал холод и не особо скрываемое пренебрежение. Матери он не нравился. Несмотря на все это в конце апреля 1829 года Пушкин через Ф. Толстого (Американца) посватался за Наталью Николаевну. В ответ ему не отказали совсем и категорично, но и согласие пока не дали. Мол, молода еще, подождем. Пушкин сразу же после ответа уехал на Кавказ в действующую армию. "Спросите зачем? - писал он впоследствии Гончаровой-матери. - Клянусь, сам не умею сказать; но тоска непроизвольная гнала меня из Москвы; я бы не мог в ней вынести присутствия Вашего и ее". "И ее", - это уже он добавил, чтобы как-то смягчить ту неприязнь к своей будущей теще, которую она ему внушала с самого начала, ибо намек довольно прозрачен. "Москва для нас тесна". "В Москве я больше не жилец, карету мне, карету!" Помните Чайского? И слова "сам не умею сказать" означали только одно: "У меня нет слов, чтобы выразить вам все, что у меня на душе". Пушкин был большой мастер говорить между строк.

Осенью Пушкин возвратился с Кавказа в Москву. Сразу с дороги, никуда не заезжая, к Гончаровым, к ней, к Наталье. Почти полгода как не виделись. Вошел и сразу же спросила Наталью, но она не вышла, не бросилась на шею от радости. Она просто не ощущала ее, эту радость. Разбудили Наталью Ивановну. Она приняла Пушкина в постели, приняла молчаливо и очень холодно. Продемонстрированы все признаки неуважения и пренебрежения. Господа не соизволили даже встать с постели, чтобы принять если не жениха, то хотя бы известного человека, первого поэта России. "Молча и холодно" дали по-

нятъ: "сеньор, вы не ошиблись дверью?"

Пушкин получил очередной разворот от ворот, и в такой неуважительной форме. Он был не столько оскорблен, сколько потрясен. Опять бежать? Но куда? Он только что вернулся с побега на Кавказ, за который ему еще предстоит выволочка, головомойка от Бенкендорфа. Он уезжает в Петербург, делает попытки уехать за границу.

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда бы ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...*

.....
.....
*по друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ли гордую, мучительную деву,
Или к ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?*

Куда угодно, хоть на край света, хоть к черту на кулички, только подальше от всего этого мира, где ему становится душно, тесно. Но за границу его не пустили.

Весной 1830 года ему передают, что мать и дочь Гончаровы отзываются о нем благосклонно и милостиво передают ему поклон, т. е. привет, по-нашему. Пушкин ожила, собрался и недолго думая, покатил в Москву. Прямо из дорожной кибитки снова к Гончаровым. На сей раз, мать приняла его ласково, Наталья тоже. Что-то произошло, что-то не сошлось в их тайных планах, что так резко изменило их отношение к Пушкину. Что именно, мы не знаем, но предложение Пушкина было принято. Свершилось то, чего так долго добивался Пушкин. Но в душе у него не было радости и торжества. Он видел и понимал, что невеста не разделяет его чувства, во всяком случае, не показывает этого. Он писал: "Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне ее привязанность; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться. В ее согласии отдать мне свою руку я могу видеть только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца". Иначе говоря, "стерпится-слюбится". А если не слюбится? Пушкин с тревогой задавал себе вопросы: сохранит ли его жена свое "спокойное равнодушие" среди окружающего красавицу удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее. Не будет ли она смотреть на него как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она к нему отвращения? На все эти вопросы ответа у Пушкина не было.

Пушкину нужен был свой дом, семья, семейный уют, спокойная, размеренная жизнь в кругу семьи, друзей. И поэтому не случайно порой Пушкина охватывал страх перед тем, на что он идет, и у многих друзей его было впечатление, что он был бы рад, если бы свадьба расстроилась. Но процесс пошел, отступать было некуда.

Итак, помолвка состоялась. “Участь моя решена. Я женюсь. Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством. Боже мой, она почти моя. Я никогда не хлопотал о счастии. Я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?”

Удивляет эта горестная недоверчивость Пушкина к возможности обыкновенного человеческого счастья для него. Эти сомнения проходят через многие письма того времени. “Ах, что за проклятая штука счастье”, “Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан”.

В конце августа 1830 года Пушкин уехал в Болдино для решения своих материальных проблем перед свадьбой. Уехал ненадолго, а застрял на три месяца. Дороги перекрыли. Каратинные посты. Но, как говорится, нет худа без добра. Эти три месяца, проведенные Пушкиным в Болдино, сделали не только славу ему, которой гордятся и поныне, - болдинская осень дала мощный взлет творчества, превзойти который даже сам Пушкин уже не смог. Лишь в начале декабря прорвался он сквозь все заставы, приехал в Москву и сразу к невесте. Начались хлопоты в связи с предстоящей свадьбой. За неделю до свадьбы он писал Н. И. Кривцову: “Все, чтобы ты сказать мне мог в пользу холостой жизни и против женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут, счастья мне не было. Мне за тридцать лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся. - Я поступаю, как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входили в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью”. “Без упоения, без очарования”, всякая радость, как подарок - и это за неделю до свадьбы.

За день до свадьбы Пушкин устроил на арбатской квартире мальчишник - прощальную холостую пирушку. Он позвал самых близких друзей - Национального, Вяземского, Баратынского, Языкова, Давыдова, Киреевского. Весельем заправлял очаровательный и талантливо беспутный Левшук Пушкин - младший брат поэта. Было очень весело и бестолково, но сам Пушкин “был очень грустен и говорил стихи, прощаясь с молодостью”, - записывает биограф Пушкина П. И. Бартенев.

На другой день - 18 февраля была свадьба. Венчались Пушкин и Наталия

Гончарова в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Пушкин в день свадьбы был весел и радостен, но во время обряда при обмене кольцами его кольцо упало и покатилось по полу, и к той неприятности добавилась еще одна - у него в руке погасла свеча. Пушкин побледнел и сказал: "Все плохие предзнаменования".

После венчания на арбатской квартире был устроен торжественный ужин. А 27 февраля Пушкины дали для ближайшего круга знакомых бал.

Итак, долгожданная свадьба, наконец, состоялась. Все как будто озарилось неизменно радостным, светлым чувством. "Я женат - и счастлив: одно желание мое, чтоб в жизни моей не изменилось - лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился". В жизнь его вошло то, о чем он мечтал все последние годы: уют, возвышенный покой, дом. В жизнь вошла Мадонна.

*Исполнились мои желания, творец.
Тебя мне ниспослал, моя мадонна,
Чистейший прелести чистейший образец.*

Он любил свою Натали, но знал ее, наверное, не очень хорошо. В глубине души он немного робел перед ней. И вот теперь она перестала быть отдаленной мечтой, теперь она родной, домашний человек, жена. Из письма Плетневу: "Ах, душа моя, какую жену я себе завел". Исполнилось то, о чем он мечтал. Но вот что он писал. Прочитаем не спеша.

*О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моленья,
Ты предасешься мне нежна, без упенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потом все боле, боле -
И делишь, наконец, мой пламень поневоле.*

Какой же была Наталия Николаевна, горячо любимая жена Пушкина? Как женщина, как личность? От природы она была молчалива и очень сдержанна в проявлении чувств. "Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца", - признавалась она. Избранных было мало, и причины этого она объясняла в письме к брату. "Тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу, а главное, имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы. Настоящие друзья встречаются редко, и всегда чувствуешь себя признаком тем, кто берет на себя труда или казаться". В этих словах ее видны и наблюдательность, и способность к выводам. Ее мало знали, а потому воспоминания современников, в

основном, сводятся к описанию ее внешности.

Необыкновенная красота Натальи Николаевны поражала московское и петербургское общество. В Петербург Пушкин с женой переехал вскоре после свадьбы. Вот мнение светской красавицы, внучки Кутузова, Дарьи Федоровны Фикельмон: “Госпожа Пушкина впервые явилась в свет: она очень красива и во всем ее облике есть что-то поэтическое”.

Надежда Михайловна Европкина, двоюродная сестра П. В. Нащокина: “Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо... Все в ней самой - и манера держать себя - было проникнуто глубокой порядочностью. Все было безупречно, без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках. Сестры были красивы, но изысканного изящества Натали напрасно было бы искать в них... Поэтому Наталья Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком”.

В. А. Жуковский в письме к другу пишет: “Жена Пушкина - милое творение. Лучше не скажешь. И он с нею мне нравится”. Писатель В. А. Сологуб о Наталье Николаевне сказал: “Много я видел на своем веку красивых

Письмо

Дорогая Наташа! си час получила от
мня письмо. в чужом твоем пись-
ме. вспомнишь будущий момент ее
тогочас. когда же она умрет. Но
она умрет виноватою а уж не то
ничего будущее ее не предвещает
никаких опасений впереди, а лишь то
что ее отец, потому что раздражил быв-
шего ее брака бывшую. Но это
заслуживает внимания. ее начальнику 2.
бакенам ее подчиненными и подружками
она какими-то образом ее выругали; и это
всегда, но никогда. потому что
такой сильной лады есть мало хороших,
и поэтому ее не так и мало: бывшая
меня не помню, потому что я ее
имею в холсте - когда подумают об этом, то
заслуживают ее как звезды на дне,
она одна из которых не звезда. Помощники

Письму А. С. Пушкина к жене. Автограф.

женщина сије обстоятельнене Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее. Да, это была настоящая красавица, и падаром все остальные, даже из самых прелестных, меркли както при ее появлении". В свете много говорили о ней. Иногда и имени ее не называли. Достаточно было сказать "она", и всем становилось ясно, о ком идет речь. Лучше всех об этом сказал подрастающий новый поэт, семнадцатилетний Михаил Лермонтов. В альбоме Алябьевой он написал:

*Вам красота, чтобы блеснуть, дана;
В глазах душа, чтоб обмануть, видна!
Но звал ли вас хоть кто-нибудь "Она"?*

Это потом она получит прозвище "Госпожа кружева", а сейчас она просто "Она". И в то же время с большой буквы. Как знать, не заглянул ли молодой поэт в эту бездну, которая называется будущее.

Первые годы жизни в Петербурге были для Пушкина светлыми и радостными. Поэт был счастлив. "Жена моя прелесть, - писал он, - и чем далее я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом".

Письма Пушкина к жене необыкновенно искренни, удивительны по красоте и сердечности, полны любви и нежности. "Надеюсь увидеть тебя недели через две, тоска без тебя. Душа моя, женка моя, ангел мой" (8 декабря 1831 года). "Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я все же беспокоюсь, на кого покинул тебя" (23 сентября 1832 года). "Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу. Мне без тебя тоска. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав" (19 сентября 1833 года).

Жизнь Пушкина налаживалась, разрасталась семья. Нужны были немалые средства для обеспечения ее. Пушкин много работал. Задумал большой роман о пугачевском восстании. Работал в архивах, собирая материал. В последние годы издавал свой журнал "Современник". Работа отнимала много времени и сил. Во время отсутствия Пушкина Наталье Николаевне приходилось управлять домом, хозяйством, часто не имея на это достаточно средств. Много занималась она с детьми. Их все прибывало. Наталья Николаевна рожать не боялась. И она готова была к трудной судьбе, быть женой поэта, и такого поэта, как Пушкин.

Да, она была молода, была прекрасна и бесконечно радовала Пушкина своей молодостью и красотой. Да, как он и хотел, она блестала в этой среде, где была к этому призвана. Послушаем, что говорили по этому поводу просвещенные иностранцы из дипломатического корпуса. Там, где скапливалась

вся информация о различных сторонах жизни царской России, где смотрели на вещи непредвзято и мнения складывались независимо от Бенкендорфа или царя, там и характеристики людей и оценки их значимости складывались более объективно и ближе к правде. Вот что пишет в своих воспоминаниях атташе французского посольства в Петербурге, виконт д'Аршиак: "Юная женщина, слегка побледневшая от утомления танцами, возвращалась в большой зал, чуть опираясь о руку своего спутника. Я взглянул на них и уже не мог отвести глаз от вошедшей гостьи. Белый большой наряд широко обнажал покатые плечи, слегка прикрытие ниспадающими струями темно-русых локонов... Черная бархатка, заколотая у шеи двумя алмазами, и старинная брошь, напоминающая сложный узор флорентийской лилии, оживляли своими переливными лучами белоснежную ткань бального наряда. Серебрящийся гладкий атлас обтягивал высокую и стройную фигуру, окутанную у плеч воздушным и пышным потоком оборок и кружев. А над тоненьким ободком черного бархата у шеи, этим скромным девичьим украшением, высоко поднималось пылающее бессмертной красотой чело мифологической богини. Холод великого спокойствия, свойственный только гениальным полководцам и знаменитым красавицам, казалось, замыкал ее внешность в очертания чеканной завершенности.

Только взглядавшая в это отточенное с поразительной чистотой лицо, я заметил во взгляде, в очерке лба, в самом рисунке слегка улыбающихся губ какое-то еле уловимое выражение скорби. Было ли эти воспоминание или предчувствие страдания, трудно было бы сказать, но казалось, какая-то глубоко затаенная встревоженность придавала всему ее торжественному облику едва ощутимый страдальческий отпечаток, словно высовывающий глубокой сердечной болью эту великолепную античную скульптуру.

В каких-то нежных чертах и ласковых оттенках взгляда и улыбки лучезарное лицо Юноны неожиданно принимало трогательный облик застенчивой и пугливой девочки. Из-под кружев, перьев, локонов, алмазов и бархата неожиданно проступало прелестное лицо подростка, чем-то испуганное, но доверчивое и любящее, и чувство беспредельного восхищения перед законченными формами этой гордой статуи, беспрепятственно шествующей среди суетной толпы угодливых царедворцев, сменялось волной глубокой жалости к юной женщине, высоко вознесенной над жизнью и людьми счастливым и опасным даром своей неповторимой красоты.

Она входила не одна. Рука ее в длинной белой перчатке спокойно лежала на темном рукаве ее спутника.

На первый взгляд, близость этих двух фигур могла показаться контрастной. Но стоило взглянуться в них, чтобы почувствовать, как гармонично они дополняли друг друга. Лишенный того, что признано считать среди военных муж-

ской красотой, т. е. высокого роста, мускулистых ног, прямых и сухих черт лица, отличался своеобразной прелестью тонкой и необычной внешности. Лоб и глаза говорили о мыслителе и творце. Непередаваемая грация жестов, легкость и уверенность движений, глубина и прозрачность взгляда – все это заметно отличало его в пестрой дворцовой толпе. Я узнал впоследствии, что поэт был по матери доволюно близким потомком абиссинских принцев, по отцу представителем исторического рода, который мог бы оснашивать у Романовых права на престол царей.

Офицерская выпиратка императора Николая казалась деревянной и мертвой рядом с живым и прелестным огнем, словно шевелившим зыбкую фигуру этого невысокого человека с кудрявой головой, полными губами и законченным изяществом каждого движения. Чувствовалось, что именно он имел право вводить в этот блестательный дворовый круг первую красавицу страны. Казалось, облаченному хвалами царю с его военным величием противостоял некоронованный властитель, призванный шествовать с венчанными челом сквозь вереницу грядущих столетий”,

Прочитали. Давайте приостановимся на секунду. Поразмыслим над сказанным французским атташе, секундантом своего двоюродного кузена Дантеса.

Бросается в глаза полная противоположность в оценках д'Аршиака и официальной петербургской знати. С одной стороны, дань восхищения и уважения и полное пренебрежение, непонимание, скрытая, а порой и не очень ненависть к первому поэту России.

“Опа” очень любила балы, наряды, слегка кокетничала со своими бесчисленными поклонниками, но границы дозволенного не переступала и была предельно откровенна с мужем. Он знал все, поэтому полностью ей доверял и был уверен в ее преданности и верности до конца своей жизни.

Мать четырех детей поэта, она давала ему то высокое и вместе с тем то простое, доброе человеческое счастье, в котором он так нуждался, нуждался именно в годы жизни с ней, в 30 годы, когда своей мыслью и творчеством ушел далеко вперед, а там он был одинок.

Да, кроме счастья, много страданий выпало на долю жены Пушкина. Но все трудности и страдания она мужественно преодолевала – помогала ей в этом любовь к мужу и детям. Детей она любила очень и была им хорошей матерью. Вот несколько отрывков из ее писем уже более позднего времени.

“Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми”. “Положительно, мое призвание быть директрисой детского приюта. Бог посыпает мне детей со всех сторон, и это мне нисколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет”. “Я более привыкла к семейной жизни, это

простое безыскусственное дело мне ближе, и я надеюсь, что исполню его с большим успехом".

В длинных письмах ко второму мужу Наталья Николаевна много говорит о детях. У нее их было семеро: четверо Пушкиных и три дочери от Ланского. Кроме своих семерых у нее воспитывались племянник и племянница Ланского - Павел и Софья (впоследствии жена Александра Александровича Пушкина, сына поэта), подолгу гостила племянник Пушкина Левушка Павловичев, очень похожий на своего дядю. О Левушке с нежностью говорила Наталья Николаевна: "Горячая голова, добре сердце - истый Пушкин".

Прожил Пушкин с Натальей, последней своей любовью, шесть лет. Всего шесть лет отвела судьба поэту счастливой семейной жизни.

В письмах от 21 августа 1833 года читаем: "Гляделась ли ты сегодня в зеркало и убедилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, ангел мой, целую тебя крепко".

Мы не знаем, что отвечала Наталья Николаевна своему мужу, какие она писала ему письма. Наверное, интересные, содержательные и нежные, потому что Пушкин всегда их очень ждал и радовался безмерно, когда их получал. Наталья Николаевна писать письма умела. "Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осенял эти исписанные листочки бумаги поцелуями", - вспоминала В. А. Нащокина. Это видим мы из ее переписки с братьями и другими адресатами. Но, к великому сожалению, писем ее к Пушкину до нас не дошло ни одного. Хотя хранил он их бережно и дорожил ими. Письма эти исчезли после его смерти. Может, Наталья Николаевна не пожелала тоже выставлять свою любовь напоказ и сожгла их, как сделала это **Катерина Ушакова**. Может быть. Мы помним - она всегда была предельно **откровенна** перед мужем, и вот эту откровенность она, возможно, постеснялась передать в вечность, на суд потомков. Можно понять ее, она имела на это право.

Долгое время существовал закрепленный штамп, согласно которому жена Пушкина была бездушной и легкомысленной красавицей, все интересы которой сводились к нарядам и балам. Ей якобы дела не было до творчества гениального мужа, да и будто бы к нему самому относились вполне равнодушно. Вот Марина Цветаева относится к Гончаровой очень критически. "Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти... Как Елена Троянская - повод, а не причина троянской войны, так и Гончарова - не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предназначенной. Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие - красавицу..."

Сегодня благодаря новым публикациям, исследованиям мы имеем больше

фактов, помогающих лучше понять те обстоятельства, которые привели к гибели Пушкина. Обогатились наши представления о личности Наталии Николаевны, в частности на основании семейной переписки Гончаровых. Интересны в этом плане книги И. Ободовской, М. Дементьева "Наталия Николаевна Пушкина", "После смерти Пушкина", "Вокруг Пушкина". В результате крайне отрицательная позиция сменяется другой, более мягкой и даже восторженной. Жена поэта начинает вызывать чувства поклонения, как при жизни. Все же, думается, истина, как всегда, где-то посередине.

Можно ли винить Наталию Николаевну в том образе жизни, который вели Пушкины? Нет, конечно. Воспитанная в строгости и покорности, глубоко религиозная, она, может быть, и без особой радости приняла бы и другой образ жизни, и даже деревенское уединение. "Обязанность моей жены - подчиняться тому, что я себе позволю. Не женщине восемнадцати лет управлять мною тридцати двух лет", - так категорически заявил вскоре после свадьбы Пушкин своей теще".

Образ их жизни был предопределен еще до свадьбы. "Что касается до будущего места пребывания моего, то я сам не знаю - кажется, от Петербурга не отдаюсь. Я ни за что на свете не допущу, чтобы жена моя терпела лишения, чтобы она не являлась там, где ей предназначено блестать, веселиться. Она вправе требовать этого. Чтобы сделать ей угодное, я готов пожертвовать всеми моими вкусами, страстями, всею мою жизнью, вполне свободною и прихотливою". К несчастью, ему действительно, в конце концов, пришлось жизнью поплатиться за выбранный образ жизни, требующий больших средств, чем те, которыми он располагал. Этот образ жизни предопределил моральную и материальную зависимость Пушкина от царя, которая тяготила, обязывала к уничижжающей благодарности и от которой он не мог в силу многих причин избавиться. Еще за девять лет до женитьбы он писал брату: "Избегай покровительства, ибо оно подчиняет и унижает". Знал, советовал другим, но сам избежать этого не мог.

Наталия Николаевна пережила Пушкина на 26 лет. Встретившись в декабре 1828 года, их орбиты, постепенно сбликаясь, соединились в одну, и через шесть лет, 27 января, встретившись последний раз на Дворцовой площади (их кареты разминулись в нескольких метрах друг от друга), начали удаляться. Одному оставались часы жизни, другой долгие годы. Один навечно останется Пушкиным, другая, постепенно теряя это звонкое имя, станет Ланской. Но, несмотря на это, нас все равно интересует образ этой удивительной женщины, судьба которой дала всего лишь шесть лет жизни рядом с великим поэтом России.

Говоря о жизни и творчестве Пушкина, мы неизменно вспоминаем и Наталию Николаевну Гончарову-Пушкину-Ланскую. Каждому времени свой-

ственны свои оценки. Прав другой поэт России, с не менее драматичной судьбой.

*Лицом к лицу — лица не увидать,
Большое видится на расстоянии.*

С расстояния 200 лет меняется угол зрения, и многое видится иначе, чем вблизи. Мы воспринимаем Пушкина и как великого художника слова: поэта, писателя, драматурга, критика, журналиста, и как простого человека, жившего среди наших предков, прожившего на земле всего неполных 38 лет, любившего, страдавшего, смеявшегося от счастья и илакавшего от горя, переживавшего муки любви и муки творчества. Мы вглядываемся в жизнь Пушкина, стараемся понять его и научиться у него умению любить, сопереживать и бороться, отстаивая свою честь и достоинство.

Я вас любил...

Перед вами — портреты прекрасных женщин, современниц А. С. Пушкина. Их образы неразрывно связаны в нашем сознании с вдохновенными строками поэта, с глубокой искренностью рассказавшего о любви, возвышающей человека, о "мощной власти красоты". Вглядитесь в лица "цариц его души", и, может быть, по новому зазвучат давно знакомые вам стихотворения, передающие нежность и страсть Пушкина, его жажду любви и преклонение перед красотою.

Екатерина Павловна БАКУНИНА

Мария Николаевна РАЕВСКАЯ (ВОЛКОНСКАЯ)

Амалия РИЗНИЧ

Елизавета Ксаверьевна ВОРОНЦОВА

Анна Николаевна ВУЛЬФ

Евпраксия Николаевна ВУЛЬФ (ВРЕВСКАЯ)

Анна Петровна КЕРН

Софья Федоровна ПУШКИНА

Екатерина Николаевна УШАКОВА

Анна Алексеевна ОЛЕНИНА

Аграфена Федоровна ЗАКРЕВСКАЯ

Екатерина Васильевна ВЕЛЬЯШЕВА

Елена Михайловна ЗАВАДОВСКАЯ

Александра Осиповна РОССЕТ (СМИРНОВА)

Наталья Николаевна ГОНЧАРОВА (ПУШКИНА)

Екатерина Павловна Бакунина (1795-1869)

Дочь камергера, дипломата Павла Петровича Бакунина. Была одной из любимых фрейлин императрицы Елизаветы Алексеевны. А. С. Пушкин встретил ее в Лицее, куда она приходила навещать своего младшего брата. “Прелестное лицо ее, - по словам Комовского, - дивный стан и очаровательное обращение производили всеобщий восторг во всей лицейской молодежи”. Екатерине Павловне посвящены стихотворения юного Пушкина, навеянные безнадежной, неразделенной любовью: “Итак, я счастлив был...”, “К живописцу”, лирический цикл 1816 года.

В 1834 году Бакунина вышла замуж за знакомца Пушкина, двоюродного брата А. П. Керн А. А. Полторацкого, капитана в отставке и тверского помещика. По-видимому, поэт присутствовал на этой свадьбе. Екатерина Павловна была талантливой и популярной художницей, ученицей А. П. Брюллова. Занятия живописью она не оставила и после замужества.

Желание

Медлительно блекнутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце мюжит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;

Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебе,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорогого любви москай лучинье, -
Пуская умру, но пусть умру любя!

А. С. Пушкин.

Мария Николаевна Раевская (Волконская) (1805-1863)

Дочь прославленного героя Отечественной войны 1812 года Н. Н. Раевского, с января 1825 года жена декабриста С. Г. Волконского, сосланного в Сибирь. Путешествуя с семейством Раевских по Северному Кавказу и Крыму, Пушкин увлекся пятидесятилетней Марисей, они подружились. С Раевской исследователи связывают большой цикл лирических стихотворений, поэму "Бахчисарайский фонтан". При создании "Полтавы" поэт думал о печальной судьбе Марии Николаевны и в посвящении обращался к ней.

Когда умер двухлетний сын Волконской, оставленный на попечение ее родных, Пушкин написал трогательную эпитафию. В последующие годы Волконская становится посерединой между Александром Сергеевичем и декабристами. Поэт посыпает ей свои сочинения, "Литературную газету"...

Подвиг Марии Николаевны Волконской, добровольно последовавшей в изгнание и прожившей в Сибири с 1826 по 1856 год, увековечен в поэме "Русские женщины" Н. А. Некрасова.

"Евгений Онегин", гл. 1. Стrophe XXXIII

<...> Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней

Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных лашит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страсти
Так не терзал души моей! <...>

А. С. Пушкин.

Амалия Ризнич (около 1803-1825)

Жена одесского негоцианта. Она была, по словам современника, "высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенностью привлекательны были ее пленительные очи, шея удивительной формы и белизны и черная коса, более двух аршин длиною". А. С. Пушкин встретил ее летом 1823 года в Одессе. Полагают, что к Амалии Ризнич обращена элегия "Простишь ли мне ревнивые мечты...". В мае 1824 года Ризнич уехала на родину, в Италию, и там вскоре умерла. На ее смерть Пушкин откликнулся стихотворением:

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла на конец, и верно надо мной
Младая тень уже лежала...
Ей же поэт посвятил одно из самых совершенных созданий своей лирики —
"Для берегов отчизны дальней..."

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час
печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томление страшное разлуки
Мой стопы молил не прерывать.

<...>

Но там, убы, где неба свободы
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним спом.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с тими поцелуй свидания...
Но жду его; он за тобой...

А. С. Пушкин.

Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792-1880)

Урожденная графиня Браницкая. В 1819 году вышла замуж за графа М. С. Воронцова, ставшего впоследствии генерал-губернатором Новороссии. Все, знавшие графиню, описывали ее как женщину исключительной прелести и очаровывающую благородного изящества. А. С. Пушкин встретил ее в июне 1823 года в Одессе, а в конце июля 1824 года по настоянию графа Воронцова поэт был выслан в Михайловское. К Елизавете Ксаверьевне обращены шедевры его лирики "Сожженное письмо", "Храни меня, мой талисман", "Талисман", "Все в жертву памяти твоей" и другие. На протяжении многих лет поэт рисовал портреты Воронцовой на полях своих рукописей.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо
любви.

Готов я; ничему душа моя не внемаст.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — аский
дымя,
Вижь, тержется с молчанием моим.

Уж перстnia верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипят... О
пробиденье!

Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком испле их забытые черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел
милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной
груди...

А. С. Пушкин.

Анна Николаевна Вульф (1799-1857)

Старшая дочь соседки А. С. Пушкина, владелицы села Тригорского П. А. Осиповой от первого брака. Анна Николаевна отличалась романтическим характером, что дало основание первым биографам поэта сравнивать ее с Татьяной из "Евгения Онегина". Пушкин познакомился с Анной Николаевной летом 1817 года, когда гостила у родителей в Михайловском, но ближе узнал ее во время ссылки 1824-1826 гг. А Вульф полюбила Пушкина, и эта долгая и неразделенная любовь легла тяжелым бременем на всю ее жизнь. Она не вышла замуж. К 1825 году относится посвященное ей стихотворение А. С. Пушкина "Я был свидетелем златой твоей весны..." Сохранились шесть писем Анны Николаевны к Пушкину, в которых она трогательно искренно говорит о своих чувствах. Два ответных письма поэта, напротив, иронично-шутливы. Хотя после 1826 года А. С. Пушкин и А. Н. Вульф виделись редко, Александр Сергеевич не забывал свою тригорскую приятельницу. Он подарил ей гравированный портрет Байрона и вписал в ее альбом отрывок из шестой главы "Евгения Онегина".

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте семнадцать лет
замена.

Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньши жечихов толпятся на дворе,

И тише звук похвал твой слух
обворожает,
А зеркало сильней грозит и устрашает.
<...>
Иди других побед — успехи пред
тобою,
Я счаствия тебе желаю всей душою.<...>

А. С. Пушкин.

Софья Федоровна Пушкина (1806-1862)

Отдаленная родственница поэта: их отцы были четвероюродными братьями. Софья Федоровна считалась одною из первых красавиц среди московских барышень, была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем, с черными, как смоль, глазами, и, кроме этого, мила и умна. Пушкин познакомился с нею осенью 1826 года. В стихотворении "Ответ Ф. Т.***" поэт восторженно описывает девушку, влюбившую его настолько, что он решает жениться на ней. Из Михайловского Пушкин просит в письме своего приятеля Зубкова, родственника Софьи Федоровны, передать его предложение.

Но Пушкина отнеслась к этому предложению равнодушно. В декабре 1826 года она была помолвлена с В. А. Ганиным, будущим казначеем Общества любителей словоделия, а через месяц вышла за него замуж, и, по воспоминаниям современников, была довольна своим браком.

Ответ Ф. Т.***

Нет, не черкешенка она, -
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней, -
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

А. С. Пушкин.

Екатерина Николаевна Ушакова (1809-1872)

По свидетельству современника, "Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые волосы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературой".

А. С. Пушкин познакомился с семьей Ушаковых (Николаем Васильевичем, Софьей Андреевной и их дочерьми Екатериной и Елизаветой) зимою 1826 года. Их московский дом на Пресне посещали известные литераторы и музыканты. По словам младшей сестры Елизаветы, "Катюша ни о чем другом не может говорить, кроме как о Пушкине и его сочинениях". Она ответила на увлечение поэта преданным и самоотверженным чувством. В альбом Ушаковой Пушкин написал такие стихотворения, как "В отдалении от вас...", "Когда я вижу пред собой..." и другие.

Одно время Александр Сергеевич собирался связать свою судьбу с Ушаковой, но неожиданно вспыхнувшее чувство к Анне Олениной, а потом и знакомство с Натальей Гончаровой помешали этому. Тем не менее Екатерина Николаевна любила поэта и замуж вышла только после его смерти.

Ек. Н. Ушаковой

Когда, бывало, в старину,
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
"Аминь, аминь, рассынься!" В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девались они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,

Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи разные, живые, -
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
"Аминь, аминь, рассынься!" говорю.

А. С. Пушкин.

Евпраксия Николаевна Вульф (Бревская) (1809-1883)

Дочь владелицы села Тригорского П. А. Осиповой от первого брака, умная, веселая и жизнерадостная девушка. Дома ее звали Зиной, Зизи. Именно она была лушой общества, собиравшегося в Тригорском во время пушкинской ссылки 1824-1826 гг. Шутливая влюбленность Пушкина в юную Зизи отразилась в посвященном ей мадrigale "Вот, Зина, вам совет: играйте..." В 1828 году поэт подарил Зине экземпляр четвертой и пятой глав "Евгения Онегина" с надписью: "Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от твоих". Именно в пятой главе Пушкин вспоминает Зизи, называя ее "кристаллом своей души".

В 1831 году Евпраксия Николаевна вышла замуж за барона Б. А. Бревского. Пушкин охотно гостила в их имении Голубово. Отношения баронессы Бревской и Пушкина продолжали оставаться дружескими до самой смерти поэта. За несколько дней до трагической дуэли он сообщил ей о предстоящем поединке с Дантесом.

По семейному преданию, Евпраксия Николаевна перед смертью завещала docheri предать сожжению "пачку писем Пушкина".

К Зине

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И вперед у нас не разрывайте
Ни мадrigалов, ни сердц.

А. С. Пушкин.

Анна Петровна Керн (1800-1879)

Дочь помещика П. М. Полторацкого и Е. И. Вульф. В 16 лет была против ее воли выдана замуж за 52-летнего генерала Ермолова Федоровича Керна. Семейная жизнь Анны Петровны была **настолько неудачной**, что она решилась уйти от мужа, вызвав тем самым множеством толков.

А. С. Пушкин впервые встретил ее весной 1819 года в Петербурге в доме Олениных. Следующая встреча произошла через шесть лет, летом 1825 года, в Тригорском. В течение месяца они виделись **почти каждый день**. Именно в это время родилось знаменитое стихотворение "Я помню чудное мгновенье..."

После смерти генерала Керна Анна Петровна связала свою судьбу с пебогатым помещиком А. В. Марковым-Виноградским и прожила с ним счастливо, хоть и в бедности, 30 лет. А. П. Керн оставила воспоминания о Пушкине, отличающиеся искренностью, безыскусностью, бережным и проникновенным отношением к поэту.

К А. П. Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти
безнадежной,
В тревогах шумной сути,
Звучал мне долго голос
нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв
мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос
нежный,
Твои мебесные черты.
В глупи, во мраке
затменья
Тянулись тихо дни мои,
без божества, без

вдохновенья,
без слез, без жизни, без любви.
Душа настолько пробуждена,
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него краски знои
И блаженство, и вдохновение,
И жизнь, и слезы, и любовь.
А. С. Пушкин.

Анна Алексеевна Оленина (1808-1888)

Дочь директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Оленина, А. С. Пушкин стал посещать петербургский салон Олениных в начале 1817 года. После шестилетней ссылки, в мае 1827 года, поэт вновь был принят в семье Олениных и увлекся юной красавицей, сочинявшей музыку, стихи и обладавшей хорошим голосом. Он посвятил Анне Алексеевне большой цикл лирических стихотворений "Её глаза", "Увы!", "Язык любви болталивый", "To Dawe Esgr", "Ты и вы", "Не пой, красавица, при мне...", "Предчувствие", "Город нынешний, город белый" и другие (1828). А. С. Пушкин сделал ей предложение, но родители ему решительно отказали. Да и сама Анна, хотя и считала поэта "самым интересным человеком своего времени", была у нему вполне равнодушна. Прощание с уходящей любовью нашло отражение в стихотворении Пушкина "Я вас любил..."

Анна Алексеевна Оленина оставила потомкам "Дневник", очень ценный документ пушкинской эпохи.

Ее глаза

Она мила — скажу между нами —
Преображеных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Справить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горны фены живей;
Но, сама присматривайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

Какой задумчивый в них гений
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

А. С. Пушкин.

Аграфена Федоровна Закревская (1799-1879)

Жена министра внутренних дел А. А. Закревского, урожденная графиня Толстая. Одна из блестящих петербургских красавиц, высокая, смуглая, с огненными глазами, известная в свете своим независимым характером и эксцентричностью поведения. Закревской был серьезно увлечен поэт Е. А. Баратынский, описавший ее в поэме "Бал". Баратынский сравнивал Аграфену Федоровну с розой, поврежденной бурей.

Летом и осенью 1828 года Закревской был увлечен и Пушкин. "Я пытаясь в свет, - сообщал поэт Вяземскому. — Если бы не твоя медная Венера (Закревская), то я бы с тоски умер, но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи..." Закревской посвящены стихотворения "Портрет", "Наперсник", "Счастлив, кто избран своею правдою..." (весна 1828), ее черты отразились в образе героини незаконченной повести Пушкина "Гости съезжались на дачу..." Зинаиды Вольской. Именно ее поэт в "Евгении Онегине" выводит под именем "Клеопатры Невы" Нины Воронской.

Портрет

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстиами,
О жены Севера, меж бами
Она является порой.
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расширенном светил.

А. С. Пушкин.

Екатерина Васильевна Вельяшева (1813-1865)

Дочь Старицкого исправника В. И. Вельяшева и его жены, урожденнои Н. И. Вульф, племянница П. А. Осиповой. “Она была очень миленькая девушка; особенно чудные были у нее глаза”, - вспоминал ее двоюродный брат А. Н. Вульф. Пушкин посетил Старицу в январе 1829 года, и скромная, привлекательная Катенька Вельяшева произвела на него сильное впечатление. Возвращаясь в Петербург, Пушкин сочинил в ее честь проникновенные стихи “Подъезжая под Ижоры...”, на полях рукописи нарисовал изящный профиль Вельяшевой.

Мимолетное увлечение прошло, но образ девушки не забылся. В августе 1833 года, проезжая через вульфовские поместья Пушкин писал жене из Павловского: “Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу”.

В 1834 году Е. В. Вельяшева вышла замуж за уланского офицера А. А. Жандра.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственностью
красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами

Преклонить я не посмел
И влюбленнымми
молбами
Вас тревожить не хотел.
Ушибясь исприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений
стройность,

Осторожный разговор,
Эту скромную
спокойность,
Хитрый смех и хитрый
взор.
Если ж нет... по прежнюю
следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до поября.
А. С. Пушкин.

Елена Михайловна Завадовская (1807-1874)

Дочь генерала от кавалерии Владека, полька по отцу и русская по матери. С 1824 г. жена графа В. П. Завадовского, чиновника Министерства юстиции. "Нет возможности передать неуловимую прелест ее лица, гибкость стана, грацию и симпатичность, которыми была проникнута вся ее особа", - вспоминал современник Елены Михайловны. Пушкин встречался с ней в петербургском великосветском обществе. В мае 1832 года Завадовская прислала Пушкину свой альбом, в который поэт вписал одно из лучших своих стихотворений "Все в ней гармония, все диво...". ("Красавица").

Восторженными поклонниками Завадовской были также П. А. Вяземский и И. И. Козлов, подчеркивавшие особую, "ангельскую" и чистую природу прелести "молодой царицы красавиц Севера".

Красавица

Все в ней гармония, все диво,
Все взыше мира и страстей;
Она покоятся стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя вчрает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледных круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтаниe, -
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься неболго,
Благоговея богомолю
Перед святыней красоты.

А. С. Пушкин.

Александра Осиповна Россет (Смирнова) (1809-1882)

Фрейлина императрицы Марии Федоровны, с 1828 года — жены Николая I Александры Федоровны. “Южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания — скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение”, — вспоминал И. С. Аксаков. Россет воспевали В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов.

Пушкин познакомился с Александрой Осиповной в 1828 году, по архивские отношения между ними завязались летом 1831 года, когда поэт с женой жили в Царском Селе. Александр Сергеевич читал Россет новые произведения, дорожка ее мимением. 18 марта 1832 года, вскоре после свадьбы А. О. Россет и дипломата Н. М. Смирнова, Пушкин подарил новобрачной альбом с вписаным якобы от ее имени стихотворением “В тревоге нестрой и бесплодной...”. Последующие их встречи были нечастыми — значительную часть времени Смирновы жили за границей. В воспоминаниях Россет (Смирновой) содержится интересный материал о встречах и разговорах с Пушкиным.

В тревоге нестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце ум свободный,
И правды пламень благородный,
И, как дитя, была добра;
Смеялась над томлюю вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

А. С. Пушкин.

Наталья Николаевна Гончарова (Пушкина) (1812-1863)

Зимою 1828-1829 года на одном из балов знаменитого танцмейстера Иогеля в Москве А. С. Пушкин впервые встретил 16-летнюю Н. Н. Гончарову. 6 мая 1830 года состоялась помолвка, а 18 февраля 1831 года — свадьба. “Жена моя прелесть”, — писал поэт. Он посвятил Наталье Николаевне стихотворение “Мадона”, делился с ней творческими планами, писал ей письма из многочисленных поездок.

После трагической дуэли, по свидетельству Е. Н. Карамзиной, “Пушкин думал только о жене... повторяя, что считает ее исповинью...”

После смерти поэта Наталья Николаевна уехала с детьми (Александром, Григорием, Марии и Наталией) в имение своего старшего брата Полотняный завод, где прожила около двух лет. В 1844 году вторично вышла замуж за командира столичного Конного полка генерал-майора Петра Петровича Ланского. Она трогательно заботилась о своих детях от Пушкина и ~~дочерях~~ от второго брака (Александре, Софии и Елизавете) и в этом видела смысл своей жизни.

Мадона

Не множеством картин старинных
мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суетерно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению лицтоков.
В простом углу моем, средь медленных
трудов,
Одной картины я желал быть вечно
зрителем,
Одной: чтоб на меня с холста, как с
облаков,

Пречистая и наш божественный
спаситель —
Она с величием, он с разумом в очах —
В цифрах, кротких, во славе и в лунах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне писал, тебя,
моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший
образец.
А. С. Пушкин.

Список имен

1. Анненков Павел Васильевич (181 -1887) - историк литературы, критик, пушкинист.
2. Аксаков Сергей Тимофеевич (1791-1859) - писатель, с 1820 по 1830 гг. цензор в Москве.
3. Бакунин Александр Павлович (1799-1862) - лицейский товарищ Пушкина.
4. Бакунина Екатерина Павловна (1759-1862) - фрейлина двора, сестра А. П. Бакунина.
5. Байрон Джордж Гордон Ноэл (1788-1824) - английский поэт начала XIX века.
6. Баратынский Евгений Абрамович (1800-1844) - известный поэт пушкинской поры.
7. Батюшков Константин Николаевич (1787-1848) - известный поэт пушкинской поры.
8. Бартенев Петр Иванович (1829-1912) - историк, археограф, редактор-издатель "Русского архива".
9. Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) - критик, публицист.
10. Бенкendorф Александр Христофорович (1783-1844) - государственный деятель, с 1826 г. шеф жандармов и начальник III отделения.
11. Борисова Мария Васильевна (1809-1850) - ничем не примечательная знакомая Пушкина.
12. Благой Дмитрий Дмитриевич - советский академик, пушкинист.
13. Брюллов Карл Павлович (1799-1852) - художник пушкинской поры.
14. Воронцов Михаил Семенович (1782-1856) - граф, новороссийский генерал-губернатор, наместник Кавказа.
15. Воронцова Елизавета Ксаверьевна (1792-1880) - графиня, урожденная Браницкая, жена М. С. Воронцова.
16. Вельтман Александр Фомич (1800-1870) - поэт, знакомый Пушкина.
17. Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805-1827) - поэт пушкинской поры.
18. Вигель Филипп Филиппович (1788-1856) - член литературного общества "Арзамас", знакомый Пушкина.
19. Вревский Борис Александрович (1805-1888) - помещик, сосед Пушкина по имени.
20. Всеволожский Никита Всеволодович (1799-1862) - переводчик, основатель литературно-политического общества "Зеленая лампа".
21. Вульф Алексей Николаевич (1805-1881) - приятель Пушкина, сын П. А. Осиновой от первого брака.

22. Вульф Анна Николаевна (1799-1857) - старшая дочь П. А. Осиповой от первого брака.
23. Вульф Екатерина Николаевна (1809-1883) - младшая сестра Анны и Алексея Вульфов.
24. Вяземский Петр Андреевич (1792-1878) - князь, известный поэт, критик, один из близких друзей Пушкина, член "Арзамаса".
25. Вяземская Вера Федоровна (1790-1886) - княгиня, жена П. А. Вяземского. Пушкин познакомился с ней в 1824 году в Одессе, доброжелательно относился к ней.
26. Гоголь Николай Васильевич (1809-1852) - русский писатель, один из близких друзей Пушкина.
27. Голицына Евдокия Ивановна (1780-1850) - княгиня, светская знакомая Пушкина.
28. Гончаров Николай Афанасьевич (1787-1861) - отец Н. Н. Гончаровой.
29. Гончарова Наталья Ивановна (1785-1848) - мать Н. Н. Гончаровой.
30. Глинка Михаил Иванович (1804-1857) - композитор.
31. Гнедич Николай Иванович (1784-1833) - писатель, переводчик "Илиады".
32. Грибоедов Александр Сергеевич (1795-1829) - поэт, дипломат.
33. Давыдов Денис Васильевич (1784-1839) - генерал, герой Отечественной войны, поэт, приятель Пушкина.
34. Дельвиг Антон Антонович (1798-1831) - лицейский друг Пушкина, поэт.
35. Дементьев Михаил Алексеевич - современный писатель.
36. Державин Гаврила Романович (1743-1861) - генерал, полководец, дипломат.
37. Ермолов Алексей Петрович (1772-1861) - генерал, полководец, дипломат.
38. Елизавета Алексеевна (урожденная Луиза, принцесса Баденская) (1779-1826) - императрица, жена Александра I.
39. Жуковский Василий Андреевич (1783-1852) - известный русский поэт, учитель Пушкина.
40. Завадовская Елена Михайловна (1807-1874) - одна из знакомых женщин Пушкина.
41. Закревская Аграфена Федоровна (1799-1879) - одна из знакомых женщины Пушкина.
42. Измайлова Владимир Васильевич - издатель журнала "Вестник Европы".
43. Инзов Иван Николаевич (1768-1845) - генерал, наместник Бессарабии.

ской области.

44. Йогель - известный во времена Пушкина танцмейстер, устраивавший танцевальные вечера для аристократической молодежи.

45. Калико Полихрони (годы жизни неизвестны) — кишиневская знакомая Пушкина.

46. Каменская Мария Федоровна - автор мемуаров.

47. Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) - писатель, историк.

48. Карамзина Екатерина Андреевна (1780-1852) - жена Н. М. Карамзина.

49. Керн Анна Петровна (1800-1879) - автор книги воспоминаний о Пушкине.

50. Керн Ермолай Федорович (1759-1846) - муж А. П. Керн.

51. Керн Екатерина Ермолаевна - дочь А. П. Керн и Е. Ф. Керн.

52. Корф Модест Андреевич (1800-1876) - лицейский товарищ Пушкина, государственный деятель.

53. Кочубей Виктор Павлович - министр внутренних дел.

54. Кочубей Наталья Викторовна (1800-1854) - дочь В. П. Кочубей, в замужестве Строганова, знакомая Пушкина.

55. Калашникова Ольга Михайловна (годы жизни неизвестны) - знакомая Пушкина, крепостная села Михайловское.

56. Комовский Сергей Дмитриевич (1798-1880) - лицейский товарищ Пушкина.

57. Козлов Никита Тимофеевич (1778-1851) - дядька Пушкина.

58. Кипренский Орест Адамович (1783-1836) - известный художник-портретист пушкинской поры.

59. Киреевский Иван Васильевич (1806-1856) - философ, критик, писатель, сотрудник пушкинского журнала "Современник".

60. Куприн Александр Иванович (1870-1938) - известный русский писатель.

61. Кривцов Николай Иванович (1791-1843) - петербургский знакомый Пушкина.

62. Ланской Петр Петрович (1799-1877) - второй муж Н. Н. Гончаровой.

63. Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841) - поэт.

64. Липранди Иван Петрович (1790-1880) - кишиневский знакомый Пушкина.

65. Малиновский Василий Федорович (1765-1814) - первый директор Лицея.

66. Малиновский Иван Васильевич (1796-1879) - лицейский товарищ Пушкина.

67. Марков-Виноградский Александр Васильевич (1820-1879) - второй муж А. П. Керн.
68. Массон Ольга (годы жизни неизвестны) - знакомая Пушкина в молодые годы.
69. Нащокин Павел Войнович (1801-1854) - один из близких друзей Пушкина.
70. Нащокина Вера Александровна (1815-1990) - жена П. В. Нащокина.
71. Никитенко Александр Васильевич (1805-1877) - критик, историк литературы, цензор, академик Петербургской Академии наук.
72. Ободовская Ирина Михайловна - современный писатель-пушкинист.
73. Одоевский Владимир Федорович (1804-1869) - писатель, критик, историк литературы, журналист, сотрудник журнала "Современник".
74. Оленина Анна Алексеевна (1808-1888) - фрейлина двора, знакомая Пушкина.
75. Оленин Алексей Николаевич (1763-1843) - президент академии художеств, директор Публичной библиотеки, археолог, отец А. А. Олениной.
76. Осипова Александра Ивановна (1808-1864) - падчерица П. А. Осиповой, дочь второго ее мужа от первого брака росла и воспитывалась в Тригорском вместе с дочерьми П. А.
77. Осипова Мария Ивановна (1820-1895) - дочь П. А. Осиповой от второго брака.
78. Осипова Екатерина Ивановна (1823-1909) - младшая дочь П. А. Осиповой.
79. Павлищев Николай Иванович (1802-1879) - муж О. С. Пушкиной.
80. Погодин Михаил Петрович (1800-1875) - поэт, критик, публицист, писатель.
81. Полторацкая Елизавета Марковна (1768-1838) - жена А. Н. Оленина, тетка А. П. Керн.
82. Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739-1791) - генерал-фельдмаршал, военный и государственный деятель, фаворит Екатерины II.
83. Плетнев Петр Александрович (1792-1865) - поэт.
84. Пушкин Василий Львович (1767-1830) - дядя Пушкина.
85. Пушкина Надежда Осиповна (1775-1836) - мать Пушкина.
86. Пушкин Лев Сергеевич (1805-1852) - брат Пушкина.
87. Пушкина (Павлищева) Ольга Сергеевна (1797-1868) - сестра Пушкина.
88. Пушкина Софья Федоровна (1806-1862) - дальняя родственница Пушкина.
89. Пущин Иван Иванович (1798-1859) - лицейский друг Пушкина, де-

кабрист.

90. Раевский Николай Николаевич (1801-1843) - одесский знакомый Пушкина.

91. Разумовский Алексей Кириллович (1748-1822) - министр народного просвещения.

92. Россет Александра Осиповна (1809-1882) - фрейлина двора, знакомая Пушкина.

93. Рокотов Иван Матвеевич (1782-1840) - помещик, сосед Пушкина по имению.

94. Репин Илья Ефимович (1844-1930) - художник.

95. Ризнич Амалия (1803-1825) - одесская знакомая Пушкина.

96. Соболевский Сергей Александрович (1808-1870) - библиограф, литератор, друг Пушкина.

97. Соллогуб Владимир Алексеевич (1814-1882) - светский молодой человек, начинающий писатель, знакомый Пушкина.

98. Сомов Орест Михайлович (1793-1833) - журналист.

99. Семенова Екатерина Семеновна (1786-1849) - трагическая актриса.

100. Смирнова Александра Осиповна (1809-1882) - фрейлина двора, знакомая Пушкина.

101. Смит Мария - биография неизвестна. Пушкин увлекался Марией некоторое время в лицейские годы.

102. Смирдин Александр Филиппович (1795-1856) - петербургский издатель и книготорговец, сыгравший выдающуюся роль в развитии книжного дела в России.

103. Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839) - государственный деятель, историк литературы, член государственного совета. Сперанский высоко ценил Пушкина как поэта и как историка.

104. Строганов Сергей Григорьевич (1794-1882) - граф, троюродный брат Н. Н. Гончаровой.

105. Толстой Лев Николаевич (1828-1910) - великий русский писатель.

106. Толстой В. В., граф. В Царском Селе содержал крепостной театр.

107. Тургенев Александр Иванович (1784-1845) - историк, литератор, общественный деятель, брат декабриста Н. И. Тургенева. Близкий друг Пушкина, сотрудник пушкинского журнала "Современник". После смерти Пушкина сопровождал его тело в Свято-Городской монастырь и там захоронил.

108. Ушакова Екатерина Николаевна (1809-1872) - московская знакомая Пушкина.

109. Ушакова Елизавета Николаевна (1810-1872) - сестра Е. Н. Ушаковой, знакомая Пушкина.

110. Фикельман Дарья Федоровна (1804-1863) - внучка М. И. Кутузова,

автор записок о Пушкине.

111. Филарет, митрополит (в миру - Василий Михайлович Дроздов) (1783-1867).

112. Цветаева Марина Ивановна (1892-1941) - известная русская поэтесса.

113. Юзефович Михаил Владимирович (1802-1889) - приятель Пушкина, чиновник Министерства иностранных дел, автор воспоминаний.

114. Юрьев Федор Филиппович (1796-1860) - лицейский товарищ Пушкина.

115. Энгельгард Егор Антонович (1775-1862) - второй директор Лицея.

116. Языков Николай Михайлович (1803-1845) - поэт пушкинской поры.

Список литературы

1. Вересаев В. В. Пушкин в жизни.
2. Вересаев В. В. Спутники Пушкина.
3. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина.
4. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Наталья Николаевна Пушкина.
5. Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина.
6. Пушкин А. С. Переписка.
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений.
8. Соколов В. Д. Рядом с Пушкиным.
9. Чижова И. Б. Души волшебное светило.

Божественная лира

Мир античных образов и героев
в творчестве А. С. Пушкина

...Пушкин жил в своем времени,
со своими современниками, своей средой,
но как бы и с детьми поколений, и
живет с нами и будет жить с теми,
кто придет нам на смену.
А. Твардовский

К читателю

Во все времена поэты слагают стихи для разного читателя. Стать почтителем поэзии, в особенности Пушкина — уже великое честье, ведь справедливо замечание, что людей, любящих стихи, неизмеримо меньше, чем людей, пишущих стихи.

Современный человек в большинстве своем лишен того культурного и духовного контекста, который питал просвещенного любителя поэзии XIX века. Многие строки Пушкина для неискушенного современника то же, что неразгаданные письмена. Автор работы Г. М. Неуныахин — редкий по увлеченности читатель Пушкина.

В. Набоков писал: "...самый лучший читатель — это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей". У автора данной работы своя позиция на сей счет. Г. М. Неуныахин, напротив, приглашает читателя разделить его восхищение поэзией Пушкина, прочесть вместе многие строки стихотворений, следя за мыслью поэта. Работа Г. М. Неуныахина становится компасом в том океане культуры, имя которому — античность и Пушкин. Эта эстетическая и нравственная заданность определяет просветительский характер работы. Предмет анализа, точнее подробного комментирования — античные мотивы в поэзии Пушкина от лицейского периода до 1836 года. В работе органично соединяются комментарии пушкинских строк с пересказом греческих мифов и словарным толкованием имен античных богов.

Весь этот материал оживлен подлинным интересом автора, согрет его любовью, пронизан интонациями доверительной беседы.

Несомненно, что работа Г. М. Неуныахина "Божественная лира" может быть рекомендована в качестве методических материалов для учителей-словесников и для учеников старших классов, увлеченных поэзией.

Гончарова Н. Н.,
ст. преподаватель кафедры
литературы НГПИ.

“Бегут, меняясь, наши леста,
меняя все, меняя нас...”

А. С. Пушкин “Прощание”, 1930 г.

Время неумолимо движется вперед. Одно поколение сменяет другое. Меняется жизнь, меняются эпохи. Что-то отсеивается, забывается, а что-то, наоборот, сберегается и бережно передается следующему поколению. Это, прежде всего, то, что относится к духовной культуре и вклад того или иного мастера, творца любого жанра искусства оценивается потомками по достоинству. Каждое время или эпоха, как привыкли называть, по-своему прочитывает своих гениев и пытается отразить их характер, творческий путь своими словами, со своих позиций и взглядов. Но есть нечто неизменное, что не поддается времени и его конъюнктуре. Это нечто составляет главное сокровище человека – его культурное наследие, пережившее века, не потерявшее своей ценности, эстетичности, художественного достоинства. Такими качествами в полной мере обладает греко-римская мифология. Мы восхищаемся мифами древних греков, их поэтичностью, яркостью их многочисленных образов, силой их характеров, но мы другими глазами смотрим на окружающий нас мир, на диалектику его развития, и несмотря на это красота и прелесть этих мифов от этого не снижается. Разница во времени не снижает их художественных достоинств. Искусство прошлого – это то достояние, которое человек получает в готовом виде, и, восхищаясь им, он идет дальше, создавая свои не менее ценные и прекрасные образцы. Это хорошо понимал наш великий поэт А. С. Пушкин.

Связь времен и поколений он ощущал и выражал в своих стихах. С самого начала своего поэтического пути он уделял большое внимание античной культуре. Прежде всего, он ее хорошо знал, хорошо ориентировался в греко-римской мифологии. И вполне естественно, что античная литература оказала сильное влияние на его поэзию. Она заставила задуматься о превратностях судеб человеческих, о своей поэтической судьбе. Отсюда все качества его поэзии и художественного образа человека своей эпохи, в котором мы узнаем себя и какими есть, и какими бы не следовало нам быть, и какими бы хотелось нам стать.

Его первые навеянные античным духом стихи появились в 1814 году, последние, “дышащие истинно римской силой и греческой прелестью”, написа-

ны незадолго до смерти. С античной литературой Пушкин познакомился рано. Еще дома, до поступления в Лицей, он имел возможность для знакомства с древнегреческими классиками. Волшебная, величественная сила духа античной поэзии, стройность и логическая завершенность древних мифов увлекли мальчика, способствовали развитию воображения и творческой фантазии. Ближе познакомился Пушкин с античностью в Лицее. Окружение Царского Села было насыщено образами из античной мифологии. Да и слово Лицей шло оттуда, из античности. Лицеем в Древней Греции называлась роща при храме Аполлона, где Аристотель обучал своих учеников. Обучение шло во время прогулок по роще. В свободных непринужденных беседах и спорах учитель и ученики совместно искали ответы на сложнейшие философские проблемы. И поэтому внешняя обстановка будила интерес к античному миру.

Любил я
И белые в тени дерев кумиры,
И в лицах их печать недвижных дум,
Все наводило некий страх
Мне на сердце, и слезы вдохновенья
При виде их рождались на глазах...

(“В начале жизни школу помню я”)

В Лицее была хорошая библиотека. Здесь по вечерам Пушкин уединялся с любимыми авторами.

За Вольтером
Вергилий, Тасс с Гомером...
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдохновен...
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин
С Мольером-исполнителем
Фонвизин и Княжнин.

С книгой в руках Пушкин забывал обо всем.

Весь день я с ними.
То в думу углублен
Божественная лира
То мыслями своими
В Элизей принесен.

Так что познакомиться с античной литературой у Пушкина возможностей было вполне достаточно.

Знакомство Пушкина с античностью шло также и через русскую литературу.

туру. Одних русских источников было бы достаточно, чтобы объяснить мощное вторжение античной стихии в лирику Пушкина-лицеиста.

Крупнейшие русские поэты, на творчестве которых рос Пушкин, значительную долю своего творчества уделяли переводам и подражаниям древних поэтов. Это было время, когда античность широкой волной вошла во все сферы культурной жизни России. Лирический герой этой эпохи просто не мог существовать без античных мотивов. Ода, стихотворение, дружеское послание, элегия или письмо - все жанры говорили языком, полным античной терминологии. О самых обыденных вещах поэты говорили с упоминанием божеств. Такое увлечение античностью было характерно и для молодого Пушкина. Уже первые стихи лицейского периода показывают, что Пушкин довольно хорошо знал античную мифологию. Обширные знания античности позволяли ему свободно использовать ее в своих стихах.

Часто он использовал античные имена, как условные обозначения для таких понятий, как любовь, поэтическое творчество, все, что связано с миром прекрасного. Еще не всегда поэтический образ, а термин, за которым, конечно, скрывается свой подтекст, свое содержание или понятие. Античная мифология очень хорошо подходила для поэтического языка. Она украшала стихи, вносила свой особый колорит, помогала поэту развить поэтическое воображение, давала простор для раскрытия новых тем и сюжетов и в какой-то мере расширяла содержание стихов. Все это было очень важно для Пушкина. Античные имена, образы находятся в неразрывной связи с общим содержанием стихотворения и употребляются Пушкиным всегда именно с учетом индивидуальных особенностей того или иного образа. Античность помогала ему выразить предельно многое в предельно кратком.

Приведем пример.

*Вдруг из глубины пещеры
Учитель Вакха и Венеры.
Резвых фавнов Господин,
Выбегал армиец сын.
Розами рога оббиты.
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись,
Над искривленною клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.*

(“Блаженство”, 1814 год)

Яркий, запоминающийся образ бога лесов Сатира. Сатир в древнегреческой мифологии не пользовался особым уважением. В мифах изображался ленивым, часто полупьяным, с сосудом для вина. Главное занятие: игры, танцы, хороводы с нимфами.

Уже в лицейские годы Пушкин поднимается до создания прекрасных античных образов. Античность увлекла молодого поэта, она несла с собой идеал прекрасного, гармонического сочетания чувственного и духовного, идеальной соразмерности форм.

Иногда Пушкин не боялся внести свои изменения в древние мифы греков. Характерно в этом плане стихотворение "Амур и Гименей"

А что такое Гименей?
 Он сын Вулкана молчаливый.
 Ворчит и дремлет целый век.
 А, впрочем, добрый человек.
 Да нрав имеет он ревнивый.
 От ревности печальный Бог
 Спокойно подремать не мог,
 Все трусил маленького брата,
 За ним подсматривалтайком
 И караулил супостата
 Своим докучным фонарем.
 Вот мальчик мой к нему подходит
 И речь коварную заводит:
 "Развеселимся, Гименей!
 Ну, помирисся, будь умней!
 Забудь, товарищ мой любезный,
 Раздор смешной и бесполезный!
 Да только навсегда, смотри/
 Возьми ж повязку в память, милый,
 А мне фонарь свой подари!..
 И что ж? Г-Эверил бог унылый
 Амур от радости прыгнул,
 И на глаза со всей он силы
 Обнову брату затянул...

Сатир

Амур у древних римлян - бог любви: то же, что у древних греков Эрот. Изображался в виде нагого мальчика с крыльями за спиной, со стрелами и луком. Гименей - у древних греков и римлян - бог брака, семейного очага. Сын Аполлона и одной из муз. Изображался в виде юноши, украшенного гирляндами из цветов, с факелом в руке. Давайте еще раз прочтем это стихотворение. Пушкин молод, ему семнадцать лет. Женитьба, семья еще не

просматриваются и на горизонте. И он высмеивает узы брака в лице Гименея. Он рисует его дряхлым и ленивым, хотя согласно античной мифологии он выглядит совсем иначе - молодой, красивый юноша, увитый венком из цветов и не с фонарем, а с факелом в руке. Факел - символ света, тепла, семейного очага, красоты, союза молодости и любви.

Пушкин создает другой образ Гименея, как ревнивого сторожа, подсматривающего за Амуром.

Это потом Пушкин создал чистый образ русской женщины, верной, преданной жены, свято хранящей узы брака. "Я другому отдана и буду век ей верна". Это потом, в тридцать седьмом, он пойдет на дуэль под пули, защищая честь и достоинство свое, жены и семьи. Накинуть платок на глаза Гименея в своей личной жизни он не позволит никому.

А пока еще Лицей, юность, начало поэтической славы. Можно шутить, веселиться, радоваться жизни - она так прекрасна и ничем не омрачена.

*Нам жизни дни златые
Не страшно рассточать.*

(“К Галичу”, 1815 г.)

Тема праздника жизни, пира, стихийной пирушки в лицейской лирике Пушкина - одна из главных. Вакх, Венера, Афродита, нимфы, музы - любимые образы стихов этих лет.

*Помнишь, милый брат по чаице,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?
Как, укрывшись молчаливо
В нашем тесном уголке,
С Вакхом нежились лениво
Школьной стражи вдалеке?*

(“Воспоминания”, 1815 г.)

Вакх (Бахус) - бог плодородия и виноделия, бог вина и веселья, изображался красивым юношей с гроздью винограда в руках. Отсюда “Вакханочка” - уменьшительно-ласкательное. С “вакханочкой” Пушкин сравнивал свою раннюю музу, как поэзию веселья и радости.

*И, как вакханочка, развилась,
За чашкой пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилася,
А я гордился меж друзей
Подругой встречной моей.*

(“Евгений Онегин”)

Мир античной поэзии привлекал Пушкина всегда. Он переводил много античных авторов, потому что там он находил достойные примеры для подражания. Античная поэзия была его школой, которую он блестяще усвоил. Он много взял у нее, она воспитала его как поэта. Парнас, Пегас, Пинд, Геликон, Аполлон, Феб, Фортуна, Афродита, музы, нимфы - переполняют стихи Пушкина, живут в них своею жизнью.

Музы в древнегреческой мифологии - девять богинь-сестер - покровительницы искусств и науки. Любимым местопребыванием муз считались горы Геликон и Парнас, там они проводили время у прохладных источников. Музы изображались цветущими девушками с красивыми одухотворенными лицами. Муза - символ вдохновения.

Муза танца - Терпсихора

Его музыка укрощала диких зверей, заставляла деревья и травы склоняться перед певцом. Недвижные камни, веками лежавшие на своих местах, старались приблизиться к Орфею, чтобы лучше слышать его.

Едва ли у какого другого народа найдется такой миф, такая легенда, сказание, которые так высоко ставили бы искусство и так высоко оценивали вали-

Музы не только покровительствовали поэтам, музыкантам и певцам, но и сами пели, и так прекрасно, что внимавшая им гора Геликон от восторга стала рваться к небесам, росла, возвышалась все более и более и, наконец, достигла небес. Это обстоятельство обеспокоило ревнивых богов, которые не могли допустить, чтобы что-то превышало их Олимп. По приказу Зевса волшебный конь Пегас мощным ударом копыт вернул зазнавшуюся гору на место. Этот удар копытом крылатого коня имел неожиданное последствие - из того места, куда пришелся удар Пегасова копыта, забил источник Иппокрена, который обладал волшебной силой, - вдохновлять поэтов и певцов на создание прекрасных песен. Такова всесильная власть искусства - иметь власть не только над людьми и богами, но и над самой природой. Гора Геликон, чуть не танцевавшая от восторга, - не единственный случай подобного рода. Старшая из муз Каллиопа, считавшаяся богиней песнопений и эпической поэзии, имела сына Орфея - певца и музыканта. В искусстве пения и музыки он не только не уступал матери своей, но даже пре- восходил ее. Музыка его вызывала слезы даже у жестоких и беспощадных богинь мести - эриний.

яние его на окружающий мир. На такое способны были только древние греки, наделенные особой, необыкновенной чуткостью к прекрасному.

Мифы элинров наполнены высокой поэзией, но из всех поэтических мифов самым поэтичным является миф о лесной нимфе Эхо. Эта нимфа полюбила Нарцисса. Любовь оказалась безответной. Нарцисс - сын речного бога Кефеса и наяды Ларионы - был прекраснейшим из всех греческих юношей. Всякий, кто его видел, не мог не влюбиться в него. Даже сам Нарцисс не составил исключений. Увидев однажды в прозрачной глади лесного ручья свое отражение, он влюбился в него и с этой минуты больше ни на кого не желал смотреть. Напрасно влюбленная Эхо ходила по его следам, неотступная, как тень. Напрасно молила она о любви, о ласке, хотя бы об одном взгляде в ее сторону. Даже этой малой доли внимания от своего любимого лесной нимфа добиться не могла. Нарцисс глядел только на себя, любовался только собой. Целые дни проводил он на берегу какого-нибудь тихого лесного озера, не сводя влюбленных взоров с самого себя. А бедная нимфа Эхо час от часу любила Нарцисса все сильней и сильней, тосковала по нему, сохла от мук неразделенной любви, пока не высохла совсем, как былинка. А потом жизнь по капле стала уходить из нее, пока бедная верная Эхо не истаяла от любви совсем. Но исчезла она не совсем, как не может исчезнуть совсем и бесследно великая любовь. От умершей нимфы остался голос, повторяя и повторяя его, влюбленная нимфа повторяет голос любимого.

Таков этот чудесный поэтический назидательный миф о верной безответной любви до последнего смертного часа. Мифов, посвященных Эхо, немало. Но существует один, которого нет среди древнегреческих мифов. Послушаем его.

*Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Тенея,
Феб, увидев ее, страстью к ней воспыпал.*

*Нимфа плюд понесла восторгов влюбленного бога;
Меж горорлиных наяд, мучась, она родила Милую дочь.*

*Ее приняла сама Мнемозина. Резвая дева росла в хоре богинь-аоний.
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила: на земле Рифмой зовется она.*

Узнали? Конечно, это Пушкин и его стихотворение "Рифма". Полноценный, звучный, чистый, как родниковый ручей, элининский гекзаметр. Пушкин не только хорошо знал древнегреческие мифы, но и мог не хуже создавать их сам.

Нельзя не привести здесь другое стихотворение. Оно отличается от первого и ритмом и по-другому раскрывает эту тему:

*Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,*

Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела,
Ах, ужель ты улестела,
Изменила навсегда?

* * *

Старшая из муз Калиопа

О когда бы ты явилась
В дни, когда еще толпилась
Олимпийская семья,
Ты бы с ними обитала
И божественно б сияла
Родословная твоя.
Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гесиод или Омир:
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.
Он бродил во мраке леса,
И никто, страшася Зевеса,
Из богинь или богов
Навещать его не смели -
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов...

Здесь рифма как способ, как элемент поэтического вдохновенного труда. Здесь рифма для поэта "звукная подруга", капризная при том, но всегда желанная, с радостью встречаемая.

Взяв "божественную лиру" в заголовок данной работы именно потому, что Пушкин ее (т. е. античность) таковой считал, мы соответствуем мыслям поэта. Божественная лира нашла своего обожателя и талантливого продолжателя. Пушкин был своим человеком в светлом волшебном мире мифов и легенд, хорошо знал, куда ступить, что сказать и как сказать. Мир мифов стал его миром. Музы - аониды, нимфы становятся частыми гостями на страницах рукописей Пушкина. Они чувствуют себя здесь как у себя дома.

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
"Постой, - кричал, - прелестная, постой,
скажи: "Люблю" - и бегать за тобой
не стану я - клянуся в том Кипридой!"
"Молчи, молчи", - рассудок говорил
А плут Эрот: "Скажи: ты сердцу мил!"
"Ты сердцу мил!" - пастушка повторила.

Их сердца огнем любви зажглись,
 И пал к ногам красавицы Дафнис,
 И страстный взор Дорида потупила.
 "Беги, беги", - рассудок ей твердил.
 А плут Эрот: "Останься", - говорил.
 Осталася - и трепетной рукою
 Взял руку ей счастливый пастушок...

(“Рассудок и любовь”, 1814 г.)

Это написано пятнадцатилетним начинающим поэтом, понятна и яркая картинка. Молодая, бьющая через край жизнь. Вот еще из этой жизни.

Средь темной рощицы под тенью лип душистых
 В высоком тростнике, где чистым жемчугом
 Вздубалась пена вод сребристых,
 Колеблясь тихим ветерком,,
 Покров красавицыстыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежал.
 И прелести ее поток волной игравый
 С весельем орошал.
 Житель рощи торопливый,
 Будь же скромен, о ручей!
 Тише, струйки говорливы,
 Изменить стремитесь ей.
 Леда робостью трепещет,
 Тихо дышит нежна грудь,
 Ни волна кругом не плецет,
 Ни зефир не смеет дуть.
 В роще шорох утихают.
 Все в прелестной тишине.
 Нимфа далее ступает
 Робко вверившиесь волне.

(“Леда”, 1814 г.)

Перед нами живописная картина - купающаяся молодая нимфа. Восхищается природа красотою Леды.

Ни волна вокруг не плецет,
 Ни зефир не смеет дуть.

Но не только природа, сам Зевс, плененный прелестями Леды, превращается в лебедя и плывет к ней... Вернемся к тексту стихотворения.

Опомнясь, наконец, красавица младая
 Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
 И что ж увидела? - На ложе из цветов

Она покоится в объятьях Зевса:
Меж ними юная любовь,
И пала таинства прелестная завеса.

Леда - в древнегреческой мифологии супруга Тиндарея, от которого имела dochь Клитемнестру и сына Кастро. Легенда рассказывает, что Зевс, плененный красотой Леды, явился к ней в образе лебедя, когда купалась она в реке. В результате этих встреч, как и следовало ожидать, появились дети Кастро и Поллукса.

А жизнь продолжалась, и рождались новые стихи. В стихи приходит Вакх, Бахус, Дионис, то есть тема веселого пира, отсюда эротическое настроение. Вот пример:

Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

.....

Нет, мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой паркой там придется,
Пусть владеет много он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стужнется Эрот
У могильных уж ворот.

(“Опытность”, 1814 г.)

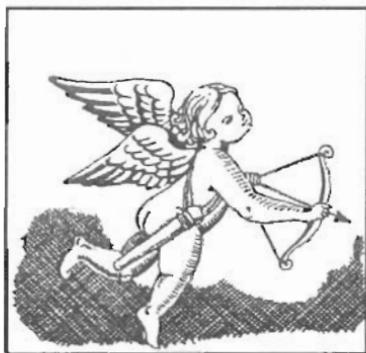
Эрот - бог любви у древних греков. Изображался так же, как Амур. В стихах о любви Пушкин эмоционален, миг блаженства прежде всего.

Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства вск лови.
Помни дружбы наставленья,
Без вина здесь нет бесслья,
Нет и счастья без любви.

(“Блаженство”, 1814 г.)

Этот мотив звучит в стихотворениях, написанных в форме античной эпиграммы.

Юноша скромно пирут
и шумную Вакхову благу

Купидон

С трезвой струею воды,
с мудрой беседой мешаст.

“Чистый лоснится пол” - перевод Ксенофана Колофонского, “Славная флейта, Феон здесь лежит (Афеней), Бог веселый винограда” (Ион Хлосский). Во всех этих переводах Пушкина тема античного пира. Рисуется красочная картина пиршества. Обращение к богам в начале пира, обязательное торжественное возлияние, гости, увешанные венками, трапеза, сопровождаемая хоровым пением гимнов. Пушкин как бы присутствует сам на этом празднике жизни и передает поэтическим языком эту картину нам. Картины с годами меняются. Юность рисует картины буйства жизни, веселья, наслаждения жизнью, а годы зрелые рождают картины другие. Например: 1830 год. “Домик в Коломне”.

...Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас.

Но это потом, через несколько лет, “порос крапивою Парнас” и музы постарели, а сейчас музы молодые и крапивы на Парнасе нет и Кастанельский ключ бьет фонтаном. Молодость - пора расцвета, пора любви, рождает и свои стихи.

Жизнеутверждающие мотивы поэзии Пушкина, пафос земной страсти в соединении с влюблённостью в красоту и изящество, упоение радостями жизни вызвали у него интерес к Анакреону.

Анакреон - древнегреческий поэт-лирик. В своих произведениях воспевал любовь, радость жизни. С его именем связано представление о легкой поэзии, прославляющей пиры и любовные увлечения. Был очень распространен в России в конце XVIII и в начале XIX веков.

И, хмуря важно брови,
Хочет петь он бога браны,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить,
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вокруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скучного
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца усели.

Плющем, розами убиты,
 Игры вслед ему пошли...
 Он исчез, как наслажденье,
 Как веселый сон любви.
 Смертный, вск твой привиденье:
 Счастье резвое лови.
 Наслаждайся, наслаждайся,
 Чаше кубок наливай,
 Спрастью пылкой утоляйся
 И за чашей отдыхай!

(“Гроб Анакреона”, 1815 г.)

В стихотворении “Мое завещание друзьям” (1815 г.) Пушкин называет Анакреона своим учителем:

Подайте гроздь Анакреона,
 Он был учителем моим.

Анакреону он подражает и в стихах “К живописцу” (1816 г.), “Фиал Анакреона” (1816 г.). В ранней молодости Пушкину импонировала поэзия этого эллинского поэта и мудреца. В 1835 году Пушкин вновь обращается к Анакреону, переводит его оды.

Узнают коней ретивых
 По их выжженным таврам;
 Узнают парфян кичливых
 По высоким каблукам,
 Я любовников счастливых
 Узнаю по их глазам:
 В них сияет пламень томный -
 Наслаждений знак нескромный.

Стихотворение не закончено. Оно так и значится (Из Анакреона, отрывок). Другое стихотворение Ода LVI из Анакреона другого настроения, здесь веет ветерок холодный.

Поредели, побелели
 Кудри, честь главы моей,
 Зубы в деснах ослабели,
 И потух огонь очей.
 Сладкой жизни мне немного
 Пребожанье осталось дней:
 Парка счет ведет им строго.
 Тартар тени ждет моей.

Не воскреснем из-под спуда
 Всяк навеки там забыт:
 Вход туда для всех открыт,-
 Нет исхода уж оттуда.

И еще одно стихотворение из Анакреона - Ода LVII.

Что же сухо в чаше дно?
 Наливай мне, мальчик резвый,
 Только пьяное вино
 Раствори водью трезвой.
 Мы не скифы, не люблю,
 Други, пьянствовать бесчинно:
 Нет, за чашей я пою
 Иль беседую невинно.

Анакреон оставил заметный след в поэзии Пушкина. Что интересно, слава о пьянстве скифов дошла до Анакреона и вернулась к нам, как эхо, обратно. К концу 20-х годов Пушкин уже по-иному относится к "певцам слепого наслаждения". Скептически и с иронией он пишет:

Певцы слепого наслажденья,
 Напрасно дней своих блаженных
 Предаете впечатленья
 Вы нам в элегиях живых,
 Напрасно девушка украдкой,
 Внимая звукам лиры сладкой,
 К вам устремляет нежный взор,
 Начать не слабея разговор.
 Напрасно ветреная младость
 За полной чашею, в венках,
 Вспоминает на пирах
 Стихов изнеженную сладость.
 Иль на ухо стыдливых дев
 Их шепнет, робость одолев;
 Несчастные, решите сами,
 Какое ваше ремесло;
 Пустыми звуками, словами
 Вы сеете разврат и зло.
 Перед судилищем Паллады,
 Вам нет венца, вам нет награды,
 Но вам, драгие, знаю сам,
 Слеза с улыбкой пополам.
 Вы рождены для славы женской,

Для вас ничтожен суд молвы,
И жаль мне вас...
(“Евгений Онегин”)

Есть у Пушкина стихи, заметно отличающиеся по настроению, по содержанию. Это стихи о поэте и его судьбе. Здесь Пушкин как бы переключается на другую волну - более серьезную. Здесь мысли, раздумья поэта о месте человека в жизни, о призвании поэта. Это прежде всего его первое напечатанное стихотворение “К другу стихотворцу”. В этом стихотворении Пушкин рассуждает о трудном, тернистом пути поэта.

*Арист. И ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешить опасною стезей
И строгой критикой вступаешь смело в бой!*

Создается впечатление, что это писал не пятнадцатилетний юноша, а тридцатилетний умудренный житейским опытом, прошедший большую жизненную школу маститый поэт. Если б там стояла дата 1830, вот тогда все было бы ясно и понятно - поэту тридцать с лишним лет, он знает, о чем говорит. Но здесь еще только 1814 год, не написано еще почти ничего, он еще не знает, что это стихотворение будет первым напечатанным, что с этого программного, как сейчас бы сказали, стихотворения начнется его поэтическая биография, и такая прозорливость.

*Арист, не тот поэт, кто рифмы пlesть умеет
И, перьями скрипя, бумаги не жалеет,
Хорошие стихи не так легко писать.*

Да, к божьему дару нужен тяжелый, упорный труда, труда физический и труда души.

*Не позволяй душе лениться,
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день, и ночь, и день, и ночь.*

(Н. Заболоцкий)

И современники Пушкина знали, как много работал он, да и черновики его говорят о том, как доставались ему эти “легкие изящные строки”. Это потом он напишет для нас, для потомков, удивительные строки:

*И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут.*

(“Осень”, 1833 г.)

Но это 1833 год. Можно поверить, что “стихи свободно потекут”, хотя черновики его и тут это не подтверждают. Пушкин до конца жизни очень тщательно работал над словом. Но вернемся в 1814 год.

Но мнишь, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно спишь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки.
Лачужки под землей, высоки чердаки—
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.

У Пушкина никогда не было своего собственного дома, где бы он был сам себе хозяин. Все квартиры, где он жил с семьей, он снимал временно за арендную плату. И долги, долги, бесконечные долги. “Катится мимо их фортуны колесо”, - какое горькое признание.

Родился наг и наг ступает в гроб Руссо,
Камоэнс с нищими постелю разделяет,
Костров на чердаке безвестно умирает,
Чужими могиле предан он,
Их жизнь - ряд горестей, гремяща слава - сон!

Да, бедность, нищета, “ряд горестей”, - удел многих представителей русской поэзии. Но, многое предвидя, он и подумать не мог, что откроет скорбную страницу безжалостных убийств поэтов - поэтов взяли под прицел. Тут бы остановиться на секунду, дыхание перевести. Как ни прискорбно сознавать, но первым-то начал он. Это ведь в его романе “Евгений Онегин” главный герой романа спокойно убивает на дуэли поэта Ленского. Ведь не дрогнула же рука. И больше ни слова о нем, был - и нету. С такой же легкостью потом, через несколько лет, застрелили и его самого, и пошло. Не положил ли он сам этому начало? “Бывают странные сближения” и “гений, парадоксов друг”, - говорил он сам. Что ж, видимо, поэтическое воображение, и требовательность сюжета сильнее жизненных правил. Заканчивает свое послание Пушкин словами:

Подумай обо всем и выбери любое.
Быть славным хорошо, спокойным лучше вдвоем.

У самого Пушкина выбора не было.

В пещерах Геликона
Я некогда рожден,

Тибуллом окрещен
И светлой Иппокреной
С издетьства напоенныи
Под кровом внешних роз
Поэтом я возрос.

(“Батюшкову”, 1815 г.)

Тут сами боги вмешались, и другого пути нет. “У поэта нет биографии, у поэта есть судьба”, - скажет потом его собрат по перу А. А. Блок.

Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большою дорогой,
Большою дорогой столбовой.

(“Евгений Онегин”, 1829 г.)

“Голос строгий необходимости земной” Пушкиным был услышен, и он прекрасно осознавал свое значение. “Я числюсь по России” и шел “дорогой столбовой” вместе с ней, пока на одном из ухабов она его не потеряла.

Подведем некоторые итоги. Посчитаем, не поленимся - сколько же стихов написано Пушкиным под влиянием античности, ее образов и героев в лицейский период.

1813 год - “К Наталье”, “Монах” - 2.

1814 год - “К другу стихотворцу”, “Рассудок и любовь”, “К сестре”, “Красавице, которая пюхала табак”, “Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало”, “Князю А. М. Горгакову”, “Опытность”, “Блаженство”, “К Батюшкову”, “Пи-рующие студенты”, “Воспоминания в Царском Селе”, “Кольца”, “Бова”, “Старик”, “Леда” - 15.

1815 год - “Аицинию”, “Гроб Анакреона”, “Городок”, “Моему Аристарху”, “К Пущину”, “Послание к 10дину”, “К Галичу”, “Послание к Галичу”, “Батюшкову”, “К Дельвигу”, “Мое завещание друзьям”, “Воспоминание”, “К живописцу”, “Вода и вино”, “Мечтатель”, “Измены”, “К молодой актрисе”, “К ней”, “К баронессе М. А. Дельвиг”, “Тень Фонвизина” - 20.

1816 год - “Амур и Гименей”, “Шишкову”, “К Жуковскому”, “Сон”, “Принцу Оранскому”, “Из письма к В. А. Пушкину”, “Морфею”, “Элегия”, “Фиал Анакреона”, “Заздравный кубок”, “Фавн и пастушка”, “Дяде, назвавшему сочинителя братом”, “Любовь одна - веселье жизни хладной”, “Послание Аиде”, “Делия”, “К Делии”, “Погреб”, “Картины” - 18.

1817 год - “К Каверину”, “Безверие”, “Она”, “Послание к В. А. Пушкину”, “В. А. Пушкину”, “В альбом Ильичевскому”, “Князю А. М. Горгакову”, “Кюхельбекеру”, “Старик”, “Вишня”, “Разлука” - 11.

Итого 66 стихотворений написано под влиянием античной литературы только в лицейский период.

Как видим, влияние античности на молодого Пушкина было очень сильным. В лицейские годы, годы становления его как поэта, он использовал античность как необходимый материал для развития поэтического мастерства, для накопления духовных сил, которые помогли ему стать “с веком наравне” не только в свою эпоху, но и через двести лет оставаться недосягаемым образцом.

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.*

Это сказано Пушкиным о Жуковском, о своем учителе. Победитель-ученик пойдет дальше.

Но вот сданы все экзамены, учеба позади. Каждый ученик определен по месту службы, предстояло расставание. Что ждет впереди? Как сложится жизнь? И радость, и грусть на душе поэта. Пушкин пишет прощальные стихи “Разлука” и “Товарищам”.

*В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат,
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.

Прошли леста соединенья:
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!*

(“Разлука”, 1817 г.)

*Промчались годы заточенья:
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царкосельские поля.

Разлука ждет нас у порога,
Зовет нас дальши света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волнением гордых, юных дум.*

(“Товарищам”, 1817 г.)

И каждый год 19 октября, день открытия Лицея, был для них святой день, день памяти о друзьях, о тех, “кого уж нет, а кто далече”. В этот день они собирались вместе, радовались встрече, вспоминали годы своей юности.

Пушкин обязательно писал стихи, посвященные этой дате. Вскоре после окончания Лицея Пушкин пишет стихотворение “Торжество Вакха”. В этом произведении Пушкин рисует объемную картину античного праздника в

честь Вакха. Пушкин настолько ярко, образно рисует эту картину, что кажется, он сам присутствует там, среди этой толпы.

Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны:
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижного Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной, -
Подарок Вакха дорогой.

Пушкин не просто рисует праздник шумный, веселый, он дает портрет Вакха.

Вот он, Вакх! О час отрадный!
Аржавный тирс в его руках;
Венец тяжелый виноградный
В чернокудрявых волосах...

А далее яркие картинки праздника.

Поют неистовые девы:
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделением;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движения
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.

“Торжество Вакха” – это гимн молодости, любви, наслаждению. Торжество Вакха – торжество молодости и все, что сопутствует ей. К теме Вакха он вернется в 1825 году в Михайловском. Но это уже другое отношение к Вакху и другое раскрытие этой темы.

Античные мифы и их герои не оставляют Пушкина и после Лицея, они живут в его произведениях всю последующую жизнь. Даже в поэме “Руслан и Людмила”, где чисто русская былинная основа, нашлось место и античным героям. Здесь античность помогает ему выразить кратко то или иное поня-

тие, найти удачное сравнение.

*В молчанье дева перед ним
Стоит недвижна, бездыханна,
Как лицемерная Диана.*

Диана - у древних римлян богиня Луны и покровительница охоты. Полюбив прекрасного юношу настуха Эндимиона, она усыпила его, чтобы он не разгласил тайну ее любви, чтобы все думали, что она девственница. Изображалась юной охотницей, в коротком хитоне, с колчаном стрел за спиной.

Как богиню Луны ее изображали с полумесицем на голове и факелом в руках.

Хитрость Черномора по отношению к Людмиле сравнивается с Гефестом. Гефест у древних греков - бог огня и кузничного ремесла, сын Зевса и Геры. Гефест, в отличие от других олимпийских богов, не проводил свою жизнь в пирах и праздности, а любил физический труд.

*Так Асмоса хромой кузнец,
Приняв супружеский венец,
Из рук прелестной Цитерен,
Раскинув сеть ее красам,
Открыл насмешливым богам
Киприды нежные запасы.*

Лемнос - остров в Эгейском море, где, согласно древним мифам, проводил свои дни в труде бог кузничного дела Гефест. Описывая статую в садах Черномора, Пушкин говорил:

*Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.*

Фидий - знаменитый древнегреческий скульптор (V век до н. э.).

Паллада (Афина) - богиня мудрости, покровительница искусств.

На этом, пожалуй, и заканчивается использование античных мотивов в поэме "Руслан и Людмила".

А в 1820 году Пушкин пишет стихотворение "Нереида". Нереиды - в древнегреческой мифологии - морские нимфы.

*Среди зеленых волн, лобзящих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.*

Вулкан (Гефест)

Сокрытый меж олив, сдва я смел дохнуть,
 Над ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, белую, как лебедь, вздымала
 И песну из власов струсяю выжимала.

Перед нами раннее утро, первые лучи солнца, пенистые волны моря у берегов Крыма, и нимфа Нереида на фоне этого пейзажа. Молодая, прекрасная, освещенная первыми лучами солнца, купающаяся в морской волне женщина. Пушкин, используя античные мифы, рисует свои картины, как он их видит. Красочные картины, достойные кисти великого художника.

Вообще красота окружающего мира, красота молодой женщины, богини ли, нимфы или просто смертной женщины, красота, прежде всего внешняя, были в центре внимания в мифах древних греков. Боги, плененные красотою богинь и разных нимф, постоянно влюбляются в них, стремятся добиться взаимности, а если нет, то, превращаясь в различные другие образы, добиваются своего. Красота - обязательный элемент всей древнегреческой мифологии. И у Пушкина отношение к красоте, как у богов. Он обожает красоту. Его эстетический вкус к красоте, изяществу, ко всему, что радует глаз, очень высок.

Но его, в отличие от древних греков, привлекает не только внешняя красота, но и то, что скрывается за ней, - красота мыслей, помыслов и все, что составляет сущность человека.

В 1824 году он пишет стихотворение "Разговор книгопродавца с поэтом" и в нем:

...И я, средь бури жизки шумной,
 Искал вниманья красоты.
 Глаза прелестные читали
 Меня с улыбкою любви:
 Уста волшебные шептали
 Мне звуки сладкие мои...

Михайловское. 1825 год. Окружающая природа прекрасна, и она воспета в стихах и в романе "Евгений Онегин", но душа его жаждет любви, романтической игры чувств, скрытой страсти, тайных свиданий, переживаний и внезапного прорыва стихов. Воспоминания недавних лет, не забытых еще дней южной ссылки рождают стихи.

Все в жертву памяти твоей:
 И голос лиры вдохновенной,
 И слезы девы воспаленной,
 И трепет ревности моей,
 И славы блеск, и мрак изгнанья,
 И светлых мыслей красота,
 И миценья, бурная мечта

Ожесточенного страданья.

“И светлых мыслей красота”. Потрясающая строчка. Так не говорили даже мудрые древние греки. Так до Пушкина не говорил никто. Повторим еще раз. “Светлых мыслей красота”. Это как святая икона в словах, на нее хочется молиться и замереть от восторга. “Светлых мыслей красота” - в этих трех словах - вся эпоха Возрождения.

В 1832 году Пушкин пишет стихотворение “Красавица”.

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

“Перед святыней красоты”. Вспомним: “Гений чистой красоты”. Красота для Пушкина была необходимым качеством человека, и он радовался ей, восхищался и тем более, если она совмещалась с красотой духовной, с красотой мыслей и чувств.

В годы ссылки на юг Пушкин увлекается римским поэтом Овидием. Он знал произведения Овидия и раньше, читал их в подлиннике, помнил много стихов наизусть. Овидия он читал и в Лицее. Пушкин ценил в творчестве древнегреческого поэта его отличительные черты: с одной стороны - умение художественно изображать картины природы, с другой, трогать читателя своей тоской по родине. Сам, находясь в аналогичном положении, Пушкин легко мог понять настроение Овидия, его страдания в далекой от родины дикой стране. Образ Овидия как символ непрочности человеческого счастья и его поэзия грусти и печали привлекают Пушкина. Пушкин проводил параллель между своим творчеством и поэзией Овидия.

В моих руках Овидиева лира,
Счастливая певица красоты,
Певица ног, изгнанья и разлуки.

(“К Овидию”, 1821 г.)

Изображению печальной участи изгнанника, участи, с которой он сравнивал свою собственную, Пушкин посвятил большое стихотворение “К Овидию”. Образ Овидия, который “в отчизне варваров безвестен и один” тщетно умоляет своих друзей выпросить для него у Августа помилования или, по крайней мере, похоронить в “Италии прекрасной” нарисован с исключительной теплотой. Образ Овидия витает неотступно вокруг Пушкина, и он часто вспоминает его в своих стихах.

В стихотворении “Из письма к Гнедичу” он пишет:

*В стране, где Юлий венчанный
И хитрым Августом изгнанный,
Овидий мрачны дни влакил;
Где элегическая лиру
Глухому восему кумириу
Он малодушно посвятил...*

Овидия вспоминает Пушкин и в послании к “Чаадаеву”, которое начинается словами:

*В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидия, пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душа моей усталой.*

Тень Назона преследует Пушкина и в послании к “Баратынскому” в 1822 году:

*Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого,
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.*

В ссылке, вдали от столицы, от друзей, от общества людей творческих, в которых он так нуждался, он вспоминает их, обращается к ним в стихах.

*Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грехен:
Стихам я больше был бы рад:
Ты знаешь сам: в минувшии годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Поклонник правды и свободы,*

Бывало, что ни напишу,
 Все для иных не Русью пахнет,
 О чём цензуру ни прошу,
 От всего Тимковский ахнет
 Теперь едва, едва дышу!
 От воздержанья муга чахнет.
 И редко, редко с ней грешу.

Тимковский И. О. - петербургский цензор в 1804 - 1821 годы, прославился своей тупоумно-придиличной строгостью.

В отсутствии друзей он беседует со своей чернильницей. Кому еще доверить свои мысли, переживания? Стихотворение так и называется "К моей чернильнице".

Подруга думы праздной.
Чернильница моя,
Мой вск разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На мир воображенья

* * *

Сокровища мои
На днем твоем таятся.

* * *

Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвенье трачу я,
Со мною неразлучно
Наперсница моя.

Была еще одна подруга у поэта, которой он посвятил такие же теплые слова.

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя.*

Это няня Пушкина - Арина Радионовна. Родной матери в поэзии Пушкина не нашлось таких строк, какие он посвятил своей няне. Няня Пушкина да старая чернильница - одни из немногих, которые никогда не предавали поэта, были верны ему всегда, всегда приходили на помощь.

А в 1824 году Пушкин пишет замечательное стихотворение на сюжет из античной мифологии. Это стихотворение "Прозерпина". Прочитаем его полностью.

*Плещут волны Флегестона,
Своды Тартара дрожат:
Коны бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида Бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил
И богиням льстит измена;
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к Аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты,
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные берега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца.
Повинуется желаньям
Предает еgo лобзанья и
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит, и томно стонет...
Но бегут любви часы,*

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры dochь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Помасною тропой.
И счастливец отирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылестает
Сновидений ложный рой.

Миф рассказывает о том, что Прозерпина была похищена Плутоном – богом подземного царства. Разысканная своей матерью Керерой, должна была, по велению Зевса, проводить треть года со своим супругом в преисподней, а две трети – с матерью на земле. Как богиню подземного царства Прозерпину изображали рядом с Плутоном с факелом в одной руке и плодом граната в другой. Как богиня плодородия Прозерпина изображалась молодой девушкой с колосьями или же собирающей цветы на лугу. Образ Прозерпины – символ ежегодно умирающей и вновь расцветающей природы. Пушкин обыграл этот миф по-своему. Он рисует Прозерпину как земную женщину, страстно жаждущую любви. Она увозит понравившегося ей юношу в свое подземное царство, наслаждается с ним и потом погайными, только ей известными путями возвращает его на землю. Жажда любви преодолевает все преграды – смысл стихотворения.

Отбытие Прозерпины в преисподнюю.

Рисунок с краснофигурной вазы. III в. до н.э.

На колеснице Плутон (Аид) и Прозерпина;
перед ними Геката с факелами и Гермес;
над ними лягущий Эрот, сзади Деметра (Церера).

В Михайловском (1825 год) Пушкин создает свою знаменитую "Вакхическую песню".

Что столкнул веселья час?
 Раздайтесь, вакхальны припевы!
 Да здравствуют нежные девы
 И жены, любившие нас!
 Полнее стакан наливайте!
 На звонкос дно
 В густое вино
 Заветные кольца бросайте!
 Подымем стаканы, содвинем их разом!
 Да здравствуют музы, да здравствует разум!
 Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума
 Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Это удивительное стихотворение. Удивительное тем, что это скорее не стихотворение в полном смысле этого слова, а тост, мастерски сделанный, поэтически красивый тост. Прежде всего "за милых дам". Начинается этот тост именно с прославления их.

Да здравствуют нежные девы,
 И жены, любившие нас!

Здесь нет никаких картин, пира или еще каких зарисовок из античных мифов и нет никаких образов, сопутствующих этому. Здесь ощущается итог внутренней борьбы. Неопределенность, незаслуженная обида со стороны властей, невостребованность и сила духа, талант, понимание значимости своей как поэта в истории России, столкнулись в жестокой борьбе.

Ссылка продолжалась с ужесточением, оторванностью от друзей, от общества, от интеллигентского общения, которое ему было так необходимо. Все это накладывало свой отпечаток на настроение поэта. Пушкин был на грани отчаяния. И вот из глубин его здоровой души, его мощного интеллекта рождаются строки:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Вот оно, спасение. Ну что вы приунюли, Александр Сергеевич? Прочь и грусть, и печаль, и тяжелые муки сомнения. Жизнь продолжается, и она прекрасна. Это послание к самому себе, осознание своей правоты. Музы и разум - вот что определяет смысл его жизни, вот в чем главная его значимость и ценность.

Ты, солнце святое, гори!

“Солнце святое” - это его поэзия, его талант, его труда, труд повседневный, но радостный. Все остальное “меркнет и тлеет” “перед солнцем бессмертным ума”.

Он понял: все преходящее в жизни - искусство вечно. И правильно понимали его современники (не все, к сожалению). Не случайно мысль Пушкина подхватил В. Ф. Одоевский. После гибели Пушкина он писал:

“Солнце нашей поэзии закатилось”.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Эти слова стали крылатой фразой для последующих поколений. И мы слышим в них светлый оптимизм, уверенность в победе разума над силами зла и невежества.

А в Петербурге тем временем разворачиваются трагические события. Арестованы и находятся под следствием многие его друзья, в том числе его сокурсники по Лицею - Пушкин и Кюхельбекер. В июле 1826 года пятеро казнены, сотни отправлены в Сибирь на каторгу. Узнав об этом, Пушкин с горестью пишет Вяземскому 14 августа.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век.
Седой Нептун — земли союзник,
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Это его ответ на события 14 декабря. “В мой жестокий век восславил я свободу”, “в наш гнусный век”, кажется, славить уже некого и нечего. Страдание и боль души поэта за судьбы людские слышатся в этом коротком стихотворении.

В последующие годы в творчестве Пушкина наблюдается спад обращения к античности. В “Евгении Онегине” еще встречаются имена героев античных преданий и легенд и они еще присутствуют на страницах романа, но не как самостоятельный материал для более точного выражения своих мыслей, для красочного сравнения.

Самостоятельных разработок каких-либо античных мифов там нет. Нет античных мотивов и в “Борисе Годунове”. Это само собой. Сама композиция произведения, его содержание не допускали использования античных имен. Только в 1827 году Пушкин вспомнил об античности в связи с годовщиной казни декабристов. Он пишет стихотворение “Арион”. В этом стихотворении он воскресил античный миф о чудесном спасении поэта Ариона.

Согласно древнегреческому мифу, Ариона хотели убить члены команды корабля, на котором он плыл, чтобы завладеть его богатством. Арион выпросил разрешения спеть последнюю в своей жизни песню, затем бросился в море, но был подхвачен очарованными его пением дельфинами и доставлен на берег. Пушкин меняет сюжет и создает свой. В стихотворении у Пушкина от налетевшей бури гибнет вся команда, и лишь поэту удается чудом спастись. Здесь Пушкин использует античный миф, чтобы выразить свою мысль: "Я гимны прежние пою".

В 1829 году Гнедич выпустил свой новый полный перевод "Илиады" Гомера. Пушкин приветствовал этот нелегкий труд и отдал дань уважения автору. Еще раньше до выхода этого перевода в свет Пушкин писал Гнедичу их Кишинева.

О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил.

После выхода перевода в свет в 1830 году Пушкин написал известные строки:

Слышу умолкнувший звук божественной речи
Старца великого тень чую смущенной душою.

Но Пушкин понимал, что ни один даже самый лучший перевод не сможет заменить подлинник. В том же году он пишет эниграмму.

Крик был Гнедич-поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образом схож и его перевод.

К этому же году относятся строки, посвященные А. Дельвигу.

Кто на снегах возрастил феокритовы нежные розы
В веке железном, скажи, кто золотой угада.

Дельвига он очень любил не только как друга, сокурсника по Лицею, но и как поэта. Восхищаясь им, он говорил, что стихи его удивительны, потому что надо иметь силу воображения, чтобы перенестись из века XIX в век древних греков и передать всю прелесть греческой поэзии.

В 1830 году Пушкин пишет небольшое стихотворение под названием "Элегия".

Бездумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но как вино, - печаль минувших дней
В моей душе, чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл.
Сулит мне труд и горе.

Грядущего волнующее море.
 Но не хочу, о други, умирать,
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслаждаться,
 Мне горестей, забот и треволненья,
 Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь,
 И, может быть, на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Это стихотворение написано через пять лет после “Вакхической песни”. Не много лет прошло, но как много пережил Пушкин за эти пять лет. Ему уже 31 год, а он все так же одинок. Многое уже в прошлом.

Бездумных лет угасшее веселье

Мне тяжело...

* * *

*Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
 Грядущее волнующее море...*

Упадок душевных сил, усталость чувствуется в начале стихотворения. Но сдаваться нельзя, еще не вечер, еще чуть-чуть выдержать, и все пройдет, еще настанут счастливые времена.

*Но не хочу, о други, умирать.
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
 И есть еще надежда.
 И, может быть, на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

“Я жить хочу” - главный лейтмотив стихотворения. Этот заряд прочности дала ему жизнеутверждающая античная литература.

В 1833 году Пушкин пишет 2 стихотворения под общим названием “Подражания древним”. Первое, “Чистый лоснится пол, стеклянные чаши блестят” - перевод из Ксенофана Колофонаского. Второе, “Славная флейта, Феон здесь лежит” - перевод из Афенея. Оба стихотворения являются переводами из сборника “Пир мудрецов”, составленного греческим ученым Афенеем. Пушкин сократил подлинник Колофонаского вдвое, но улучшил качество стиха. Изображение пира сделано Пушкиным с исключительной живостью, красочно и пластично. Во втором стихотворении Пушкин воспроизводит эпиграмму поэта Гедила, представляющую собой эпитафию в честь некоего Феола, славного флейтиста. Сохраняя элегический размер подлинника и внося некоторые сокращения, Пушкин сумел не только правильно передать, но и улучшить античное произведение, сделав его более лаконичным и выразительным.

В 1834 году Пушкин пишет стихотворение, на первый взгляд, не пушкинское по настроению.

Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит.

Не напоминает ли оно нам другое, другого поэта

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Темы прощания, предчувствие близкого конца звучат в обоих стихотворениях.

*Летят за днями дни, и каждый час уносить
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить.*

Обратите внимание: “Предполагаем жить”. Совсем недавно, в 1830 году, он говорил, кричал: “Я жить хочу”. А здесь уже только “предполагаем жить”. Что случилось? Это 1834 год. Второй “Вакхической песни” не было и не могло быть. В 1835 году Пушкин написал стихотворение “Кто из богов мне возвратил”. Это стихотворный перевод одного из стихотворений Горация. Белинский по этому поводу дал очередную восхищенную оценку, в том смысле, что перевод из Горация передает индивидуальную особенность поэзии этого античного автора.

В 1836 году Пушкин пишет три замечательных стихотворения. Стихи эти необычны и своеобразны тем, что они посвящены античным произведениям скульптуры.

*Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч — тешится быстрой игрой!
Аржено обнявшись с тобой, после игры отдыхает.*

(“На статую играющего в свайку”)

*Юноша, трижды шагнув, наклонился, рукой о колено
Бедро оперев, другой поднял меткую кость,
Вот уж приселлся... прочь!
Раздайся, народ необычный,
Врозь рассступись, не мешай русской удалой игре!*

Это не переводы из античных авторов. Это самостоятельные зарисовки Пушкина. Как точно и образно он передал нам эти произведения искусства скульптора.

Следующее стихотворение “Художнику”. В нем Пушкин описывает мастерскую художника и, вспоминая своего друга Дельвига, печалится.

*Грустен и весел входу, ваятель, в твою мастерскую,
Гипсу ты мысли дасишь, мрамор послушен тебе.
Сколько богов и богинь, и героев!
Вот Зевс-громовержец,
Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, Сатир.*

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершиитель
Кутузов,
Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль...
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров
Грустно гуляю: со мной доброго Дельвига нет.

В 1836 году Пушкин за несколько месяцев до своей трагической гибели посыпает своему другу, герою Отечественной войны и талантливому поэту Денису Давыдову только что вышедшую “Историю Пугачевского бунта” и сопровождает свою посылку стихами.

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пущенном в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир.
Но и на этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.

Пушкин отдает дань уважения и любви поэту Д. Давыдову. Но вот строчки.

Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир.

Что это? Разочарование? Нет. Это признание, что увлечение античностью прошло. Пегас давно оседлан, усмирен. Поэтический труд стал профессией, источником к существованию, античность как бы уходит на второй план, она не исчезает совсем, но уступает свое место другим сюжетам и образам, возникающим под быстрым пером поэта. Вот пример:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропчу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участии оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать:
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иные, лучшиe, мне дороги права,
Иная, лучшая, потребна мнс свобода.

Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно. Бог с ними. Никому
 Отчета не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданьями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиления.
 Вот счастье! Вот права.

(“Из Пиндемонти”, 1836 г.)

И. Пиндемонти - итальянский поэт (1753-1828). Ссылка на этого поэта преследует маскировочную цель. На самом деле стихотворение полностью принадлежит Пушкину.

В этом же году Пушкин пишет “Памятник”. Это стихотворение представляет собой образец вольного подражания знаменитой оде Горация. Это не перевод, а самостоятельное произведение. Это как бы своеобразный итог своей творческой деятельности. Пушкин в основном сохраняет композицию оды Горация, но по-своему оценивает свои заслуги.

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирою пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я свободу
 И милость к падшим призываля.

В прозе у Пушкина античности нет. Он считал ее не подходящей для прозы. Он даже возражал против этого. В 1822 году он писал: “Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: “сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном. Боже мой! Да поставь: “Эта молодая хорошая актриса” и продолжай и будь уверен, что никто не заметит высоконарных твоих выражений, никто спасибо не скажет”. Не найдем мы античных мотивов ни в поэмах “Полтава”, “Медный всадник”, “Моцарт и Сальери”, “Каменный гость”. Насыщенные произведений общественным содержанием, обращение к историческому прошлому России исключают использование древнегреческой мифологии.

А теперь поговорим о “Египетских ночах”. Повесть эта создавалась в 1835 году в Михайловском, осталась неоконченной и в таком виде была напечатана в “Современнике” уже после смерти Пушкина.

Начинается повесть со знакомства читателей с поэтом Чарским. “Ему не было еще тридцати лет, он не был женат, служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший вице-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение”. Узнаете? Да, это начало “Евгения Онегина”. “Мой дядя

самых честных правил..." Онегин тоже получил в наследство имение, выехал туда, где встретил поэта Ленского. Так и хочется назвать его Владимиром, во всяком случае, фамилия создана Пушкиным по аналогии с Ленским. В образе Чарского мы находим и черты самого автора. "Он вел жизнь самую рассеянную, торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах и званных вечерах. Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима, когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение). Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал он истинное счастье?" Это, конечно, написано о самом себе. И вот в город приезжает "заморский" гастролер, артист-импровизатор. Он прочит Чарского помочь ему организовать выступление. Ему нужна аудитория, зрители.

Здесь прервемся ненадолго. Пушкин сам был большой мастер импровизации. Он доказал это еще в юные годы в Лицее. Однажды Кошанский, закончив урок раньше обычного, дал всем задание - написать стихотворение "Роза".

Пушкин блестящe спрaвился с заданием - через несколько минут стихотворение было готово. И впоследствии на балах, званных вечерах часто приходилось в альбомах петербургских, московских или иных мест красавиц оставлять свои автографы. Это почти всегда были экспромты. Стихи, эпиграммы, поздравления, пожелания сочинялись за несколько минут до записи.

Тема импровизации появилась у Пушкина не случайно. Пушкин этот "метод" творчества, скажем так, не особенно ценил. Он предпочитал работу над своими произведениями "с утра до поздней ночи", работу более усердную, кропотливую над каждой строкой своих стихов. Но продолжим.

"Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (черти их побери!) этого не знают, то тем хуже для них". Именно так думал сам Пушкин, когда судьба его столкнула с Боронзовым. Он так же думает и в последние годы. Его произведения о поэте, о роли его в обществе включают в себя скрытую, а порой и не очень полемику с оппонентами, с теми, кто посягал на его независимость.

Чарский задает гастролеру-артисту тему: "поэт сам выбирает предметы для своих песен, толпа не имеет права управлять его вдохновением". В ответ на это заезжий импровизатор выдает:

...Зачем кружится ветер в обраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,

На чахлыи пень? Спроси его,
 Зачем арапа своего
 Младая любит Дездемона,
 Как месяц любит ночи мглу?
 Затем, что ветру и орлу,
 И сердцу девы нет закона.
 Таков поэт: как Аквилон,
 Что хочет, то и носит он —
 Орлу подобно, он летает
 И, не спросясь ни у кого,
 Как Дездемона избираст
 Кумира сердца своего.

Все это очень пушкинское: и тема, и мысли, всегда Пушкину близкие, которым он не изменял в своей короткой жизни.

Поверив в способности импровизатора, Чарский организует ему аудиторию. Выступление артиста-импровизатора состоялось. Среди нескольких заказных тем по жребию выпала тема о Клеопатре и ее любовниках. Импровизация началась.

Чертог сиял. Гремели хоры
 Певицы при звуке флейт и лир,
 Царица голосом и взором
 Свой пышный ожидала тир;
 Сердца неслись к ее престолу,
 Но вдруг над чашей золотой
 Она задумалась и долу
 Поникла дивною главой...
 Клеопатра предлагает свой необычный торг.
 В моей любви для вас блаженство?
 Блаженство можно вам купить...

Цена вот только высока.

Свою любовь я продаю;
 Скажите: кто меж вами купит
 Ценою жизни ночью мою?

Желающие нашлись.

И первый — Флавий, воин смелый,
 В дружинах римских поседелый;
 Снести не мог он от жены
 Высокомерного презренья,
 Он принял вызов наслажденья,
 Как принимал во дни войны

Он вызов ярого сраженья.
 За ним Критон, младой мудрец,
 Рожденный в рощах Эпикура,
 Критон, поклонник и певец
 Харит, Киприды и Амура.

Последний имени века
 Не передал...
 Страстей неопытная сила
 Кипела в сердце молодм.

Клянусь...
 Только утренней порфирой
 Аврора вечная блеснет,
 Клянусь — под смертною секирой
 Глава счастливцъв отпадет.

На этом заканчивается, вернее, обрывается повесть. Импровизатор, похоже, только высоту набрал, только бы лететь его творческой фантазии, но стоп. Пушкин бесцеремонно оборвал его полет. Если бы в реальной жизни было так, то это был бы провал. Публика прогнала бы неудачливого гастролера. По сюжету это не конец. Пушкин отложил продолжение на потом. Кое-что, видимо, еще надо было обдумать, осмыслить. О чем идет речь? Речь идет о другой эпохе, и хотя она в прошлом, но по-прежнему волнует.

Восток дней Клеопатры. Он волновал Пушкина своей контрастностью, своей близостью в некоторых отношениях его эпохи. Из-за созвучия некоторых сторон Рима эпохи упадка, Востока дней Клеопатры эпохе Пушкина они стали объектами его внимания. Обратимся сначала к авторитетам. Белинский в своей характеристики “Египетских ночей” отметил, что Пушкин изображает не античный мир вообще, а античный мир эпохи упадка, заката. Этот мир Пушкин дает с изумительно мудрой объективностью. Белинский писал: “В “Египетских ночах” волшебным жезлом своей поэзии он переносит нас в среду Древнего Рима, одряхлевшего, утратившего все верования, все надежды и все еще жаждущего наслаждений, за которые охотно платят жизнью, как будто жизнь дешевле денег”.

Пушкин переносит нас в Древний Рим и как бы сравнивает ту эпоху со своей и находит много общего. Аживость, опустошенность светского общества, положение русского поэта в этом обществе, поэта-аристократа и плебея-импровизатора, высоты и бездны поэта, который может о себе сказать словами Державина: “Я царь, я раб, я червь, я бог”, - все это находит точки соприкосновения с эпохой древнего Рима, но при всех общих чертах суще-

ствует контраст, который заключается, прежде всего в том, что мир Чарского - это мир скучающих, иресыщенных жизнью людей, никогда не знавших больших страстей и никогда не совершивших никаких подвигов.

Мир Клеопатры - это мир, знавший героические дни. Но это мир на закате. Это люди, которые совершали великие дела, но больше совершать что-либо подобное им уже не дано. Но они способны столь же ярко сгореть, как ярко и пламению жили.

Вызов Клеопатры принимает Флавий, Критон и юноша, который "имени века не передал".

*Флавий, воин смелый,
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья...*

Ему ли испугаться вызова женщины? Отвага и пламенный порыв направлены не на защиту Рима, а на защиту себя от "жены высокомерного презрения". За Флавием встает Критон - философ школы Эпикура.

*...Младой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.*

"Рожденный в рощах Эпикура", Критон отходит от Эпикура. Он ищет блаженства в любви Клеопатры, между тем как, по Эпикуру, "мудрец в состоянии допускать различные влечения только по мере их ценности". "Эпикур ценит духовные наслаждения выше чувственных, потому как они более способны вести к идеалу душевного спокойствия. Для образованного грека всякая неожиданность, резкость в образе жизни должна была казаться нарушением эстетического наслаждения бытием, ставшего для него естественной потребностью" ("История древней философии"). Само предложение Клеопатры является для образованного грека, "рожденного в рощах Эпикура", такой неожиданностью, которая отрицает "идеал душевного спокойствия". Но несмотря ни на что Критон отвечает на вызов Клеопатры.

*Третий юноша, который "имени векам не передал":
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом.*

Не знает он боев иных и с отчаянностью молодости отдается безумному порыву.

*И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.
И его голова, видимо, первая покачится с плач.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет*

Клянусь - под смертною секирой
Глаза счастливцев отпадет.

Неизвестно, дал ли бы Пушкин Клеопатре выполнить свою клятву. Вспомним еще раз Белинского. "Мужчины XIX столетия - люди без всякой веры, опустошенные, расчетливые, циники, лишенные больших страстей и сильных переживаний. Они не знают ни великих радостей, ни глубоких трагедий, они не способны ни на героические действия, ни на отважные порывы. Не то что для общества, для родины, но и ради любимой женщины они не пойдут ни на какие "большие жертвы, ибо не способны на большую любовь". Вот здесь ключ ко всей теме "Египетских ночей". В безвременье тридцатых годов, когда не было места для напряженной целеустремленной борьбы, поэт, восставший против всеобщей опустошенности, холодности, расчетливости, прославил порыв, безумную страсть. "Египетские ночи" - реакция против серых будней.

Несколько раньше Пушкин писал:

...грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяем ей всесильно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что нации свежие мечтанья
Исплели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилои.

(“Евгений Онегин”)

Именно в таких условиях, когда нет осмысленных идеалов, манит не то, что "гибелью грозит". Манит идеал, а не опасность. При отсутствии идеала и при невозможности бороться за него целью становится не борьба, а те сильные ощущения, которые связаны с опасностью борьбы. Идеалу можно служить всю жизнь и во имя его всю жизнь сменять одну опасность другой. Порыву можно отдаваться только лишь на один момент.

В решимости Флавия, Критона и юноши - бунт и против скуки жизни, отказ от покорности общему уделу, неприятие смирения, презрение к общепринятым нормам, безумный вызов косным устоям, готовность отдать долгую, но бесцветную жизнь за свободно избранный миг.

В отличие от слишком равнодушных, холодных людей XIX века, герои времени Клеопатры не желают примиряться с такой бессодержательной жизнью и ищут исхода для своих страстей во всем, "что гибелью грозит".

Не случайно "Египетские ночи" с таким восторгом были приняты декабристами. Они прочитали все, что писал Пушкин между строк. Они давно его так читали и понимали его, потому что они были братья по духу.

Повествование наше подходит к своему завершению. Пушкин и антич-

ность – тема обширная и ждет своего исследователя.

Пушкин придавал большое значение античной литературе, но его отношение к ней имело сложный путь, в зависимости от творческого роста как поэта и гражданина.

Пушкин ценил античную поэзию, ее пластику, образность, глубину мыслей. В своей статье “О поэзии классической и романтической” он пишет: “Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян, каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности”. Античность помогала ему, была его спутницей на протяжении всей жизни. Она по-разному отражалась в его произведениях: от подражания древним до создания своих шедевров, не уступающих им.

Пушкин не только сам любил античность, но и нас научил любить ее, научил серьезно изучать классическое наследие Древней Греции и Рима, и очень хотелось бы, чтобы в наших учебных заведениях наши учителя, преподаватели литературы сумели бы привить своим ученикам любовь к античному искусству в такой же мере, как это умели делать учителя и наставники Пушкина.

Словарь

античных терминов, имен и образов, встречающихся в произведениях А. С. Пушкина

Давным-давно, тысячи лет назад, на заре человечества, когда еще человек только открывал и познавал окружающий мир, когда его еще удивляло, что солнце всходит и заходит, проделав свой путь по небосводу, когда его еще пугал грохот летнего грома, он начинал объяснять все происходящее вокруг по-своему. Мешая правду и вымысел, люди придумывали и рассказывали друг другу невероятные и удивительные истории о том, как возник мир и что его наполняет. Не зная, как объяснить многие природные явления: бури, ураганы, наводнения, извержения вулканов и многое другое, - они воображали, что за всем этим стоят страшные, огромные, могучие, похожие на человека существа. Так возникли боги. Так сложилось множество преданий о богах и других существах; преданий, в которых объяснялось устройство мира, с их точки зрения.

Эти предания мы называем сегодня мифами. Мифы эти созданы не одним человеком - они создавались на протяжении долгих веков и создавал их, совершенствуя век от века, греческий народ. Прошли века. Постепенно мифы эти стали сокровищницей великолепных образов, стали прекрасными произведениями искусства, образцами художественного мастерства.

Пушкин высоко ценил мифы и легенды древних греков, хорошо знал их, свободно ориентировался среди их многочисленных героев.

Боги и богини, многочисленные обитатели Олимпа, владыки неба и земли, океана и подземного царства, могучие и всесильные, красивые и уродливые, добрые и злые, любящие и ненавидящие - в общем, отражающие все грани человеческого бытия, представлены в мифах древних греков, и все это свободно и легко перешло в произведения Пушкина. Представляемый словарь - лишь попытка показать это.

АВГУСТ - Гай Юлий Цезарь Октавиан - первый римский император (27 г. до н.э. - 14 г. до н.э.). Пришел к верховной власти после длительной гражданской войны. Сенат дал ему имя "Август" (священный, величественный). Впоследствии это имя стало титулом императоров. Август расширил границы Римской империи, покровительствовал литературе и искусству, и время его правления называли "Золотым веком" римской литературы.

АВЗОН- первый царь Италии, сын Одиссея и Калико. Авзон дал свое имя племени авзонов, первых обитателей Италии и ее часть называли Авзонией. "Сыны Авзонии счастливой..." ("Путешествие Евгения Онегина").

АВГУРЫ - жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц и их поведению. Образованные римляне уже в I в. до н.э. высмеивали гадание авгуром. По словам Цицерона, авгуры сами не верили своим предсказаниям.

Выражение “Улыбка авгур” применяется к обманщикам, вводящим людей в заблуждение.

“Взглянув друг на друга, как Цицероновы авгуры, мы рассмеялись тишиком...” (“Путешествие Онегина”).

АВРОРА - у древних римлян богиня утренней зари. Изображалась в виде прекрасной женщины с длинными золотистыми волосами, обычно на колеснице или верхом, часто с факелом в руке. Поэтически - утренняя заря, рассвет.

“Открой сокнуты негой взоры, на встречу северной Авроры, звездою сева явись...” (“Зимнее утро”).

АВТОМЕДОН - персонаж поэмы Гомера “Илиада”, возница Ахилла. “Автомедоны наши бойки, неутомимы наши тройки...”

Пушкин щутливо называет этим именем наших лихих русских ямщиков. Отсюда и наши все “авто”.

АГАМЕМНОН - герой поэмы Гомера “Илиада” - предводитель греческих царей в войне против Трои, сын микенского царя Атрея, брат Менелая. Когда Атрей был убит своим племянником Эгистом и царем в Микенах стал отец убийцы Фиест, Агамемнон и Менелай бежали в Спарту, где нашли убежище у спартанского царя Тиндарея. У него были две дочери: Клитемнестра и Елена. Первая стала женой Агамемнона, вторая - Менелая. Изображался Агамемнон обычно могучим властителем в величественной позе со скипетром в руках (“Вы помните, как наш Агамемнон из плененного Парижа к нам примчался. Какой восторг тогда пред ним раздался!”).

Именем греческого мифологического героя Пушкин называет Александра I, который в 1814 году после взятия Парижа, окруженный почестями и славой, вернулся в Царское Село.

АГАФОН - греческое имя, означает - добрый. Татьяна, гадая на судженого, спрашивает случайного прохожего: “Как ваше имя?”

Смотрит он и отвечает: “Агафон”. (“Евгений Онегин”). Агафоном звали кучера в Лицее. Лицейский друг Пушкина Дельвиг написал стихотворение “На смерть кучера Агафона”.

АДОНИС - бог природы, олицетворение умирающей и воскресающей растительности. Греческие мифы представляли Адониса юношей поразительной красоты. Он возводил в Венере страстную любовь к себе, и она, не желая расстаться с ним, сопутствовала ему повсюду. В переносном смысле Адонис - мужчина редкой красоты.

“Прелестный баловень Киприды, умей сносить, мой Адонис, ее минутные

обиды...” (“Юрьеву”).

АДМЕТ - в древнегреческой мифологии фессалийский царь, у которого Феб (Аполлон), изгнанный с Олимпа Юпитером и превращенный в простого смертного, служил пастухом и пас стадо.

“Феб однажды у Адмета близ тенистого Тайгета стадо пас, угрюм и сир”. (“Рифма, звучная подруга”).

АИД (греч.) - владыка подземного мира и царства, сын Кроны и Реи, брат Зевса, Посейдона и Деметры. После раздела мира получил подземное царство. В Аиде протекает река забвения Лета, глоток воды которой заставляет забыть землю и жизнь на ней.

“И память юного поэта поглотит медленная Лета, забудет мир меня...” (“Евгений Онегин”).

АЙДЕССКИЙ БОГ - по древнегреческой мифологии, Плутон - бог царства мертвых.

“Клянусь тебе айдесским богом” (“Послание Дельвигу”).

АЛКИД - имя героя древнегреческой мифологии Геркулеса по его деду Алкею.

“Покров, упитанный язвительною кровью, Кентавра мстящий дар, ревнивого любовью Алкиду передан. Алкид его принял”. (“Из А. Шенье”).

АЛКОРАН - то же, что и Коран - священная книга мусульман, содержащая учения Магомета.

“...Хоть я для Алкорана между невольницами хана забыла веру прежних дней, но вера матери моей была твоя” (“Бахчисарайский фонтан”).

АМВРОЗИЯ (греч.) - пища олимпийских богов, поддерживающая бессмертие и вечную юность. “Вкусить нектар и амврозию” - испытывать блаженство. В поэзии амврозия - приятный запах, аромат.

“Лишь розы увядают, амврозией дыша, в Элизий улетает их легкая душа” (“Лишь розы увядают”).

АМУР - у древних римлян бог любви; то же, что у древних греков Эрот. Изображался в виде мальчика с крыльями за спиной, со стрелами и луком.

“Слепой Амур, жестокий и пристрастный, вам терния и миры раздавал” (“Любовь одна...”).

АМФИТРИОН - имя царя в древнегреческой мифологии, известного своим хлебосольством. Царь Тиринфа, супруг Алкмены, матери Геракла. Символ гостеприимства.

“Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара” (“Дубровский”).

АМФОРА - у древних греков и римлян - глиняный сосуд с узким горлом и двумя ручками для вина, масла и других жидкостей.

АНАКРЕОН - великий древнегреческий поэт-лирик. В своих стихотворе-

ниях воспевал любовь, радости жизни. С его именем связано представление о легкой поэзии, прославляющей пиры и любовные увлечения, очень распространенной в России в конце XVIII начале XIX веков. Мотивы поэзии Анакреона нашли отражение в стихотворениях Пушкина.

АНАФЕМА (греч.) - церковное проклятие, отлучение от церкви. “Гремит анафема в соборах” (“Евгений Онегин”).

АНГЕЛ (греч.) - в христианской религии вестник Бога и исполнитель Божьей воли.

“Узнал ли ты приют укромный, где мирный ангел обитал?” (“Полтава”).

АНТОЛОГИЯ - у древних греков и римлян - лирические сборники произведений разных авторов. Свою эпиграмму 1827 года “Лук звенит, стрела трепещет...” Пушкин выдавал за перевод из греческой антологии.

АОНИДЫ - согласно древнегреческой мифологии - музы, жившие в области Аонии, на горе Геликон, покровительствовали поэзии и искусству.

“Аониды” - так назвал свой альманах Карамзин. Это был первый литературный альманах в России. Дядя Пушкина - Василий Львович - печатался в нем.

“Резвая дева росла в хоре богинь - аонид” (“Рифма”).

АНДРОМАХА - добродетельная супруга Гектора в “Илиаде” Гомера, не забывшая своего супруга и после его смерти. Судьба ее послужила сюжетом ряда трагедий.

АПОЛЛОН - в древнегреческой мифологии бог солнца и света, покровитель искусств. Сын Зевса и богини Лето, отец Орфея. Ревнивая Гера преследовала Лето, не давая ей места для разрешения от бремени. Тогда по велению Зевса в море вырос остров Делос, где Лето родила близнецов - Аполлона и Артемиду. Символ поэзии. Изображался стройным прекрасным юношей с лирой, луком и стрелами.

“Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен” (“Поэт”).

АПУЛЕЙ ЛЮЦИЙ - римский писатель II в.н.э., автор популярного романа “Золотой осел”, в котором перед читателями открывается широкая картина быта и нравов современного Апулею римского общества.

“В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал, читал охотно Апулея, а Цицерона не читал” (“Евгений Онегин”).

АРГУС (греч.) - многоглазый великан, во время сна глаза его спали не все, некоторые из них не спали и все видели. Гера, супруга Зевса, богиня земли, поручила Аргусу стеречь Ио, превращенную в корову. Гермес усыпил Аргуса и убил его, освободив Ио. Опечаленная Гера поместила глаза Аргуса на хвост павлина. В переносном смысле Аргус - бдительный страж, охранник.

“Но скоро Аргусы заснут, замкам предательским поверя...” (“Письмо к Лизе”).

АРЕЙ (греч.) - бог войны, сын Зевса и Геры. Изображался в виде молодого мужчины в боевом шлеме, отождествлялся с богом войны Марсом.

“Люблю воинственную живость потешных марсовых полей...” (“Медный всадник”).

АРИОН - древнегреческий поэт и музыкант. Об Арионе существует много легенд. Одну из них частично использовал Пушкин в своем стихотворении “Арион”. Арион, осыпанный дарами коринфского царя, возвращался на корабле к себе на родину. Матросы, желая воспользоваться его богатствами, решили убить его. Арион выпросил у них спеть последнюю песню, после чего бросился в море. Очарованные его пением, дельфины спасли его.

АРИСТАРХ - древнегреческий критик II в. до н.э. Его имя стало нарицательным для обозначения строгого критика.

“За ними, хмурясь важно, их грозный Аристарх является отважно в шестнадцати томах” (“Городок”).

Именем древнего придиличного критика Пушкин называет здесь Лагарпа, французского писателя и критика, автора шестнадцатитомного “Лицея” - учебного курса древней и новой литературы.

АРИСТИП - древнегреческий философ IV в. до н.э., учивший, что человеческое счастье - в наслаждении жизнью. Этим именем, ставшим нарицательным, называли человека, который любил предаваться всем возможным удовольствиям.

“Нельзя, мой толстый Аристип, хоть я люблю твои беседы, твой милый нрав, твой милый храп, твой вкус и жирные обеды, но не могу с тобою плыть к берегам полуденной Тавриды” (“А. Л. Давыдову”).

Пушкин обращается к А. Л. Давыдову, старшему брату декабриста В. А. Давыдова, отвечая ему на его предложение поехать в Крым.

АРИСТОГИТОН - афинский юноша IV! в. до н.э., составивший вместе со своим братом Гармодием заговор против тирана Гиппарха. Братья явились на народный праздник, скрыв кинжалы под миртовыми ветками, и закололи тирана Гиппарха. Гармодий был изрублен телохранителями Гиппарха, а Аристогитон казнен. Память о них, как о поборниках свободы, свято чтилась афинянами. Этими именами и позднее называли борцов за освобождение Греции.

“Как Аристогитон, он миртом меч обвил, он в сечу ринулся - и, падши, совершил великое, святое дело” (“Гречанка верная, не плачь, - он пал геройм”).

С Аристогитоном Пушкин сравнивает греческого патриота, который погиб за освобождение Греции от турецкого ига.

АРТЕМИЗА - имя царицы Карии в Малой Азии (IV в. до н.э.), прославившейся верностью своему умершему мужу Мавзолу. Воздвигнутый ею на

его могиле памятник (отсюда "мавзолей") считался одним из семи чудес света. Имя Артемизы стало символом женской верности, постоянства чувств к мужу.

"Соседи дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего его, наконец, восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы" ("Метель").

АРТЕМИДА - сестра Аполлона, Диана или Артемида. Их соединяла самая тесная дружба, и греки в своих мифах передавали те же качества и достоинства. Артемида - богиня охоты, ее отличительные признаки — колчан, золотой лук и факел. В более позднее время — богиня луны.

"Озарена лучом Дианы, Татьяна, бедная, не спит..." ("Евгений Онегин").

АТРИД (ОРЕСТ) - юный герой древнегреческой легенды, один из потомков героя Атрея. Он убил свою мать — царицу, за то, что она умертвила его отца — царя Агамемнона. Вместе со своим другом Пиладом Атрид бежал в Тавриду, где в храме Дианы (Артемиды) жрицей была сестра Атрида — Ифигения. Оба друга были схвачены и обречены в жертву Диане. Ифигения, вначале не узнавшая брата, могла спасти лишь одного из юношей. Атрид и Пилад вступили в великолодушный спор: каждый из них желал пожертвовать жизнью ради другого. В конце концов Ифигения узнала брата, спасла обоих друзей и вместе с ними покинула Тавриду.

"Воображенью край священный с Атридом спорил там Пилад" ("Евгений Онегин").

АФЕНЕЙ - древнегреческий писатель III-II в. до н.э., составивший сборник лирики. Стихотворение Пушкина "Славная флейта, Феон, здесь лежит" является переводом из сборника лирики "Пир мудрецов", составленного Афенеем.

АФРОДИТА - богиня любви. Рожденная из морской пены, богиня красоты — Венера или Афродита, была сперва вынесена морскими волнами на берег острова Кифера, а затем на остров Кипр, ставший любимым местом пребывания этой богини. По преданию, всюду, где бы она ни появлялась, под ее ногами вырастали прекрасные цветы. Обаянию ее красоты покорялись все: боги, люди и даже звери. Она самая красивая из всех богинь, вечно юная, вечно иллюстративная, ее прекрасные очи сулят одно блаженство, она обладает волшебным поясом, в котором заключены все ее чары любви, и даже гордая Юнона, желая вернуть любовь Юпитера, просит Афродиту одолжить ей этот пояс. В поэзии Афродиту часто называют Цитерой, Пафосской царицей. Венерой Милосской, Венерой морской.

"У Пафосской царицы свежий выпросил венок" ("Кривцову").

АХИЛЛ (АХИЛЕС) - герой мифологии древних греков, персонаж "Илиады" Гомера, участник Троянской войны. Вооруженный чудесным мечом,

который выковал для него Гефест - бог кузнечного ремесла, Ахилл отогнал троянцев, теснивших греков, и убил их предводителя. Он наделен красотой, ловкостью, силой.

“О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый” (“Из письма к Гнедичу”).

Пушкин обращается к поэту Гнедичу, который перевел на русский язык “Илиаду” Гомера и тем самым воскресил для русских читателей бессмертные образы древнегреческих героев. Мать Ахилла, Фетида, окунула его еще младенцем в воды подземной реки Стикс, держа за пятку, отчего все его тело, за исключением пятки, стало неуязвимым. Отсюда в переносном смысле выражение “Ахиллесова пятка”, то есть какое-нибудь слабое, уязвимое место.

БЕЛЛОНА - у древних римлян богиня войны. Она изображалась в образе женщины в длинном одеянии, с коньем, бичом, факелом и щитом. В храме Беллоны в Риме принимали полководцев и иноземных послов. Служение Беллоне - военная служба. Дети Беллоны - воины, солдаты.

“Питомец пламенной Беллоны” (“Орлову”).

БОРЕЙ - у древних греков бог северного ветра. Изображался в виде сильного мужчины, летящего на огромных крыльях. В пушкинское время - поэтическое название холодного зимнего ветра.

“И листья на другом размокнув и желтея, чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея” (“Румянный критик”).

ВАКХ (БАХУС или ДИОНИС) - в древнегреческой мифологии бог вина и веселья. Изображался красивым юношем с мягкими, почти лишенными мускулатуры формами, что-то среднее между мужской и женской фигурами; выражение лица его представляет какую-то смесь вакхического экстаза и нежной мечтательности; длинные, густые волосы распущены по плечам в причудливых завитках; тело лишено всякой одежды и только козья шкура небрежно наброшена на плечи.

“Помнишь ли, мой брат по чаше... как, укрывшись молчаливо в нашем темном уголке, с Вакхом нежились лениво школьной стражи вдалеке” (“Друзьям”).

ВЕСПЕР - поэтическое название планеты Венеры - вечерней звезды. “Уже редеют ночи тени и встречен Веспер пастихом” (“Евгений Онегин”).

ГЕБЕЯ или ГЕБАЙ - согласно древнегреческой мифологии, богиня молодости, олицетворение вечной юности. Она разносила богам на Олимп не-ктар.

ГЕНИЙ - у древних римлян добрый дух, хранитель человека. Считалось, что Гений формирует характер человека и сопутствует ему всю жизнь. В современном языке гений - высшая одаренность, творческий дар.

“Свой дар, как жизнь, я потратил без вниманья, ты гений свой воспитывал

в тиши" ("19 октября").

ГЕРАКЛ (ГЕРКУЛЕС) - в древнегреческой мифологии сын Зевса, герой, олицетворяющий физическую силу. Геракл совершил множество подвигов благодаря своей колоссальной силе и огромной силе воли. Исполняя самые тяжелые работы, он с осознанием своего долга покорно переносит жестокие удары судьбы. Он воевал и побеждал темные и злые силы природы, боролся с неправдой и несправедливостью. Он - сын Зевса, но мать его Акмена - смертная, поэтому он подвержен всем страстям и заблуждениям, свойственным человеку земному. Убив Немейского льва, Геракл постоянно носил его шкуру. Геракл смертельно ранил Кентавра, который, смочив своей кровью рубашку, подарил ее ревнивой жене Геракла Амфитрионе как средство, возбуждающее любовь. Рубашка приросла к телу Геракла и причиняла ему невыносимую боль. В современном языке Геракл (Геркулес) - символ необычайной силы, мощи, выносливости.

"Каким он здесь представлен исполнителем! Какие плечи! Что за Геркулес!" ("Каменный гость").

ГЕСИОД - древнегреческий поэт VIII-VII в. до н.э., автор известных поэм "Труды и дети", "Происхождение богов" и др.

"Взяв божественную лиру, так поведали бы миру Гесиод или Омир (Гомер)" ("Рифма, звучная подруга").

ГЕКЗАМЕТР - шестостопный стихотворный размер с постоянной цезурой в произведениях древнегреческих и римских поэтов. Гекзаметром написаны "Илиада" и "Одиссея" Гомера.

"Гекзаметра священные напевы" ("Сонет").

ГЕЛИКОН (МИФ) - гора в Средней Греции, на которой, по представлению древних греков, обитали музы и Аполлон, в честь которого здесь был построен храм.

"Что, если Аполлон, услышав, что и ты полез на Геликон, с презрением покачав кудрявой головой, твой гений наградит спасительной лозой?" ("К другу стихотворцу").

ГЕЛЛЕСПОНТ - древнее название Дарданельского пролива, соединяющего Мраморное море с Эгейским. Древнегреческий миф рассказывает о том, что однажды дети царя Атаманта и нимфы Нефеллы - мальчик Фрикс и златокудрая Гелла - плыли по Черному морю на великане баране с золотым руном. Вдруг ослабевшая Гелла соскользнула в воду и потонула в проливе, который и был назван Геллеспонтом, то есть морем Геллы.

Онегин "отправился налегке к бегущей под горой реке; певцу Гюльнары подражая, сей Геллеспонт переплывал" ("Евгений Онегин").

Здесь Пушкин вспоминает, что английский поэт Байрон (автор поэмы "Корсар", где героиня - Гюльнара) 3 июля 1810 года переплыл Дарданельс-

кий проилювшишию более километра за 1 час 10 минут.

ГЕРОСТРАТ - грек из Малой Азии, который, желая сохранить свое имя в веках, сжег в 356 г. до н.э. величайшее произведение античного искусства - храм Артемиды в Эфесе. "Слава Герострата" - позорная слава.

"Холоу венчанного солдата, благодаря свою судьбу: ты стоишь лавров Герострата" ("На А. С. Стурду"). Эпиграмма относится к дипломату и реакционному публицисту А. С. Стурду. Он составил по поручению Александра I записку, в которой изобразил германские университеты как орган революционной пропаганды. В студенческих кругах решено было убить Стурду, который поспешил уехать в Россию.

ГИМЕНЕЙ - у древних греков и римлян бог брака. Изображался в виде юноши, украшенного гирляндами из цветов, с факелом в руке. В переносном смысле - брак.

"Меж тем как мы, враги Гимена, в домашней жизни злим один ряд утомительных картин" ("Евгений Онегин").

ГЕФЕСТ - у древних греков бог огня и кузничного ремесла. В отличие от других олимпийских богов, любил физический труд и работал кузнецом, но делал, в основном, цепи, оковы и оружие, на что был большой спрос.

"Лемносский бог тебя сковал" ("Кинжал").

ГРАЦИИ (ХАРИТЫ) - у древних греков три сестры - богини красоты, радости; являлись олицетворением женской прелести.

"О ты, харит любовник своевольный" ("Послание к князю Горчакову"). "...стыдливость робкая, харит бесценный дар" ("Дориде"). "Напрасно грации стихи твои венчали".

В переносном значении - красавицы, обладающие всеми совершенствами. Это выражение иногда употребляется иронически.

"Младые грации Москвы сначала молча озирают Татьяну с ног до головы" ("Евгений Онегин").

ДАФНИС - у древних греков легендарный сицилийский пастух, автор пастушьих песен; сын Гермеса и нимфы, покинувшей его после рождения. В переносном смысле Дафнис - прекрасный юноша.

"Младой Дафнис, гоняясь за Доридой" ("Рассудок и любовь").

ДОРИДА - древнегреческое женское имя - условное поэтическое имя женщины.

"В Дориде нравятся и локоны златые, и бледное лицо, и очи голубые" ("Дорида").

ДИАНА - у древних греков и римлян богиня Луны и покровительница охоты. Полюбив прекрасного юношу, пастуха Эндиамиона, она усыпила его, чтобы он не разгласил тайну ее любви. Диана изображалась юной охотницей с колчаном за спиной, рядом с ней - посвященная ей лань. Как богиню Луны

ее изображали с полумесяцем на голове и факелом в руках, в длинной одежде. В переносном смысле - Луна.

“Одна печальна, под окном, озарена лучом Дианы, Татьяна, бедная, не спит” (“Евгений Онегин”).

ДРИАДЫ - нимфы, покровительницы деревьев. Древние греки верили, что дриады живут и умирают вместе с деревом. Считалось, что люди, ухаживающие за деревьями, пользуются особым покровительством дриад. Образ дриады часто встречается в искусстве и поэзии различных времен.

“Огромный, запущенный сад, приют задумчивых дриад” (“Евгений Онегин”).

ЕВРИПИД (ЭВРИПИД) - великий древнегреческий драматург. Наиболее известны его трагедии “Ипполит”, “Медея”, “Электра”. “Соперник Еврипида” - так называет юный Пушкин в “Городке” французского писателя Вольтера, высоко оценивая его трагедии.

ЖЕРТВА - в древности в дар божеству приносили в жертву какое-нибудь животное, которое тут же закалывали и сжигали на жертвеприношении. Это животное и называлось жертвой. Жертву украшали, прежде чем заколоть в дань божеству.

“Природа трепетна, бледна, как жертва, пышно убрана” (“Евгений Онегин”). В переносном смысле - обреченностъ.

“Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон” (“Поэт”).

ЖРЕЦ - служитель божества, совершающий жертвоприношение. Он имел привилегированное положение в обществе.

“Ты будешь Вакха жрец лихой” (“Пиরующие студенты”). В переносном смысле - человек, посвятивший себя чему-нибудь (науке, искусству).

ЗЕВС - в древнегреческой мифологии верховный бог, царь и отец богов и людей. Он пребывает на горе Олимп и управляет громом, молнией и всеми небесными явлениями. Зевс распределяет людям на земле добро и зло, дает им законы, следит за выполнением древних обычаяев и обрядов. Всемогущий правитель, Зевс изображался на троне со скипетром в одной руке, молнией в другой и орлом подле трона.

“Всевышней волею Зевса наследник всех своих родных” (“Евгений Онегин”).

ЗЕФИР - название западного ветра у древних греков, в поэтическом языке - теплый, легкий ветерок.

ЗОИЛ - древнегреческий философ IV в. до н.э., оратор и литературный критик, придилично и критически оценивающий поэмы Гомера. Его имя сделалось нарицательным для обозначения несправедливой критики.

“...сей усыпительный Зоил разводит опиум чернил слюною бешеною собаки”. Так характеризует Пушкин профессора Каченовского, отличавшегося

консервативностью своих взглядов.

ИКАР - в древнегреческой мифологии юноша, пытавшийся перелететь море на крыльях, которые сделал ему отец Дедал из перьев и воска. Икар потерпел неудачу: воск растопился, и он упал в море. Тело Икара прибило к острову, названному в его честь Икарией.

“С дерзостным Икаром страшась летать недаром, бреду своим путем – будь всякий при своем” (“Батюшкову”).

“ИЛИАДА” - название древнегреческой поэмы Гомера. Поэма рисует события и героев военного похода греков и осады города Трои. Высочайшая художественность и возвеличение героических сил человека создали этой поэме мировую славу.

“На перевод “Илиады” - так называется стихотворение Пушкина 1830 года, написанное по случаю перевода этой поэмы, сделанным поэтом Гнеди-чем. “Слыши умолкнувший звук божественной эллинской речи, старца вели-кого тень чую смущенной душой”.

ИППОКРЕНА - в древнегреческой мифологии ключ на горе Геликон, появился от удара копыта коня Пегаса и обладал чудесным свойством вдохновлять поэтов. В переносном смысле - источник вдохновения.

“Пегас иную Иппокрену копытом вышиб под тобой” (“К Языкову”).

ИТАКА - остров, где родился Одиссей. В переносном смысле означает достижение родного приюта после многих **невзгод и скитаний**.

“Скучной ролью Телемаха я наскучил, о, друзья, о Москва, Москва - Ита-ка...” (Из письма Пушкина к Ф. Вигелю).

ИФИГЕНИЯ - героиня древнегреческой мифологии. Когда греки собирались в поход на Трою, Агамемнон прогневил богиню Артемиду и, чтобы укротить ее гнев, вынужден был принести ей в жертву свою dochь Ифигению. Когда приступили к жертвоприношению, Артемида пожалела Ифигению, перенесла ее в Тавриду и сделала жрицей.

КАЛИГУЛА ГАЙ ЦЕЗАРЬ - римский император 1 в.н.э., участвуя в походах, носил солдатские сапоги - калиги, отсюда его прозвище. Отличался крайней жестокостью и деспотизмом. Своего любимого коня объявил консулом и составил для него придворный штат. Вызвал к себе ненависть войска и был убит заговорщиками.

“Калигулы последний час он видит живо пред очами” (“Вольность”). Пушкин говорит об убийстве русского императора Павла в 1801 году, сравнивая его с Калигулой за его деспотизм, жестокость, чрезвычайную подозрительность.

КАМЕНЬ - музы, 9 муз-сестер от Зевса и Мнемозины. У каждой музы своя сфера деятельности. Каллиопа - муза эпической поэзии и науки, Клиомуза истории, Мельпомена - муза трагедии, Эвтерпа - музы лирической по-

эзии, Эрато - музя любовной поэзии, Терпсихора - музя танца, Талия - музя комедии, Полигимния - музя поэзии гимнов, Урания - музя астрономии.

“За здравствуют музы! Да скроется тьма!” (“Вакхическая песня”).

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ - в древнегреческой мифологии источник на горе Парнас, в который была превращена нимфа Касталия разгневанным Аполлоном. Этот источник обладал чудесным свойством - всякий испивший из него надеялсяся поэтическим вдохновением.

“Кастальский ключ воною вдохновения в стени мирской изгнаников поит” (“В стени мирской”).

КЕНТАВР - в древнегреческой мифологии так называлось дикое существо, получеловек-полулошадь.

“Кентавра мстящий дар” (“Из А. Шенье”).

КЕРЕРА (ЦЕРЕРА) - в древних мифах богиня плодородия и земледелия. Керера изображалась в виде женщины с величавой осанкой, в венках из колосьев, с факелом и корзиной плодов. Главный миф о Керере рассказывает о похищении ее дочери Прозерпины богом подземного мира Аидом.

“И Кереры дочь уходит и счастливица за собой из Элизия выводит потаенной тропой” (“Прозерпина”).

КИПРИДА - у древних греков одно из имен богини любви Венеры. “Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, в обманчивых сетях, раскинутых Кипридой” (“Каков я прежде был”).

КИКЛОПЫ - в древнегреческой мифологии одноглазые великаны. Киклопы (Циклопы) - дети Урана и Геи. Их трое - Бронт, Стерон, Арг. Уран держкал Циклонов, как и всех своих детей, в недрах земли, в пещерах. Согласно мифам, помогали Гефесту ковать молнии для Зевса и оружие для героев земли. В переносном смысле - кузнецы.

“Сельские циклоны перед молитвенным огнем российским лечат молотком изделие легкое Европы” (“Евгений Онегин”).

КИРКА (ЦИРЦЕЯ) - волшебница с острова Эя, куда забросила морская судьба корабль Одиссея. Спутников Цирцея превратила в свиней, а его самого год удерживала на острове. Цирцея родила Одиссею сына Телегона. В переносном смысле - обольстительная красавица.

“Московских франтов и цирцей привлечь насмешливые взгляды” (“Евгений Онегин”).

КИФЕРА (ЦИТЕРА) - остров в греческом архипелаге, где находился храм богини Венеры. Отсюда одно из имен Венеры - Кифера.

“Есть роза дивная, она пред изумленною Киферой цветет, румяна и пышна, благословенная Венерой” (Начало стихотворения).

КЛЕОПАТРА - имя царицы Древнего Египта. Царствование ее совпало с периодом завоевания Египта Римом. Стремясь удержать власть, Клеопатра

соединяла свою судьбу то с Цезарем, то с Марком Антонием (римский полководец, перешедший на сторону Египта). Когда Марк Антоний был побежден Октавианом, Клеопатра отравилась, и Египет был присоединен к Риму. Клеопатра славилась умом, редкой красотой, образованностью и развращенностью. Образ Клеопатры и ее судьба служили темой многих литературных произведений. Нарядительное употребление имени Клеопатры предполагает сочетание всех этих черт.

“Она (Татьяна) сидела у стола с блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы” (“Евгений Онегин”).

КОЛХИДА - древнее название Черноморского побережья.

КОПИТ - одна из рек, окружающих подземное царство Плутона.

КСЕНОФАН КОЛОФОНСКИЙ - древнегреческий философ и поэт VI-V вв. до н.э. Пушкин перевел его стихотворение с французского языка в 1832 году, озаглавив его “Из Ксенофонта Колофонского”.

КУМИР - статуя языческого бога или героя.

“Любил я светлых вод и листьев шум, и белые в тени дерев кумиры” (“В начале жизни школу помню я...”).

ЛАИСА - имя известной своей красотой греческой куртизанки (V в. до н.э.). Позднее этим именем в переносном смысле называли красивых женщин легкого поведения.

“Я знал досуг, беспечных муз удел, и наслажденья лени сонной, красы лаис, заветные пиры и крики радости безумной” (“В. Ф. Раевскому”).

ЛАРЫ - так назывались у древних римлян души умерших предков, чтимые как боги - покровители родины, домащего очага, семейства и хозяйства. По преданию, лары охраняли дом и семью (подобно домовым в русской мифологии).

“Пою под чуждым небом, вдали домашних лар” (“Батюшкову”).

ЛЕМНОС - остров в Средиземном море. Лемносский бог - по древнегреческой мифологии, Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня и кузнечного ремесла. В спорах родителей Гефест всегда держал сторону матери. Однажды разгневанный Зевс сбросил его на остров Лемнос. При падении Гефест сломал ногу и остался хромым. Считался искусственным мастером по кузнечному делу. Сковал скипетр Зевсу, доспехи Ахиллу, построил богам великолепные медные чертоги. Изображался молодым кузнецом с молотом и клещами в руках, в одежде ремесленника.

“Лемносский бог тебя сковал для рук бессмертной Немезиды” (“Кинжал”).

ЛЕТА - у древних греков река забвения в царстве мертвых. Глоток воды из нее заставлял забыть землю, все прошлое, а также вычеркивал умершего из памяти живых.

“И память юного поэта поглотит медленная Лета, забудет мир меня” (“Евгений Онегин”).

ЛИКТОР - в Древнем Риме представитель почётной стражи при царях, диктаторах, консулах. Ликторы сопровождали членов высшей власти, расчищали перед ними дорогу и приводили в исполнение приговоры, для чего всегда носили пучок розг с топором.

“Смотри, как ликторы народ несчастный гонят” (“Лицинию”).

ЛИРА - древнегреческий струнный музыкальный инструмент. Игра на нем служила аккомпанементом поэту, исполнявшему свои песни. Символ поэтического вдохновения.

“...мой жребий нал, я лиру избираю” (“К другу стихотворцу”).

ЛЕДА - супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс, пленивший красотою Леды, в образе лебедя явился ей, когда она купалась в реке. В результате этих встреч родились два сына - Кастро и Поллукс. Они были близнецы, так как родились из одного яйца.

“Открыл тебе всю душу - от яиц Леды до падения Трои” (Из письма Пушкина).

МАРОН (ВЕРГИЛИЙ) - знаменитый римский поэт 70-19 годы до н.э. Прославился героической поэмой “Энеида”, в основе которой лежит сказание о троянце Энее, бежавшем во время пожара Трои.

“Вергилий, Таесс с Гомером, все вместе предстоят” (“Городок”).

“Люблю с моим Мароном под ясным небосклоном близ озера сидеть” (Там же).

МАРС - у древних римлян бог войны. Изображался в виде молодого сильного мужчины в боевом шлеме.

“Друг Марса, Вакха и Венеры, тут Аунин дерзко предлагал свои решительные меры” (“Евгений Онегин”).

МЕЛЬПОМЕНА - в греческой мифологии муз трагедии. Изображалась в виде высокой женщины с повязкой на голове, венке из виноградных листьев, в театральной мантии, с трагической маской в одной руке и мечом в другой.

“Но там, где Мельпомены бурной протяжной раздается вой, где машет мантией мишуруной она пред хладною толпою” (“Евгений Онегин”).

По правилам классической декларации от актера, особенно трагического, требовалось произношение слов нарасын.

МЕНТОР - друг Одиссея. Уходя на войну с троянцами, Одиссей поручил своему другу воспитание сына Телемаха, и тот оберегал и воспитывал его в отсутствие отца. В переносном смысле - наставник, воспитатель, руководитель.

“Пожалуйста, будь моим ментором” (“Арап Петра Великого”).

МЕРКУРИЙ - бог торговли, обмана, воровства. В химии и медицине -

название ртути.

“Я стражду восемь дней с лекарствами в желудке, с меркурием в крови, с раскаяньем в рассудке”.

МИДАС - в древнегреческой мифологии фригийский царь, который присудил победу Пану в музыкальном соревновании с Аполлоном. За это был награжден ослиными ушами, которые скрывал под колпаком.

“Смеясь веселым часом, не снимет колпака философ пред Мидасом” (“Послание к Галичу”).

МИНЕРВА - у древних римлян богиня мудрости, покровительница наук, искусства, ремесел, врачевания. Минерва изображалась в виде суровой и величественной девы, в длинном одеянии и в полном боевом вооружении - с копьем, щитом и в шлеме; у ног ее - священная итида сова или змея.

“Не сей ль Минервы росской храм?” (“Воспоминания в Царском Селе”).

МИФ - древнее сказание о богах и героях; вообще что-нибудь легендарное, баснословное, выдумка.

“Имя его казалось мне вымыщенным и предание о нем мифом” (“История села Горюхина”).

МНЕМОЗИНА - у древних греков богиня памяти, мать девяти муз. Изображалась окруженной своими дочерьми - музами. В переносном смысле - память.

“Уладить его страданья Мнемозина притекла” (“Рифма, звучная подруга”).

МОМ - у древних греков бог насмешки и иронии. Миф рассказывает, что Мом лопнул от злости, так как не мог найти в Афродите никаких недостатков. “Сын Мома и Минервы” - Пушкин о Вольтере.

МОРФЕЙ - в древнегреческой мифологии бог сна, сновидений, летающий неслышно на длинных крыльях. Морфей изображался в виде старика с крыльями и венком из мака. Символ сладкого сна.

“В объятиях Морфея беспечный дух лелея, еще хоть год один позволь мне полениться” (“К Дельвигу”).

МУЗА - в древнегреческой мифологии одна из девяти богинь-сестер - покровительниц искусств и науки (у древних римлян они назывались каменами). Любимым местопребыванием муз считались горы Геликон и Парнас. Там они проводили время в гротах и у прохладительных напитков. Музы изображались цветущими красивыми девушками с одухотворенными лицами. Муза - символ вдохновения.

“Мой дядюшка - поэт, на то мне дал совет и с музами сошватал” (“К Дельвигу”).

“Моя студенческая келья вдруг озарилась, музу в ней открыла мир младых затей” (“Евгений Онегин”).

“Служенье муз не терпит суеты” (“19 октября 1825 года”).

НАЗОН (ОВИДИЙ НАЗОН ПУБЛИЙ) - римский поэт, автор элегий, поэмы “Наука любви”. Император Август сослали его в город Томи, расположенный в устье Дуная. Когда Пушкин был сослан на юг, он сравнивал свою судьбу с судьбой римского поэта-изгнаниника. В послании “К Овидию” (1821 год) он писал: “Не славой - участью я равен был тебе”.

НАЯДА - в греческой мифологии божество, обитающее в реках, потоках. Наяды почитались как покровительницы сил природы, благоприятных для полей, животных и растений. “...там в тихом озере плескаются наяды его ленивою волною” (“Воспоминания в Царском Селе”).

НЕМЕЗИДА - у древних греков богиня судьбы и возмездия. В ее внешнем облике подчеркивались характерные ее признаки: равновесие, контроль, наказание и быстрота. Она изображалась с весами, уздечкой, мечом и плетью, крыльями, колесницей, запряженной грифонами, то есть чудовищами с львяным туловищем и орлиной головой.

“Лемносский бог тебя сковал для рук бессмертной Немезиды” (“Кинжал”). “И длань народной Немезиды подняту видит великан, и до последней все обиды оплачены тебе, тиран!” (“Наполеон”). Имеется в виду победа русского народа над Наполеоном в Отечественной войне. “...мы не сожжем Варшавы их, они народной Немезиды не узрят гневного лица” (“Бородинская годовщина”), то есть русские не подвергнут чужой город разрушению.

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ - в древнегреческой мифологии лев, чудовищный хищник, опустошивший Немейскую долину. Он был убит Геркулесом (Гераклом). Это был один из его подвигов. “...и в ногах немейский лев разостлан” (“Из Шенбе”).

НЕПТУН - в античной мифологии бог морей. Изображался с трезубцем, которым он усмирял или возмущал морские волны.

“Ты славишь лирой золотой Нептуна грозного трезубец. Не славь его. В наш гнусный век седой Нептун Земли союзник” (“Из письма к А. П. Вяземскому”).

НЕРЕИДЫ - морские пимфы, дочери морского божества Нерея. Согласно греческим мифам, их пятьдесят. Они живут в глубине моря, кружатся в хороше, а в лунные ночи выходят на берег, где поют и пляшут. Они благожелательны к людям и помогают морякам в минуты опасности. Нереиды изображались в виде прекрасных девушек, часто в окружении подводных им морских чудовищ. В поэзии нереиды часто олицетворяют морские волны.

“Как часто по брегам Тавриды она меня во мгле ночной водила слушать шум морской, немолчный шепот нереиды” (“Евгений Онегин”). “Среди зеленых волн, лобзящих Тавриду, на утренней заре я видел нереиду” (“Нереида”).

НИМФЫ - в мифах древних греков многочисленные божества. Это были дочери лесов, рек, гор и морей. Они не были бессмертны подобно богам, но жизнь их была положительна и беззаботна. Любя прохладу и таинственную тень лесов, они пели в гротах и покоились на влажном мхе. Нимфы носили различные названия, смотря по месту пребывания: водяные нимфы назывались наядами, морские - нереидами, горные - ореадами, лесные - дриадами. Все эти нимфы живут свободно и самостоятельно, охотятся за дичью в свите Дианы, пляшут в хороводах при лунном свете и оказывают людям всевозможную помощь.

“Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея” (“Рифма”).

НИОБЕЯ - в древнегреческой мифологии мать шести сыновей и шести дочерей (позднейшие легенды дают другое количество детей). Гордая своими детьми, Ниобея смеялась над богиней Латоной, родившей только двух детей - Аполлона и Артемиду. Оскорблена этим, богиня жаждала отмщения, и тогда Аполлон поразил сыновей Ниобеи, а Артемида - всех ее дочерей. После смерти своих детей Ниобея, по велению Зевса, превратилась в скалу, и только слезы продолжали течь из ее глаз. Образ Ниобеи в искусстве и литературе - символ горя, печали, душевных страданий.

“Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую: гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе - сколько богов и богинь, и героев! Вот Зевс-громовержец... тут Аполлон - идеал, там Ниобея - печаль” (“Художнику”).

ОДИССЕЙ - один из героев “Илиады” и главный герой “Одиссеи” - поэмы великого древнегреческого поэта Гомера, легендарный сын Итаки, участник Троянской войны. В поэме “Одиссея” рассказывается о странствиях, приключениях Одиссея и возвращении его на родину.

“...навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня, с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея” (“История села Горюхина”).

ОЛИМП - гора в Греции. На этой горе обитали боги.

“Недаром потрясла брань Олимп и Пинд, и Фермоналиы”. (“Восстань, о Греция”).

ОРАКУЛ - в античном мире так назывался прорицатель воли божества, предсказатель будущего. В переносном смысле - мыслитель, философ, поэт, оставивший векам свои стихотворения.

“Оракулы веков, здесь вопрошаю вас” (“Деревня”).

ОРФЕЙ - легендарный певец и музыкант Древней Греции. Он сам создавал музыку и стихи. Очарованные игрой Орфея деревья склонялись к нему, реки переставали течь, дикие звери ложились у его ног. Жена Орфея - нимфа Эвридия. Орфей ее очень любил, и когда она, ужаленная змеей, умерла, Орфей отправился в царство теней умолить Персефону вернуть ему жену. От звуков его лиры и голоса все препятствия исчезли сами собой. Плутон, покоренный

звуками печальной лиры Орфея, соглашается вернуть ему Эвридию, но с условием, что он не взглянет на нее, пока не выйдет из царства теней. Они прошли все препятствия, когда им оставалось сделать лишь один шаг, чтобы выбраться из подземного царства, Орфей обернулся. Орфей хочет ее обнять, но она вновь исчезает в мрачном жилище Плутона.

В переносном смысле - выдающийся мастер искусства.

“...пора нам в оперу скорей, там упоительный Росини, Европы баловень-Орфей” (“Евгений Онегин”).

ПАЛЛАДА - богиня у древних греков. То же, что Афина, Минерва. “Фидий сам питомец Феба и Паллады, любуясь ими, наконец, свой очарованный резец из рук бы выронил с досады” (“Руслан и Людмила”).

ПАРИС - в древнегреческой мифологии троянский царевич, сын Приама и Гекубы. Мать Париса еще до рождения сына увидела сон, будто она родила огнь, который спалил Трою. Прорицатели истолковали этот сон так, что ее родной сын погубит родной город, поэтому Париса после рождения бросили на съедение диким зверям. Но Париса хранили боги, и он не погиб. Мальчики вырастил, воспитал пастух, и он вырос сильным и необыкновенной красоты.

На одном из пиров богов не приглашенная на пир богиня раздора Эрида, решив отомстить богам за обиду, подкинула им на стол яблоко с надписью “прекраснейшей”, которое, естественно, вызвало спор между богинями - Герой, Афиной и Афродитой. Богини обратились к Зевсу, чтобы он разрешил их спор, и Зевс отправил их к Парису. Парис решил спор в пользу Афродиты, которая обещала подарить ему самую прекрасную женщину на земле. Афродита стала ему покровительствовать. Она помогла ему вернуться в свою семью, похитить жену спартанского царя Менелая - Елену, что и вызвало троянскую войну и падение Трои. При защите родного города Парис был смертельно ранен стрелой Филоктета.

“Парис окружных городков, подходит к Ольге Петушки” (“Евгений Онегин”).

ПАРНАС - название горы в древнегреческой области Фокиде, местопребывание Аполлона и муз. Здесь, в ущелье, находился Дельфийский храм Аполлона с оракулом - символ мира, поэзии, искусства.

“Арист! И ты в толпе служителей Парнаса!” (“К другу стихотворцу”).

ПАФОС - город на острове Кипр, где согласно греческим мифам, родилась богиня любви и красоты Афродита (Венера). Пафосская царица - Венера, Афродита.

“...у пафосской царицы свежий выпросил венок” (“К Кривцову”).

ПЕГАС - в древнегреческой мифологии крылатый конь, под ударом копыта которого забил источник Иппокрена, вдохновляющий поэтов. В перенос-

ном смысле – оседлать Пегаса – стать поэтом.

“Наследник смиренного Пегаса, носил я старого Парнаса из моды вышедшей мундир” (“Давыдову”).

ПЕНАТЫ – так назывались у древних римлян боги домашнего очага, семьи и хозяйства, символ домашнего очага, родного дома.

“Своим пенатам возвращенный, Владимир Ленский посетил соседа памятник смиренный” (“Евгений Онегин”).

ПИНД – горный кряж в Греции, где находятся горы Парнас и Геликон, на которых, по представлению греков, обитали музы. Символ поэтического творчества, поэтических занятий.

“...На Пинде лавры есть, но есть там и крапива” (“К другу стихотворцу”).

ПИФОН – в древнегреческой мифологии дракон, сын Геи, который охранял оракул Дельфийского дворца. Аполлон убил чудовище, снял с него шкуру и обернул ею треножник, на котором сидела Пифия, передавшая ответы оракула.

“Лук звенит, стрела трепещет, и, клубясь, издох Пифон” (“Эпиграмма”).

ПЛУТОН – в древнегреческой мифологии бог подземного мира – царства мертвых; то же, что Аид. Изображался обычно сидящим на троне с трезубцем в руке, у ног его – пес Цербер, охраняющий подземное царство.

“... кони бледного Плутона быстро кnimфам Пелиона из аида бога мчат” (“Прозерпина”).

ПРИАМ – троянский царь, один из героев Гомера “Илиада”, отец многочисленного семейства. В переносном значении – отец многочисленной семьи.

“...вы, деревенские Приамы” (“Евгений Онегин”).

ПОМОНА – римская богиня плодородия. В образной поэтической речи “дары Помоны и Флоры” – обилие плодов и цветов.

“Могу сойти в веселый сад, где вместе Флора и Помона цветы с плодами мне дарят” (“Послание к Юдину”).

ПОСЕЙДОН – у греков бог морей, сын Кроны и Реи, брат Зевса, Аида, Геры, Деметры. Иносказательно – морская стихия.

ПРОЗЕРПИНА – в древнегреческой мифологии владычица подземного царства, богиня произрастания злаков и плодородия земли. Миф рассказывает о том, что Прозерпина была похищена Плутоном, богом подземного царства. Разысканная своей матерью Деметрой, Прозерпина должна была по велению Зевса проводить треть года со своим супругом в преисподней, а две трети – с матерью на земле. Образ Прозерпины – символ ежегодно умирающей и вновь расцветающей природы.

“В даль пустынного залива Прозерпина вслед за ним, равнодушна и ревнича, потекла путем одним” (“Прозерпина”).

ПСИХЕЯ - в древнегреческой мифологии подруга бога любви Амура, богиня прелести и грации. Имя "Психея" образовано от греческого слова "душа". Психея олицетворяла собой человеческую душу и изображалась в виде бабочки или прекрасной девушки с крыльями бабочки.

"...наперник милый Психеи златокрылой" ("Городок"). Пушкин имеет в виду поэта Богдановича, автора поэмы "Душенька", в основу которой положен миф об Амуре и Психеи.

РОМУЛ - легендарный основатель и первый царь Рима VIII в. до н.э. По преданию, Ромул был вскормлен волчицей и воспитан женой настуха. При основании Рима он убил своего брата Рема в споре из-за того, чье имя должен носить город и кто должен им управлять. Ромул царствовал 37 лет. Согласно легенде, смерть Ромула была таинственной. На народном собрании внезапно спустилось на землю облако, и когда оно рассеялось, Ромул исчез. Вследствие этого он почтился у римлян богом под именем Квиринаusa.

"...по дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей" ("Евгений Онегин").

САТИР - в древнегреческой мифологии низшее божество, козлоногий горный и лесной дух. Мифы изображают сатиров ленивыми, часто полуульяными с сосудами с вином.

"Вот исподобия глядит, дуя в цевнице, сатир" ("Художнику").

САФО - древнегреческая поэтесса VII-VI вв. до н.э. Ее стихи (любовная лирика, элегии, гимны) сохранились в отрывках. По преданию, Сафо, безнадежно влюбленная в юного Феона, бросилась со скалы в море.

"Счастливый юноша, ты всем меня пленил" ("Сафо").

СЕНЕКА ЛУЦИЙ АННЕЙ - римский философ и писатель I века н.э., был воспитателем Нерона. Обвиненный в заговоре, Сенека был приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена на показательное самоубийство путем вскрытия вен. В своих сочинениях проповедовал стоицизм, то есть равнодушие к жизненным благам, твердость и мужество в житейских испытаниях.

"...друзья, почто же с Кантом Сенека, Таций на столе, фолиант над фолиантом?" ("Пирующие студенты").

ТАВРИДА - старинное название Крыма, употребление в поэтическом языке по имени древнего племени тавров, живших здесь до нашей эры.

"Прекрасны вы, брега Тавриды" ("Евгений Онегин").

ТАЛИЯ - в древнегреческой мифологии муза комедии. Изображалась в виде молодой девушки с венком из плюща, маской и посохом в руках.

"Где Талия тихонько дремлет и плескам дружеским не внемлет" ("Евгений Онегин").

ТАРТАР - в древнегреческих мифах самая глубокая и самая мрачная

часть “царства мертвых”, пропасть, в которую Зевс ввергал преступников, где мутились грешники.

“Тараг тени ждет моей” (“Ода LVI”).

ТЕРПСИХОРА - в древнегреческой мифологии муза танца. Изображалась в виде молодой девушки с лирой в руках. Нарядительно — балерина.

“Узрю ли русской Терпсихоры душой исполненный полет” (“Евгений Онегин”). “...где Терпсихоре лишь одной дивится зритель молодой (там же).

ТРЕНОЖНИК - так называлась подставка или плита на трех ножках, которой пользовались жрецы, прорицая свои предсказания, сидя на ней. В переносном смысле - место, с которого говорят что-то важное.

“...садился Дiderot на шаткий свой треножник” (“К вельможе”).

ТРИТОН - в древнегреческой мифологии морское чудовище, которое прислуживала Посейдону, гонялось за нимфами, губило людей.

“...и вскрыл Петроноль, как Тритон, по ноге в воду погружен” (“Медный всадник”).

ТРИУМФ - в Древнем Риме торжественная встреча полководца, возвращавшегося после победы; блестящий успех, торжество.

“Благославляет он... твоих сподвижников отвагу, и весть триумфа твоего” (“Бородинская годовщина”).

ФАВН - в древнегреческой мифологии бог лесов и полей, покровитель пастухов и стад. Изображался с козлиными ногами и острыми ушами.

“Тут нет ни сельских пимф, ни девственных мадонн, ни фавнов” (“Полководец”).

ФЕОКРИТ - знаменитый древнегреческий поэт III в. до н.э., воспевавший в своих произведениях пастухов и пастушек и простоту их жизни.

Онегин “брал Гомера, Феокрита” (“Евгений Онегин”). “Кто на снегах взрастил Феокритовы нежные розы?” (Начало стихотворения о Дельвиге).

ФИАЛ - у древних греков чаша в виде широкой бутылки с горлышком, чаша, кубок.

“...и вспомнив старину за дедовским фиалом, свой дух воспламеню жестоким ювеналом” (“Лицинию”). “Зизи, кристалла души моей, предмет стихов моих невинных, любви приманчивый фиал” (“Евгений Онегин”).

ФИЛЛИДА - в древнегреческой мифологии, фракийская царица, полюбившая сына Тесея Демофонта, будучи не в силах перенести разлуку с ним, повесилась. Боги превратили ее в миндалевое дерево. Вернувшись во Фракию, Демофонт обнял дерево, и оно расцвело. О верной, любящей Филлиде писали Вергилий и Овидий. Ее имя часто встречается в русской поэзии.

Ольга Ларина представляется Онегину поэтической Филлидой. “Ах, слушай, Ленский, да нельзя увидеть мне Филлиду эту, предмет и мыслей, и тела...”

(“Евгений Онегин”).

ФИЛОМЕЛА - в древних мифах греков афинская царевна, превращенная богами в соловья. В поэтическом языке - соловей.

ФЛЕГЕТОН - в древнегреческой мифологии огненная река, окружающая подземное царство. (“Плещут волны Флегетона”. “Прозерпина”).

ФОРТУНА - у древних римлян богиня счастья, удачи, случая. Изображалась женщиною с “рогами изобилия” в руках, ссыпающей монеты, стоящей на колесе или на шаре, с повязкой на глазах. Символ счастья, удачи.

“Тебе рукой Фортуны своеправной указал путь счастливый и славный” (“Князю Горчакову”). “...катится мимо их Фортуны колесо” (“К другу стихотворцу”).

ФУРИИ - у древних римлян богини мести. Их было три, изображались со змеями на головах, с бичом в одной руке и светильником в другой.

“Ты видел вихорь бури, надение всего, союз ума и фурий” (“К вельможе”).

ХАРИТЫ - у древних греков три сестры, богини красоты, радости. Являлись олицетворением женской прелести (у древних римлян назывались грациями).

“О ты, харит любовник своевольный” (“Послание к князю Горчакову”) “...стыдливость робкая, харит бесценный дар” (“Дориде”).

ЦИРЦЕЯ - одно из действующих лиц поэмы Гомера “Одиссея”, волшебница с острова Эя, своими чарами заманившая к себе путешественников. Влюбившись в Одиссея, она превратила его спутников в свиней, дав им выпить волшебный напиток. В переносном смысле - опасная красавица, обольстительница.

“Я променяла порочный двор цирцей, роскошные пиры, забавы, заблуждения на мирный шум дубрав” (“Деревия”).

ЦИТЕРА - то же, что Кифера.

“Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица!” (“Вольность”).

ЦИТЕРЕЯ - то же, что Венера.

“Так Алемноса хромой кузнец, припаяв супружеский венец из рук прелестной Цитереи, раскинув сеть ее красам” (“Руслан и Людмила”).

ЭВМЕНИДА - в древнегреческой мифологии одна из трех богинь-мистиц, обиженных и оскорбленных. Эвмениды изображались в виде безобразных старух со змеями в волосах, с бичами или факелами в руках.

“...здесь успокоена была вражда свирепой Эвмениды” (“Чадаеву”). “...но вышний суд ему послал тебя и деву Эвмениду” (“Кинжал”).

ЭДИП - легендарный древнегреческий герой, сын фивского царя Лая, отличавшийся умом и хитростью, разгадавший загадку сфинкса - крылатого существа с туловищем льва, с головой и грудью женщины. “Кто славянин

молодой, грек духом, а родом германец? Вот загадка моя: хитрый Эдип, разрезши” (“Кто на снегах...”).

ЭЛИЗИЙ (ЭЛИЗИУМ, ЭЛИЗЕЙ) - в древнегреческой мифологии загробный мир, царство мертвых, где находились тени героев и добродетельных людей.

“И Цереры дочь уходит, и счастливца за собой из Элизия выводит потаенюю тропой” (“Прозерпина”).

ЭЛЛИНСКИЙ - прилагательное к “эллин” - греч. “Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи” (“На перевод “Илиады””).

ЭОЛ - в древнегреческой мифологии бог ветров. Изображался сидящим на вершине скалы, в пещеры которой были заключены ветры.

“...она, одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит, и вдруг прыжок и вдруг летит, летит, как пух от уст Эола” (“Евгений Онегин”).

ЭПИКУР - древнегреческий философ-материалист IV-III вв. до н.э., учивший, что цель жизни заключается в наслаждении. Для достижения счастья человеку необходимо знать законы природы и **освободиться от предрассудков и веры в загробную жизнь**. Философия Эпикура направлена была против суеверий и религии.

“Апостол неги и прохлад, мой добрый Галич, Vale7! Ты, Эпикуров младший брат, душа твоя в бокале” (“Пиরющие студенты”). Так характеризует Пушкин лицейского профессора словесности Галича, который пользовался большой любовью лицеистов и участвовал в их пирушкиах.

ЭПИКУРЕЦ - последователь учения Эпикура, человек, видящий смысл жизни в удовольствиях, развлечениях.

“...добрые ленивицы, эпикурейцы, вы, равнодушные счастливцы” (“Евгений Онегин”).

ЭРАТО - в древнегреческой мифологии муза любовной поэзии. Изображалась с лирой в руках.

“Эраты нежный друг” (“Городок”). Так Пушкин характеризует французского писателя Вольтера.

ЭРМИЙ (то же, что ГЕРМЕС) - в древнегреческой мифологии **бог дождя, полей, пастищ**. Изображался в виде красивого юноши с жезлом в руках и крыльшками у ступней. Сын Эрмия, Пан - веселый бог лесов и рощ, покровитель стад и дичи, изображался рогатым, обросшим волосами, с козлиными ногами.

“Веселый сын Эрмия ребенка полюбил” (“Батюшкову”).

ЭРОТ - бог любви у древних греков, то же, что у **древних римлян Амур** - олицетворение любви. Золотые стрелы Эрота рождают в **человеке** чувства любви, приносящее радость, счастье, а также страдание, а порою гибель. Эрот изображался юношей (мальчиком) с крыльшками, луком, стрелами, колча-

ном.

“Блажен, кто веселится в покое, без забот, с кем втайне Фед дружится и маленький Эрот” (“Городок”).

ЭСКУЛАП - у древних греков бог врачевания, исцеления. Эскулап - сын Аполлона, отданный им на воспитание кентавру Хирону, где он постиг искусство врачевания. Эскулап воскрешал даже мертвых, за что был сам умерщвлен Зевсом. Изображался похожим на Зевса, опирающимся на посох, вокруг которого обвиваются змеи.

“Я ускользнул от Эскулапа, худой, обритый, но живой” (“В. В. Энгельгард”).

ЭСХИЛ - великий древнегреческий поэт, “отец трагедии”. Сохранилось семь трагедий Эсхила. Эсхил наполнял мифологические образы глубоким реализмом и гуманистическим содержанием.

“...младой Катенин воскресит Эсхила гений величавый, и ей порфиру возвратит” (“Все так же ль осеняют своды...”). Катенин переводил на русский язык иностранных драматургов, в том числе Эсхила.

ЭХО - в древнегреческой мифологии нимфа, олицетворение горного и лесного эха. По одному из мифов, Эхо полюбила прекрасного Нарцисса и от безответной любви к нему зачахла так, что от нее остался один лишь голос.

Другой миф рассказывает, что когда Зевс гостила у нимф, Эхо своими разговорами отвлекала внимание Зевса на себя. Разгневанная ревнивая Гера в наказание за болтливость Эхо лишила ее дара речи, и с тех пор Эхо может только повторять окончание чужих слов.

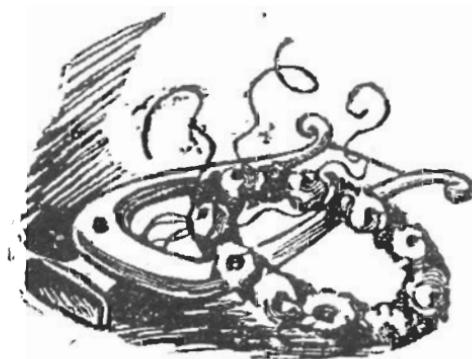
“Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея” (“Рифма”).

ЮВЕНАЛ - знаменитый римский поэт-сатирик. В своих сатирах Ювенал обличал императорский деспотизм, пороки римской знати, показывал бедственное положение ученых, поэтов, неимущих слоев общества. Смелость и резкость его сатир стяжали ему славу в веках как поэта-обвинителя, разоблачающего современное ему общество.

“О муза пламенной сатиры! Приди на мой призывный клич! Вручи мне Ювеналов бич!” (“О муза пламенной сатиры”).

Список литературы

1. Агранович С. З., Рассовская Л. П. Историзм Пушкина и поэтика фольклора. 1989.
2. Дератани Н. Ф. Пушкин и античность. 1938.
3. Немировский М. Я. Пушкин и античная поэзия. 1937.
4. Переписка А. С. Пушкина.
5. Покровский М. М. Пушкин и античность. 1939.
6. А. С. Пушкин о литературе. М.: Детская литература. 1977.
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т.-М.: Наука. 1962-1966.

Содержание

Я Вас любил.....	3
Божественная лира.....	75

Неунывахин Геннадий Максимович

Я Вас любил...

Технический редактор Волкова О. В.
Дизайнер Салошин К. А.

Сдано в набор 1.09.05г. Подписано в печать 27.03.06
Формат 60x90 1/16. Объем 8. Заказ 2404 Тираж 200
Подготовленно к печати ООО “СпортДизайн”
Отпечатано на ОАО “Новокузнецкий полиграфкомбинат”.

